

По благословению
митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора

Дворянское Собрание Кубани
Краснодарское Морское Собрание
ГНТУ «Кубанский казачий хор»

«Под Андреевским верным стягом...»

***(к 225-летию Черноморского Военного Флота России
и 220-летию со дня рождения
выдающегося русского флотоводца М.П. Лазарева)***

**Материалы
III Международных Дворянских чтений
(10 – 11 ноября 2007г.)**

*Краснодар (Екатеринодар)
2007*

УДК 359
ББК 68.54
П 44

Научный редактор:

кандидат исторических наук,
доцент кафедры дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета
Матвеев О.В.

Редактор и составитель:

пресс-атташе Дворянского Собрания Кубани,
член Союза писателей Украины
Сухачёва Е.М.

ISBN 5-94-932-008-6

П 44 Под Андреевским верным стягом...: Материалы III Международных Дворянских чтений. Изд-во «Кубанькино». Краснодар, 2007. – 148 с.

ISBN 5-94-932-008-6

УДК 359
ББК 68.54
П 44

© Дворянское Собрание Кубани, 2007

Раздел I.

Гордость и слава России

О.В. Матвеев

**«С хладнокровием, отменным искусством
и примерным мужеством...»**

**К 220-летию со дня рождения
великого русского флотоводца М.П. Лазарева**

В полдень 12 сентября 1838 г. на рейде Суджукской бухты появились многочисленные паруса. Между устьем реки Цемес и развалинами турецкой крепости Суджук-кале встала на якорь эскадра. Командовал эскадрой Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал и кавалер Михаил Петрович Лазарев. В рапорте начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову Лазарев пишет: «Эскадра Черноморского флота, состоявшая под личным моим начальством из кораблей «Императрица Екатерина II», «Султан Махмуд» и «Силистрия», фрегатов «Энос», «Тенедос», «Бургас», «Агатполь» и «Браилов» с присоединением находившихся уже у черноморских берегов «Северная звезда», «Громоносец» и «Колхида» по принятии десанта.

*Адмирал
М.П. Лазарев*

Имя выдающегося русского флотоводца золотыми буквами вписано в венок славы Отечества. Он родился 3 ноября 1788 г. в г. Владимире в семье сенатора Петра Гавриловича Лазарева, правителя Владимирского наместничества. Незадолго до своей кончины, в феврале 1800 г. сенатор определил своих сыновей Андрея, Михаила и Алексея в Морской кадетский корпус. С этого времени началась

служба М.П. Лазарева на флоте. Большую роль в воспитании будущего флотоводца сыграл академик Платон Яковлевич Гамалея, видный педагог и ученый, занимавший должность инспектора классов в Морском корпусе. Осенью 1803 г. в числе других гардемарин М.П. Лазарев был послан за границу для ознакомления с постановкой военно-морского дела в иностранных флотах. Стажировка в зарубежном, особенно в английском флоте, входила в программу обучения в корпусе. Пять лет Лазарев прослужил на английских кораблях, плывал в водах Вост-Индии и в Атлантическом океане. В мае 1808 г. мичман Лазарев получил назначение на Балтийский флот. В Отечественную войну 1812 г. Михаил Петрович нес службу на двадцатичетырехпушечном бриге «Феникс», входившем в отряд капитана 2 ранга И.С. Тулубьева, на которого была возложена задача прикрывать Рижский залив от возможного проникновения французских судов. Для отвлечения вражеских сил от Риги командующий русскими войсками в августе 1812 г. решил высадиться в Данциге, который тогда был занят французами. Высадка десанта, в котором принимал участие и Лазарев, прошла успешно. Французы были вынуждены стянуть свои войска в район высадки, и это значительно облегчило положение Риги. К 1813 г. двадцатипятилетний лейтенант Михаил Лазарев отслужил одиннадцать морских кампаний. Это был уже опытный моряк, волевой и требовательный командир, умевший заслужить доверие своих подчиненных. Приглашенный правлением Российско-американской компании на должность командира судна «Суворов». Михаил Петрович совершил плавание вокруг света. В феврале 1819 г. русское правительство приняло решение об организации научно-исследовательской экспедиции в южно-полярные воды на поиск шестой части света, известной в то время под названием «Терра аустралис инкогнита». Известный английский мореплаватель Джеймс Кук, в 1773 г. пытавшийся проникнуть на южный полюс, встретил сплошные льды и отверг саму возможность существования здесь материка. «Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдом морях в поисках южного материка, настолько велик, – писал Дж. Кук, – что смело могу сказать: ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы». Опровергнуть это утверждение оказалось под силу только русским ученым и морякам. 3 июля 1819 г. экспедиция под командованием капитана 2 ранга Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена на шлюпах «Восток» и «Мирный» отплыла из Кронштадта. Шлюпом «Мирный» командовал

М.П. Лазарев. 17 января 1821 г. в 11 часов утра, следуя вдоль кромки сплошного льда со шлюпов увидели берег. Это был материк Антарктида. Обнаруженную землю русские моряки назвали берегом Александра I. Результаты экспедиции были огромны и имели исключительное значение для развития науки. Беллинсгаузен и Лазарев открыли шестую часть света, нанесли на карту 29 островов и подводный горный хребет, идущий от земли Грэма к Южной Америке. В невероятно трудных условиях плавания во льдах, в туманах, при снегопадах и морозах экспедиция шесть раз пересекла полярный круг и достигла самых больших широт (69°53'S), куда почти в течение ста лет после Беллинсгаузена и Лазарева не заходило ни одно судно. Отмечая роль М.П. Лазарева в экспедиции, Ф.Ф. Беллинсгаузен доносил морскому министру: «При сем побуждаюсь долгом, возложенным на меня, рекомендовать в.в. пр.-ву г. лейтенанта Лазарева, который приобрел ту похвалу, что в продолжении двукратного плавания к Южному полюсу при непрестанных ненастных погодах, как-то: мрачностях, густых снегах, нередко бурях, внезапно застававших нас среди густых ледяных островов, не разлучался, чего в истории путешествий как иностранных, так и отечественных примера до сего времени не было».

По возвращению из третьего кругосветного путешествия в феврале 1826 г. М.П. Лазарев был произведен в капитаны 1 ранга и назначен командиром строившегося в Архангельске линейного корабля «Азов». Построенный под наблюдением Михаила Петровича «Азов» стал лучшим кораблем в русском флоте и долгое время служил образцом для строительства других судов. Осенью 1827 г. русская эскадра под командованием контр-адмирала Л.П. Гейдена прибыла к греческим берегам для поддержки поднявшихся против османского ига балканских народов и давления на Турцию, отказавшуюся выполнять требование европейских держав предоставить Греции автономию. 8 октября 1827 г. в Наваринской бухте произошло сражение между турецко-египетским флотом и объединенной эскадрой России, Великобритании и Франции. «Азов» под командованием М.П. Лазарева один сражался с пятью вражескими кораблями, уничтожил фрегат турецкого флагмана Тахир-паши и линейный корабль египетского флагмана Мухарем-бея, следуя традиции выдающихся русских флотоводцев Ушакова и Сенявина. «Храбрый и опытный капитан Лазарев, – записал очевидец этого боя в журнале эскадры, – находился попеременно в разных частях корабля своего, управляя оным с хладнокровием, отменным искусством и примерным мужеством, личным присутствием ободряя му-

жественный экипаж свой, искусно направляя действие артиллерии, ускоряя тем разрушение сил оттоманов» [2]. За отличие в сражении и умелое управление кораблем М.П. Лазарев был произведен в контр-адмиралы и награжден сразу тремя орденами: английским Бани, французским Св. Людовика и греческим Командорским Крестом Спасителя. Экипажу «Азова» впервые в русском флоте был присвоен кормовой Георгиевский флаг. Разгром морских сил Турции содействовал тогда национальному освобождению Греции и общей победе России в русско-турецкой войне 1828-1829 г.

В 1832 г. контр-адмирал М.П. Лазарев был назначен начальником штаба Черноморского флота. Ему пришлось почти заново создавать флот, гнивший в Севастопольском порту при полном равнодушии главного командира вице-адмирала А.С. Грейга, строить базы, укреплять берега, обучать и воспитывать личный состав. Возглавив одну из эскадр флота, М.П. Лазарев в 1833 г. совершил поход в Босфор, в результате которого между Россией и Турцией был заключен Ункяр-Искелесийский договор. Назначенный в 1833 г. главным командиром Черноморского флота и крепостей Черного моря, Николаевским и Севастопольским военным губернатором М.П. Лазарев значительно укрепил российские военноморские силы на юге страны. Флот получил 16 линейных и свыше 150 кораблей других рангов, в строй вошли параходофрегаты и корабли с железным корпусом, инициатором строительства которых выступил М.П. Лазарев. Он много сделал для вооружения кораблей новыми бомбическими орудиями, сооружения дока и портовых мастерских в Севастополе, постройки береговых батарей, стоял у истоков учреждения Адмиралтейства, основания Севастопольской морской библиотеки. Большое внимание Михаил Петрович уделял совершенствованию боевой подготовки сил флота, совместному плаванью отрядов и эскадр, выучке экипажей. Учениками Лазарева стали выдающиеся адмиралы В.И. Истомин, В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, А.А. Попов. Г.И. Бутаков, чьи имена являются гордостью Российского флота. Видный ученый, М.П. Лазарев состоял почетным членом Императорского Русского географического общества, членом многих отечественных и иностранных научных обществ. Его заслуги перед флотом и мировой наукой отмечены наименованием в его честь атолла в группе островов Россиян в Тихом океане, горы на полуострове Корея в Японском море, мысов в Амурском лимане Охотского моря и на острове Уника Алеутских островов, пика и рифа на этом же острове, острова в Аральском море, залива в Антарктиде...

М.П. Лазарев был женат на Екатерине Тимофеевне Фандерфлит, дочери капитана 2 ранга, имел трех дочерей и двух сыновей.

В 30-е-40-е годы XIX в. Черноморский флот, руководимый М.П. Лазаревым, активно содействовал сухопутным войскам в создании укрепленной линии вдоль черноморских берегов Кавказа. Черноморская береговая линия создавалась для прекращения контрабандной торговли и пресечения связей турок и англичан с горцами. Опорные пункты на побережье было решено занимать при помощи десантов. Осуществление этой задачи командование возложило на Черноморский флот и войска Черноморской береговой линии [3]. Первопричину успеха десантных операций М.П. Лазарев видел в тесном взаимодействии сухопутных войск и флота. «Нигде бы мест этих не заняли так скоро и так удачно, – писал Михаил Петрович в письме товарищу, – как с помощью эскадр. Ты вообрази только себе, что в расстоянии 150 или 200 саж. эскадра с десантом становилась на шпринги против того места, которое занимать должно, и усеянное конными и пешими черкесами... Вообрази также и то, что до 3 тыс. десанту с полевой артиллерией и заряженными ружьями сидит уже на гребных судах, и эскадра открывает огонь для очищения места... После четверть часовой стрельбы все это бросается на берег, имея по носу по карронаде, заряженной картечью, которую выстреливают как последнее дело. Сухопутным товарищам нашим довольно легко приходится после такого переполоха, иначе, если бы им идти берегом, то по причине непроходимых гор и оврагов они бы в 5 лет не заняли того, что теперь заняли в одно лето (1838 года. – О.М.) и порастеряли бы в разных перестрелках множество людей» [4]. В течение 1836-1840 г. Черноморский флот высадил на побережье восемь крупных десантов, при-

Высадка десанта в районе г. Туапсе 12 мая 1838 г.

чем пять из них были проведены под непосредственным командованием Михаила Петровича Лазарева в Цемесе, Субаши, второй десант в Псезуапе и два десанта в Туапсе). Все десанты были в высшей степени образцовыми и поучительными как с точки зрения их подготовки и организации, так и выполнения.

Один из таких десантов, руководимых М.П. Лазаревым, положил начало городу Новороссийску [5]. Благодаря большой глубине корабли М.П. Лазарева вплотную подошли 12 сентября 1838 г. к бере-

*Высадка эскадры М.П. Лазарева десанта в районе г. Туапсе
12 мая 1838 г.*

гу Суджукской бухты, чтобы своим огнем поддержать высадку войск. В два часа дня началась артиллерийская канонада. Горцы, увидев невозможность дальнейшей обороны побережья, отошли. Когда огонь артиллерии умолк, к берегу двинулись гребные суда, обстреливавшие его картечью. В течение короткого времени были высажены 5 батальонов пехоты и 4 орудия артиллерии, которые заняли берег до самой вершины прибрежной высоты. Спустя час за передовым отрядом выгрузились и все остальные войска. «Честь имею присовокупить, докладывал 13 сентября М.П. Лазарев А.С. Меншикову, – что удобство местоположения, где высажен десант, быстрота и порядок, с которыми заняты берег и окрестности при устье реки Цемес сухопутными войсками, под прикрытием сильного огня из орудий флота, сделали высадку эту столь удачною, что с нашей стороны не было совершенно никакой потери при этом деле ни убитыми, ни ранеными, и что занятие устья реки Цемес весьма важно для крейсирующих здесь военных судов Черноморского флота по закрытому положению Суджукской бухты, где целые эскадры могут иметь всегда хорошее убе-

жище, и где самое устройство для них пристани я признаю более удобным, нежели в Геленджике» [6]. 14 января 1839 г. по Высочайшему повелению «укрепление в Суджукской бухте при устье реки Цемес» было названо Новороссийским [7].

Признавая Суджукскую бухту удобным местом для строительства порта, М.П. Лазарев не питал никаких иллюзий по поводу ее совершенной безопасности для судов. Актуальным для сегодняшнего дня, когда раздаются призывы о переносе главной базы флота в Новороссийск, звучит мнение Лазарева, изложенное им 4 февраля 1839 г. в рапорте А.С. Меншикову: «Суджукская бухта, невзирая на то, что есть лучшее пристанище для судов по всему восточному берегу Черного моря, не может, однако же, почитаться совершенно безопасною для флота, особенно в осеннее время, когда свирепствующие в оной боры, дующие с большею еще силою, нежели в Геленджике, нередко принуждают суда спущать стеньги и реи, и даже срывают самые суда с якорей» [8]. Тем не менее, устроенные укрепление и пристань в Суджукской бухте стали важнейшей базой на восточном побережье Черного моря. М.П. Лазарев указал место для строительства крепостных зданий там же, где прежде стояли форты турок и генуэзцев. Н.Н. Раевский писал в своем журнале военных действий: «Не доходя версты до устья Цемеса, видны следы четверугольной крепости, по словам жителей, некогда построенной генуэзцами (флангами), в ней нашли изобильный источник воды, достаточный для всякого отряда, и сей последний расположился лагерем вокруг развалин. Достоин примечания, что торговые и мореходные генуэзцы избрали для порта то самое место, где 700 лет после вице-адмирал Лазарев предложил построить адмиралтейство» [9].

Участник лазаревского десанта унтер-офицер Тенгинского полка М.Ф. Федоров сочинил тогда походную песню, которую распевали моряки и солдаты. В ней есть такие строчки, посвященные основанию Новороссийска:

*Там, где горы-исполины
Стали вечною стеной,
Моря Черного пучины
Плещут светлою волной;
Где когда-то слышны были
Звуки рыцарских мечей,
Где в ущельях ядра выли
Генуэзских батарей.
Там, где с шашкою встречались
Ятаганы на скале,*

*Там, где башни красовались –
Крепостцы Суджук-кале
Там-то севера сынами,
И под сению знамен,
Оградившийся штыками,
Русский город заложен [10].*

М.П. Лазарев предложил устроить на берегу бухты «адмиралтейство в малом виде, где бы могли быть: магазин для провизии, такелажа и некоторых экипажных материалов, сараи для исправления гребных судов, для хранения угля и лесов, кузница, казарма для мастеровых со службами и дом для смотрителя адмиралтейства с канцелярией», пристань, «для 2 фрегатов, 4 транспортов и других судов иметь мертвые якоря с бриделями, на которых суда во время сильных с берега бурь могли бы спокойно удержаться, не употребляя собственных для сего якорей и канатов» [11].

Бумаги адмирала полны забот по обустройству порта. «Сооружение адмиралтейства, – писал М.П. Лазарев, – по неимению на месте годного к строению камня и других строительных материалов необходимо произвести из керченского камня, где он добывается в значительном количестве и с выгодой, и оттуда может быть доставлены как известь, так и кирпич, если не представится возможности выжигать на месте, ибо адмиралтейские здания для прочности и предохранения их от пожара, могущего истребить все наши там запасы, необходимо иметь более из негораемых материалов. По сим же причинам полезно было бы покрыть адмиралтейские строения железом подобно тому, как кроются и другие казенные здания, а пристань может быть деревянная» [12].

В более позднем документе М.П. Лазарев отмечает: «Если назначенный в укрепление Новороссийск инженерный штаб-офицер откроет глину, годную для делания кирпичей, и известковый камень вблизи укрепления, где могло бы производимо и самое выжигание как кирпича, так и извести, не употребляя при этом случае и при добывании для того дров сильного от черкес прикрытия, то не только не понадобилось бы извести и кирпича доставлять туда из Керчи, но кирпич мог бы с пользой заменить в стенах выше цоколя и керченский камень. Лес же, как равно гвозди, железо для кровли и прочие материалы к строению адмиралтейства и пристани, я полагал бы приобрести в Херсоне или где окажется более выгодным» [13].

Сильные ветры и штормы, отсутствие хороших якорных стоянок создавали большие трудности для плавания у кавказских берегов. Михаил Петрович старался пропустить через крейсерство у восточ-

ного побережья Черного моря весь личный состав флота. Он считал крейсерство лучшей школой для моряков [14].

Усиление обороны русских границ вдоль кавказских берегов серьезно ослабило подрывную деятельность в этом районе англо-турецкой агентуры в 40-х годах XIX в. Доступ сюда английским эмиссарам был почти полностью закрыт, значительно сократилась и военная контрабанда...

Великий флотоводец России и сегодня страшен ее врагам. То, что случилось в поселке Лазаревском 16 лет назад, не получило широкого резонанса. Стыдливо безмолвствуя восприняли жители Кубани решение Второй сессии Лазаревского районного Совета от 27 августа 1990 г. о переносе бюста адмиралу М.П. Лазареву на его родину в г. Владимир. В качестве причин отмечались «многочисленные обращения общества «Адыге Хасэ», а также то обстоятельство, что бюст адмирала М.П. Лазарева, установленный на железнодорожной станции «Лазаревская» вызывает резко негативное отношение к нему со стороны коренного адыгейского населения» [15]. «Демократическая» переоценка ценностей приняла дикие формы: на бюст человека, с именем которого связано начало освоения российской государственностью местного побережья, набросили трос, привязали к электропоезду и скovyрнули с постамента... Все эти годы памятник адмиралу бережно хранил в своём кабинете начальник станции, почётный железнодорожник России Виталий Михайлович Леонтьев [16]. Низкий поклон этому русскому человеку, устоявшему под напором ревнителей «общечеловеческих ценностей» и «попранных прав национальных меньшинств»! Мало кто из них задумывался, что акты вандализма никогда не способствовали приобретению к подлинной демократии и защите прав человека. В многочисленных обращениях к властям политиканствующих лидеров организаций «Адыге Хасэ», к которым в 1996 г. бездумно присоединились руководители Грузинского, Армянского, Украинского и Еврейского культурных центров, греческого общества «Эноси», «Славянского союза», «Лиги национального согласия» и др. с требованием «не воссоздавать памятник адмиралу Лазареву», указывалось, прежде всего, на то, что мы живём «в демократическом правовом государстве». Но никто из этих людей, возомнивших для себя право выступать от имени целых народов, не задумывался, да и не хотел задумываться: ни в одном из современных цивилизованных демократических государств забота о своем прошлом не проявляется в разрушении памятников. Французы, англичане, итальянцы, норвежцы и другие европейские народы стараются сохранить свою

историю во всей ее полноте и противоречиях, со всеми отрадными и горькими страницами. Поэтому в Лондоне есть улицы Оливера Кромвеля и Карла I, которого казнил Кромвель, в Париже памятники Робеспьеру и Людовику XVI, в латиноамериканских странах стоят монументы Писарро, Кортесу и другим завоевателям Америки наряду с бюстами героев национально-освободительного движения. В самой России на Бородинском поле сооружен памятник погибшим французским воинам, на Украине под Полтавой великодушные победители воздвигли монумент шведским гренадёрам Карла XII.

Разрушение того или иного памятника вовсе не способствует национально-культурному возрождению, а всячески препятствует ему, воспитывая национальный эгоизм и пренебрежение к прошлому соседей и земляков. В г. Грозном тоже все начиналось с разрушения памятника выдающемуся сыну России Алексею Петровичу Ермолову. Закончилось это геноцидом славянского и другого невайнахского населения, ввергло цветущую некогда республику в средневековое варварство с отрезанием голов, публичными казнями, работоторговлей, нечеловеческими пытками распоясавшихся радетелей национальной исключительности.

При всём уважении к нашим землякам-шапсугам, нельзя было соглашаться с постановкой вопроса «Адыге Хасэ», которая являлась узкоэгоистичной, игнорирующей историческую память государственнообразующего этноса и основного населения Кубани. Авторы обращений считали, что «установка памятника адмиралу Лазареву М.П. на этнической родине шапсугов в нарушение 21-й, 69-й и других статей Конституции Российской Федерации оскорбляет историческую память адыгов, унижает их честь и достоинство». Однако они не задумывались: разрушение с их подачи памятника выдающемуся флотоводцу России на исторической родине кубанцев не только оскорбляет их национальное достоинство, но и является согласно законодательству Российской Федерации уголовно наказуемым преступлением. Для жителей посёлка, основанного при содействии великого сына России, для кубанцев, всех русских, имя адмирала М.П. Лазарева – национальная святыня, и покушение на неё так же антиконституционно, ущемляет права потомков российских воинов и моряков, 160 лет назад положивших жизни для обеспечения мира и стабильности в раздираемом войнами и феодальными усобицами крае. Подписавшие обращение председатели Грузинского, Армянского и Украинского культурных центров, Греческого общества и др., к сожалению, не только не знают истории своих диаспор в контексте региона, но и закладывают мину под них на будущее, потакая выпячи-

ванию исторических претензий одной из этнических групп многонационального района. Они, видимо, не подозревают, что среди доблестных соратников адмирала Лазарева были выдающийся сын армянского народа адмирал Лазарь Маркосович Серебряков, грузинский князь Григорий Дмитриевич Орбелиани, что при высадке десант в устье р. Мзыгты смертью храбрых пал князь из Мингрельского ополчения и был ранен сотенный командир Имеретинской дружины. Деятельную помощь эскадрам М.П. Лазарева оказывала флотилия Азовского казачьего войска (украинских казаков, потомков доблестных запорожцев). Руководителям Греческого общества «Эноси» и Армянского культурного центра «Севан» не мешало бы знать, что поселение представителей их диаспор на благодатном Черноморском побережье Кавказа было делом русских военных и государственных деятелей, внёсших тем самым вклад в спасение этих народов от турецкого ига. Не малокомпетентным и слабо разбирающимся в истории и культуре своих народов людям судить о том, представляет ли разрушенный с их огульной подачи памятник М.П. Лазареву историческую или культурную ценность. Они прекрасно знали, что решением Краснодарского крайисполкома № 63 от 29.01.75 г. бюст М.П. Лазареву скульптора И.В. Шамагуна был внесён в государственный список памятников истории и культуры. Печально сознавать, что подобные высказывания брали на себя люди, якобы пекущиеся на словах о будущем наших детей, но на деле воспитывающие их на оправдании актов варварства и вандализма.

Для своей аргументации составители обращений пошли на заведомую ложь. Голословно утверждалось, без предоставления источников, что моряками адмирала М.П. Лазарева были «стёрты с лица земли сотни аулов» и уничтожены «десятки тысяч мирных жителей». Если представители национального общества не знают элементарных основ системы жизнеобеспечения адыгов XIX в., в которой многие поселения имели временный, зависящий от многих обстоятельств, характер, откуда они взяли эти «сотни аулов»?

То же самое касается гибели якобы «десятков тысяч мирных жителей». За всю Кавказскую войну на Западном Кавказе не погибло столько, если не считать бедствий махаджиров от неустойчивости турецких властей [17]. Внимательное изучение исторических обстоятельств высадки десантов с кораблей адмирала М.П. Лазарева показывает, что артиллерийский огонь вёлся отнюдь не по «мирному населению» и беззащитным аулам, а по завалам и окопам, т.е. военным укреплениям, устроенным и занятым горскими воинами. Так, всё пространство между устьями р. Субаши и Шахе горцы ук-

репили рвами и двойными плетнями, между которыми была насыпана и утрамбована земля [18]. Без артиллерийской поддержки высадка десанта привела бы к большим потерям, поэтому адмирал М.П.Лазарев поддержал высаживающиеся войска корабельным огнём. Он был прежде всего военным человеком, причём отнюдь не кровожадным; в одном из писем с горечью писал: «Черкесы... хорошо, если бы образумились и перевешали сбивающих их с толку англичан и французов... жаль убивать народ даром. Ядра ведь попадают и в виноватого, и в невинного» [19]. Действие морской артиллерии, по свидетельству одного из участников высадки десанта в устье р. Субаши, «принудило горцев оставить прибрежные окопы, коими они укрепили все пространство между устьями» [20] и скрыться в лес. При высадке у р. Сочи, в устье р. Туапсе, Мзытмы, естественно, были потери среди горских отрядов, но ни о каких «десятках тысяч» не может идти речи, тем более, что дальнейшие высадки не встретили почти никакого сопротивления. Горцы после предыдущих десантов извлекли для себя урок о невозможности противостоять морской артиллерии, а потому не оказывали противодействия [21]. Устроенная при содействии флота Черноморская береговая линия со всеми проблемами, недостатками, большими жертвами, в целом сыграла положительную роль в деле прекращения контрабандной торговли, рабства и черкесского пиратства у побережья (последнее явно недооценивалось в нашей литературе). В пользу этого говорит тот факт, что когда российское командование вынуждено было ликвидировать в 1854-1855 г. береговые крепости и снять крейсерование судов Черноморского флота, тотчас в этих местах началась бойкая торговля живым товаром, способствовавшая снижению этнофонда адыгов не меньше, чем трагедия махаджирства после Кавказской войны. Поэтому выдающийся русский флотоводец адмирал Михаил Петрович Лазарев содействовал укреплению стабильности в регионе, вошедшем в состав России по нормам международного права (Адрианопольский мир 1829 г.), выполнял неблагодарную, нелёгкую, но крайне необходимую миссию укрепления государственных интересов своей страны. Посёлок, основанный на месте бывшего форта Лазарева, по праву носит его имя, как и ещё 17 мест на географической карте мира, названных в честь адмирала: земля, берег, пролив Лазарева... Щедрость в ущемлении исторического достояния великого народа в угоду всем и всё уже настолько принесла свои горькие плоды, что наши земляки стали стыдиться своей истории. А мы гордимся ей, в отличие от представителей национальных обществ, подписывавших некомпетентные

обращения по недомыслию, либо по политическому расчёту. Память об адмирале Михаиле Петровиче Лазареве, одном из первооткрывателей Антарктиды, боевом командире, организаторе, воспитавшем целую плеяду талантливых моряков является достоянием истории всех народов России.

12 июня 2003 года в посёлке Лазаревском на перроне станции был восстановлен бюст флотоводца. Когда настоятель Храма Рождества Пресвятой Богородицы протоиерей Николай освящал памятник, на глазах некоторых старожилов, седовласых ветеранов Черноморского флота показались слёзы: Россия встаёт с колен, возвращает уважение к своему героическому прошлому...

Будем надеяться, что воссозданный в бронзе адмирал не станет вновь яблоком раздора в межнациональных отношениях, а напротив, на его самозабвенным примере служения своей стране будут воспитываться новые поколения россиян.

Памятник М.П. Лазареву в пос.Лазаревском 1950-е гг.

Примечания:

1. М.П. Лазарев. Документы. М., 1955. Т. II / Под ред. А.А. Самарова. С. 476.
2. Цит. по: Фирсов И.И. Полвека под парусами. М., 1988. С. 47.
3. Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С. 53.
4. М.П. Лазарев. Документы. С. 470.
5. Новороссийск – город-герой / Под ред. Т.А.Василевской. Краснодар, 2006. С. 170.
6. М.П. Лазарев. Документы. С.476-477.
7. Там же. С. 484.
8. Там же. С. 487.
9. Там же. С. 479.
10. Герасименко А., Санеев С. Новороссийскъ – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 55.
11. М.П. Лазарев. Документы. С. 483.
12. Там же.
13. Там же. С. 486.

14. *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Указ. соч. С. 54.
15. К вопросу о памятнике М.П. Лазареву // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2003. № 3-4. С. 82.
16. *Матвеев О.* Возвращение флотоводца // Кубань сегодня. 2003. 25 июля.
17. *Матвеев О.В.* Память о великом флотоводце // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 12-й Всероссийской межвузовской конференции / Под ред. *В.Б. Виноградова, И.И. Марченко.* Краснодар, 2004. С. 35.
18. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С.476.
19. Цит. по: *Фирсов И.И.* Указ. соч. С. 228.
20. РГВИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.
21. *Клычников Ю.Ю.* Указ. соч. С. 474.

Б.Е. Фролов

Флотилия Черноморского казачьего войска

В начале Русско-турецкой войны (1787-1791) русский Черноморский флот по своему численному составу и огневой мощи значительно уступал турецкому. В составе последнего насчитывалось до 120 судов. Русский флот состоял из пяти линейных кораблей, 14 фрегатов, бомбардирского корабля и нескольких десятков мелких судов [1]. Численное неравенство усугублялось и разделением русского флота на две части: основное боевое ядро флота, состоявшее преимущественно из парусных кораблей, базировалось в Севастополе; гребные суда с небольшой частью парусных кораблей находились в Днепро-Бугском лимане и составляли Лиманскую флотилию. Последняя являлась наиболее слабой по своему составу. «Неожиданное открытие сей войны, – писал командующий Черноморским флотом, – застало нас обезоруженными в пределах Днепровского лимана» [2]. Для усиления ее боевой мощи предпринимались самые различные меры. Создавая новое казачье войско, князь Г.А. Потемкин заранее планировал направить пеших казаков служить на судах флотилии.

20 августа 1787 г. он издал следующее распоряжение: «Чтоб иметь в наместничестве Екатеринославском военные команды волонтеров, препоручил я секунд-майорам Сидору Белому и Антону Головатому собрать охотников (добровольцев. – *Авт.*), и конных и пеших, для лодок, из поселившихся в сем наместничестве служивших в бывшей Сечи Запорожской казаков» [3].

В середине апреля 1788 г. лиманские силы, разделенные на парусную эскадру и гребную флотилию, были, в основном, готовы к боевым действиям. Эскадрой из двух кораблей, четырех фрегатов и восьми небольших судов командовал легендарный капер Поль Джонс, прославившийся в войне за независимость Североамериканских штатов. Гребная флотилия (7 галер, 7 дубель-шлюпок, 7 плавбатарей, 22 военных лодки, 7 палубных ботов, 1 брандер) поступила под начальство принца Карла-Генриха-Николая-Отто-Нассау-Зигена.

В это же время, в апреле 1788 г., стала формироваться и казачья гребная флотилия. Первую партию военных лодок, положивших начало флотилии, получил 26 апреля 1788 г. в Херсоне у поручика Соболева войсковой судья А.А. Головатый [4]. В ночь с третьего на четвертое мая он прибыл с ними в кош и рапортом 4 мая доложил: «По силе данного мне с онога коша пове-

ления принятые мною 22 лодки со всеми принадлежащими к ним снарядами, ножи военные и прочие материалы при сем в оный кош представляю...» [5]. На 19 лодках стояли трехфунтовые пушки, на одной – полторафунтовая, на двух – фунт с четвертью.

В «Расписании армии на настоящую компанию», датированном 14 мая 1788 г., уже показан «кош войска верных казаков с их лодками» [6]. В июне 1788 г. в казачьей флотилии состояло 36 лодок [7]. При ней находились: один войсковой атаман, 5 полковников, один войсковой есаул, 6 полковых старшин, 5 есаулов, 5 хорунжих, 38 куренных атаманов, 104 канонира и 1600 казаков (т.е. всего 1764 человека).

Лодки распределялись по куреням, а флотилия делилась на «частные команды». Первые командиры частных команд – войсковые полковники Иванов, Мокрый, Сухина, Гулик, Малый. В команде последнего в июне 1788 г. числились лодки куреней Иркиевского (60 человек), Титаровского (41 человек), Щербиновского (43 человека), Уманского (48 человек), Калниболотского (40 человек), Корсунского (41 человек) и Роговского (43 человека) [8].

Имелись лодки и с более многочисленной командой: Тимашевского куреня – 75 человек, Минского – 83, Медведовского – 80. Сравнивая экипажи лодок, следует учитывать, что перед нами списочный состав, практически всегда не соответствующий наличному.

Под командой войскового судьи А.А. Головатого (в списке частных командиров он не показан) находились лодки куреней Незамаевского (50 человек), Васюринского (60), Батурина (50), Поповичевского (84), Каневского (63), Иркиевского (91), Динского (93). Общее руководство флотилией осуществлял войсковой атаман С.И. Белый.

После гибели С.И. Белого в морском сражении под Очаковым новый войсковой атаман З.А. Чепега назначил А.А. Головатого «командиром над лодками, куренными атаманами (они все были при флотилии. – *Авт.*) и казаками» [9]. В ряде документов этого периода встречается следующее его должностное наименование – начальник Черноморской гребной флотилии. Став командиром всей флотилии, войсковой судья оставил часть лодок в своем непосредственном «ведомстве», причем число их значительно увеличилось: Батурина, Каневская, Крыловская, Донская, Поповичевская, Джерелиевская, Шкурина, Кореновская, Куцевская, Медведовская, Платнировская, Дядьковская и Брюховецкая (1 лодка на 2 куреня), Пластуновская, Леушковская, Иркиевская, Незамаевская, Уманская и Калниболотская (тоже 1 лодка), Васюринская [10]. В лодке Головатого есаулом был Василий Осинчук, а хорунжим Иван Чорный.

16 октября 1788 г. князь Потемкин сообщил Головатому, что он «назначил» казакам еще несколько лодок из гребной флотилии [11]. Общее количество лодок в казачьей флотилии достигло 40. Но тут существенный урон флотилии нанесла... зима. 11 апреля 1789 г. А.А. Головатый сообщил контр-адмиралу М.И. Войновичу о том, что из 40 казенных лодок, находившихся при острове Березань, унесло в море 13, а из оставшихся 27 «три к употреблению совсем неспособны» [12].

В майских документах 1789 г. речь идет уже о наличной 31 лодке и о «потребных до комплекта» еще 9 лодках. Судя по всему, казакам выдали гораздо больше просимого, ибо в июне к Очакову двинулась казачья флотилия из 50 лодок, имевшая на борту 2150 человек [13]. В последующее время число лодок во флотилии не разменялось. Часть из них выходила из строя в ходе боевых действий (только под Измаилом было повреждено 16), урон наносила и стихия. В среднем действовало 40-50 военных лодок.

Представление о численности и вооружении казачьей флотилии на конец войны дает «именной список лоткам» за июль 1791 г. [14]. В команде Саввы Белого находилось 6 канонерских лодок: Батурина с 18-фунтовой пушкой (далее калибр орудия будет указан в скобках), Кисляковская (18), Каневская (12), Крыловская (12), Каневская (12; вторая лодка куреня), Конеловская (12); 4 кременчугских лодки: Ивановская (3), Сергиевская (3), Динская (3), Куцевская (3).

В команде войскового полковника Ивана Чернышева: канонерские: Корсунская (12), Корсунская (12; вторая лодка куреня), Калниболотская (12), Полтавская (12), Джерелиевская (20); кременчугские: Уманская, Нижестеблиевская, Вышестеблиевская, Джерелиевская, Мышастовская – все с 3-фунтовыми пушками.

В команде войскового полковника Ивана Кулика: канонерские: Медведовская (12), Дядьковская (18), Пластуновская (18), Тимашевская (18), Леушковская (18), Минская (20); кременчугские: Пашковская (3), Медведовская (3), Величковская (3) и Платнировский байдак.

В команде полкового старшины Кияницы: канонерские: Поповичевская (12), Щербиновская (12), Роговская (12), Незамаевская (12), Щербиновская (18), Титаровская (18), Кореновская (23,5); кременчугские лодки: Поповичевская (3), Васюринская (3), Роговская (1,5) и Иркиевский баркас (3).

Итого, 26 канонерских и 19 кременчугских лодок (к ним отнесены байдак и баркас). Кроме того, в 4-й части числились 2 малых двухмачтовых лодки (судя по всему, кременчугские), 2 «чектермы»

и яхта, вооруженная четырьмя трехфунтовыми и четырьмя полторафунтовыми пушками. Всего получается 50 судов. Помимо этого, при флотилии находились 6 баркасов, присланных из Адмиралтейства, и 39 глубоких и плоскодонных байдаков. На последние назначалась команда из 6 человек, возглавляемая хорунжим. Стоит добавить, что помимо военных лодок, байдаков и баркасов в войске имелись партикулярные суда различных типов, принадлежавшие богатым старшинам и казакам.

Перед вспомогательными судами стояла задача обеспечения действий казачьей флотилии, сухопутных сил войска и армии. Основным классом военных судов в гребной флотилии черноморцев являлись военные лодки, разделявшиеся казаками (с известной долей условности) на два типа.

Во флотилию войска верных казаков поступили большие и малые кременчугские лодки, названные так по месту изготовления, и канонерские лодки. Никаких принципиальных отличий между ними по функциональному назначению и тактике действий выявить не удалось. Вероятно, первые были «переделочного» образца, вторые специально строились как военные суда.

Отличие больших и малых кременчугских лодок заключалось в размерах, парусном оснащении, количестве весел и калибре орудий. В документах нет сведений о длине, ширине и глубине интрюйма этих лодок. Да это и понятно: переделочные суда не могли быть выполнены по одному стандарту. Судя по рисункам М.М. Иванова, сделанным при штурме Измаила, малые лодки имели длину 12-14 м, большие – в пределах 18-20. По сведениям И.И. Черникова, военные лодки Лиманской флотилии были длиной 14,63 м, шириной – 4,26 м. Каждая лодка имела дубовый руль с румпелем, мачту и рею с латинским парусом. Несколько лодок имели по 2 мачты, но одномачтовые явно преобладали. Лодка Васюринского куреня, считавшаяся одно время флагманской, была двухмачтовой. Она кременчугской работы, но в отдельных документах ее называют просто «канонерка». На двух своих ряях она несла галерные паруса и имела 30 галерных опачин под весла [15].

Канонерские лодки появились в России в середине XVIII в. [16]. Название свое эти суда получили от французского слова «канон» – пушка, т.е. канонерская лодка представляла из себя небольшой артиллерийский корабль, своего рода плавучую батарею. Орудия большого калибра устанавливались на носу и корме, и «потому канонерские лодки не могут иначе действовать, как обратясь носом или кормою к неприятелю» (казачьи лодки имели по одному орудью на носу).

Лодки предназначались для боевых действий на реках и озерах, в шхерах и лиманах, в прибрежных районах морей. Ни одна осада крепостей, стоящих на водных коммуникациях, не обходилась без них. Как правило, на канонерских лодках не было места для припасов, поэтому их сопровождали транспортные суда. Лишь для артиллерийских припасов выделялось особое помещение, в документах казачьей флотилии оно называлось «амбар».

По ряду документов удалось вычислить, что длина казачьих канонерских лодок составляла 18 м, ширина – около 4,3 м, глубина интрюйма – чуть более 2 м, высота борта над палубой примерно 30 см, длина весел 4,5-5,5 м, осадка – немногим более 1 м. Максимальная численность команды – 50-60 человек.

С переходом на Кубань флотилию стали преследовать неудачи: лодки било штормами, затирало льдом, но больше всего вреда приносили черви. Несколько раз ветры разбивали гавань Головатого, где стояли суда казачьей флотилии. Скорбной эпитафией флотилии звучит рапорт ее начальника сентября 1800: «В прошлом месяце августа... вся гавань разбита и состоящая в оной гавани гребная флотилия от таковой происходящей погоды не может никак спастись» [17].

Малочисленные казачьи команды, следуя служебному долгу, упорно занимались реанимацией безнадежных судов. Агония продолжалась еще два года, и лишь в 1803 г. по повелению Херсонского военного губернатора Беклепова лодки были разобраны, а годные части пошли на постройку байдаков, доставлявших провиант кордонным казакам.

Так окончательно сошла со сцены старая казачья флотилия периода Русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Но морская традиция еще не прервалась – уже год у берегов Кубани крейсировала флотилия «нового поколения».

Вопрос о ее создании решился в 1802 г. В этом году новороссийский военный губернатор генерал от кавалерии И.И. Михельсон сделал «всеподданнейшее представление» к новому Императору Александру I о том, «чтобы около берегов войска Черноморского в рассуждение появляющихся иногда морских из черкес разбойников, иметь вооруженный разъезд от одного войска на лодках...» [18]. 12 июля Михельсон из Петербурга сообщил атаману Бурсаку о высочайшем повелении адмиралу Мордвинову на передачу Черноморскому войску 10 новых канонерских лодок, выстроенных на Хопре при Николаевском адмиралтействе. Бурсаку предписывалось найти для них удобное и безопасное место и сделать заблаговременно наряд людей.

18 июля последовало высочайшее повеление Государственной адмиралтейской коллегии о передаче лодок Черноморскому войску.

11 августа контора главного командира Черноморского флота уведомила войсковую канцелярию о том, что лодки «под командой капитан-лейтенанта Дегалето на сих днях имеют быть отправлены в Кубань» [19]. 15 августа десять новых, полностью вооруженных и оснащенных канонерских лодок вышли в поход на Керчь. Атаман Бурсак приказал начальнику казачьей флотилии поручику Паливоде вместе с двумя лоцманами отправиться в Керчь и провести лодки оттуда в Бугаз. Сам Бурсак занимался сбором команды на новые суда. Во всей войске насчитали годных к службе 13395 казаков. Из этого числа наряд на лодки составил 300 человек. Им приказали отправиться на флотилию 28 августа.

16 сентября 1802 г. состоялась официальная приемка флотилии в ведение Черноморского казачьего войска. Что же представляли из себя эти новые канонерские лодки и чем они были оснащены и вооружены? Обозначались они номерами: 1, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 25, 34. Их длина по палубе составляла 60 футов, ширина – 14, глубина интрьюма – 7. Лодки имели грот-мачту, рею и «штурмовую рею». Из парусного вооружения: парус латинский (только к нему в ведомости перечислено 30 предметов), фок, кливер, контр-бизань, штормовые прямые и штормовые косые. По штурманской части: лаги, лини, лаги дубовые, лоты свинцовые, компасы ординарные в деревянном корпусе, склянки двухчасовые, получасовые, минутные и полуминутные, карты мореплавательные генеральные Черного моря, Азовского моря, от реки Днестр до Еникольского пролива, реки Буга, карта входа в реку Кубань.

Гораздо более мощным, чем на старых лодках, было артиллерийское вооружение. На всех лодках по бортам стояла пара 3-фунтовых чугунных фальконетов. В носовой части 9 лодок располагались 18-фунтовые медные пушки брянского литья. На 10-й лодке, называемой бомбардирской, на носу установили пудовую медную мортиру. По бортам, кроме фальконетов, имелись и два медных единорога.

Чем же занималась новая казачья флотилия? Как мы знаем, лодки выдали войску «для разъездов по берегам Черного моря к искоренению появляющихся иногда морских из черкес разбойников». На практике оказалось, что никакой пользы в охране границы флотилия не приносила. Приведем свидетельство П.П. Короленко: «Подаренные лодки оказались непригодными: в море, при ветре они ходу не имели, и все движения новой флотилии в течении семи лет были только от Бугаза до Темрюка и обратно. В первом месте лодки летом стояли и по временам крейсировали у Кубанских берегов, а в последнем – зимовали. Крейсирование ограничивалось временем высоко-

кой воды в Кубани и по избранным проходам; во всякое же другое время и по берегам лиманов, где особенно нужно было иметь надзор за действиями неприятеля, войсковые лодки, по мелководию, не употреблялись. А между тем, ежегодно назначался на флотилию целый пеший полк, без всякой пользы для службы...» [20].

Три с половиной месяца флотилия простояла при Бугазе без дела, пока в середине сентября ее не направили перевозить из Еникале в Тамань, следующий на Кавказскую линию Троицкий мушкетерский полк. 11 ноября флотилия от «...Таманского берега отправилась Боспорским проливом в Азовское море и оным в гирло, впадающее в Темрюкский лиман» [21]. 14 ноября она благополучно туда добралась и стала на очередную зимовку. Никаких заметных действий флотилии в 1805 г. нам зафиксировать не удалось.

20 мая 1806 г. в Темрюк с полком прибыл войсковой полковник Животовский и начал принимать флотилию. 2 июня он получил приказ Ф.Я. Бурсака переправить через пролив следующий сквозь Черноморию на Кавказскую линию Херсонский гренадерский полк. Ответный рапорт Животовского объясняет нам и причину отсутствия сведений о каких-либо деяниях флотилии за предыдущий год и рисует поистине драматическое положение новой флотилии. «...Но как уже лодки сии четвертый год без малейшей подчинки были употребляемы в разные переправы, да уже другой год стоят на одном месте без всякого употребления, которые чрез столь долгое время состоящая часть не в воде и сверху палуба разошлись..., конопать во многих местах повыгнила, равно паруса и снасти все без перемены согнили так, что к употреблению в дело не способны, коими итить в море никак невозможно, потому что все оборвет, да и когда лодку нагрузить так как должно, и потонут» [22].

Флотилия, фактически утратившая статус боевой тактической единицы, теперь оказалась неспособной и к транспортным операциям. Херсонский гренадерский полк казаки к 21 июня все-таки переправили через пролив. Для этого срочно пришлось собирать различные партикулярные суда и войсковые рыболовные и почтовые лодки, байдаки, дубы и баркасы.

В годы очередной русско-турецкой войны с трудом отремонтированная флотилия периодически использовалась для перевозки грузов, а затем вновь стояла без дела. Суда постепенно пришли в окончательную негодность. Бездействие разлагало личный состав. Известный дореволюционный кубанский историк Ф.А. Щербина дал флотилии этого периода следующую характеристику: «По лодкам была и команда... Морской практики не было, и новые кадры моря-

ков не подготавливались в войске. Дослуживали во флотилии дряхлые старики. В мае 1807 года войсковой полковник Варава просил назначить ему во флотилию трех офицеров, разумеющих морское дело, так как наличные три старика-офицера были больны и до того дряхлы, что физически не могли нести военно-морской службы...

Вообще военная служба во флотилии в пределах войска не пользовалась популярностью, считалась тяжелой и бесцельной... Офицеры находились в бездействии и ссорились друг с другом... Короче, отживала свой век Черноморская гребная флотилия, отживали его и служившие без живого дела моряки» [23].

В 1809 г. флотилия все-таки сумела осуществить одну военную акцию, ставшую для нее последней. По свидетельству первых историков Черноморья Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко, во время карательной экспедиции генерал-майора Панчулидзева против черкес Черноморская гребная флотилия во главе с Борзиковым действовала против прибрежных аулов [24].

О последних днях флотилии архивариус Черноморского казачьего войска в 1856 г. оставил следующее сообщение: «Для экстренных случаев езды по Кубани дано было по Высочайшему повелению 1802 г. войску от казны ... десять таковых (лодок. – *Авт.*), но когда и они пришли в ветхость, то по предписанию Херсонского военного губернатора генерал-лейтенанта Дюка Деришелье, вследствие отношения к нему адмирала маркиза Де-Траверси последовавшего 1809 г., со всех их вооружением отправлены в Адмиралтейство...» [25]. Мы можем лишь уточнить – лодки сдали в Керченское адмиралтейство.

1809 годом и заканчивается история гребной флотилии черноморских казаков. В первой трети XIX в. казаков еще не раз привлекали к «лодочной службе» на различных театрах военных действий, но это уже другая, вполне самостоятельная глава военной истории черноморского казачества.

Примечания:

1. *Широкорад А.Б.* Тысячелетняя битва за Царьград. – М., 2005. – С. 245.
2. *Зверев Б.И.* Страницы русской морской летописи. – М., 1960. – С. 126.
3. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л. 1.
4. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 9. Л. 75.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 10. Л. 11-14.

7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
8. Там же. Л. 30.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.
11. *Дмитренко И.И.* Указ. соч. – СПб., 1896. – Т. 2. – № 21. – С. 15.
12. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.
13. *Дмитренко И.И.* Указ. соч. – СПб., 1896. – Т. 2. – № 159. – С. 115.
14. Там же. – Т. 3. – № 453. – С. 305.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.
16. Военный энциклопедический лексикон. – СПб., 1854. – Т. 6. – С. 300.
17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 397. Л. 167.
18. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 55. Л. 2.
19. Там же. Л. 6.
20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 503. Л. 22.
21. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 495. Л. 78.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 503. Л. 22.
23. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. – Екатеринбург, 1913. Репринт. изд.: Краснодар, 1992. – Т. 2. – С. 148.
24. *Туренко А.М.* Исторические записки о войске Черноморском // Киевская старина. – 1887. (Майская книга). – С. 134.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1979. Л. 3

О.Н. Курочкина

«Непобедимый. Праведный. Святой»

(Об адмирале Ф.Ф.Ушакове)

Ф.Ф.Ушаков служил на двух флотах: Балтийском и Черноморском. Все основные принципы военно-морского искусства он впитал на старейшем Балтийском Флоте. А потом приобретенные знания применил на Черном море, где под его началом зарождалась и крепла мощь и слава Российского флота.

Впервые имя Ушакова прозвучало на весь мир в период Русско-турецкой войны 1787 – 1791г.г. Эту войну он встретил капитаном 1 ранга в должности командира линейного корабля «Святой Павел». Позже Ушаков командовал эскадрой, а затем, в чине адмирала, и всем Черноморским флотом.

В морских боях и сражениях с турецким флотом во всем блеск проявилась гениальность русского флотоводца. Ушаковым были разработаны и внедрены в практику морского боя новые тактические приемы, обогатившие военно-морское искусство. Его тактика получившая название маневренной, носила ярко-выраженный наступательный характер. При этом новаторство тактических приемов всегда точно соответствовало конкретной, складывающейся в бою обстановке. Независимо от соотношения сил, которое, как правило, складывалось в пользу неприятеля, и взаимного расположения противоборствующих флотов Ф.Ф. Ушаков навязывал противнику свои правила боя и неизменно побеждал.

Под командованием Ф.Ф. Ушакова Российский флот не потерпел ни одного поражения.

Адмирал Ушаков был человеком чести и в подчиненных видел не только исполнителей своей воли, а и преданных соратников от энергии и умения которых зависел успех в бою. Он создал свою школу морской выучки, воспитал целую плеяду опытных флагманов, составивших костяк офицерского корпуса российского флота. На традициях Ушаковской школы были воспитаны прославленные русские флотоводцы: Д. Н. Синявин, М. П. Лазарев, Г. И. Бутаков, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомина и другие.

На Черноморском флоте культивировали смелость решительность, инициатива и высокую профессиональную выучку. В боевой подготовке флота Ф.Ф. Ушаков соблюдал четкую последовательность. В начале проводились одиночные учения кораблей, а затем

эскадренные. Особое внимание обращалось на чистоту и четкость маневра, так как от этого напрямую зависел успех боя.

Адмирал лично проверял степень морской и артиллерийской подготовки каждого корабля. Особое внимание Ф.Ф. Ушаков уделял обучению командиров быстрой и меткой стрельбе в самых различных условиях – «стрелять так, чтобы не потерять ни одного выстрела». За высокие показатели в стрельбах он награждал своих подчиненных из сумм, специально отпущенных для этой цели Черноморским адмиралтейством. Благодаря улучшению материальной части артиллерии, обученности и тренировке канониров, скорострельность корабельных орудий значительно повысилась и достигла рекордного для того времени показателя – одного выстрела в две минуты. Все это было направлено на достижение победы с минимальными потерями.

Необходимо отметить, что основополагающие принципы Ушаковской тактики морского боя и боевой подготовки актуальны и поныне. В военно-морских учебных заведениях и сегодня изучают историю военно-морского искусства на примерах одержанных флотоводцем побед.

С именем адмирала Ф.Ф.Ушакова связаны не только основные достижения Российского Флота в XVIII-XIX веках, но и организация его медицинского обеспечения. Наш великий предшественник глубоко понимал и использовал на деле закономерности о материальном, духовном и профессиональном компонентах в деле сохранения здоровья защитников Отечества.

Первым орденом Владимира 4-й степени он был награжден не за военные заслуги, а за успешное руководство по ликвидации эпидемии чумы в Херсоне.

После вступления в командование Черноморским флотом он большое внимание уделял строительству и обустройству госпиталей, правильному питанию военных моряков, а одним из главных требований, которые Ушаков предъявлял к командирам кораблей, было требование сбережения здоровья морских служащих. В его приказах часто встречаются слова: «Только берегите людей и здоровье; сие есть всего прочего важнее». А так заканчивается его приказ по эскадре от 23 марта 1791г. «Я надеюсь, что господа командующие всякое употребят старание по своей команде служащих сберегать. Особые честь и благодарность моя засвидетельствована будет тем, которые в сохранении людей более успехов иметь будут».

Нравственному компоненту здоровья воина Ф.Ф. Ушаков уделял наибольшее внимание. Духовность была главной составляющей всего пути Ф.Ф.Ушакова. Он писал: «Я изображаю себе

защитника Отечества, неустрашимого, искусного и равнодушного во бранях, неутомимого в трудах, мудрого в советах и начертаниях, неусыпного в рачении о пользе общей, преисполненного верности к Отечеству, усердия в службе, честности и правдолюбия, руководствуемого всегда правилами добродетели и старающегося о покорении малейших человеческих слабостей, пекущегося о благе войск своих как отец и подавающего им пример соединения нравственных и гражданских добродетелей с военными доблестями.

Все качества достойного военного человека кратко изъяснить можно следующими словами: военные достоинства просвещение, нравственность. В сем действительно заключаются все добродетели, коими отличать себя может воин и кои между собою теснейшей связью соединены».

О высокой духовности адмирала свидетельствует вся его жизнь, его письма, его приказы. Именно поэтому она так ярко выразилась в его подвижнической не показной, а истинной религиозности.

Один из первых жизнеописателей адмирала вспоминает, как будучи командующим Черноморским флотом и начальником порта и города Севастополя, он «к вере отцов своих оказал чрезвычайную приверженность... каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных, а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного, и был исполненный доброты необыкновенной...». Будучи человеком чрезвычайно занятым, причем важнейшими государственными делами, как минимум четыре часа ежедневной молитвы для него было нормой.

Отойдя от служебных дел, он принял решение, исполненное глубокого смысла: он избрал для жительства тихую деревеньку Алексеевка, в Темниковском уезде, близи Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря, где в годы его ратных подвигов молился о нем его родной дядя – преподобный Феодор Санаксарский.

Сохранилось свидетельство тогдашнего настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила о завершающем периоде земной жизни Феодора Феодоровича: «Адмирал Ушков, сосед и знаменитой благотворитель Санаксарской обители, по прибытие своем из Санкт-Петербурга, вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в деревне Алексеевке, расстоянием через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолья в монастырь к службам Божиим во всякое время. В Великий пост жевал в монастыре, в келии, для своего пощения приготовления к святым тайнам по седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопуститель-

но и слушал благоговеино; по временам жертвовал от усердия своего обители значительные благотворения; так же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния и вспоможения».

Остаток дней своих, по словам того же иеромонаха Нафанаила, адмирал провел «Крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви 1817 года октября 2-го дня и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же».

«Вся жизнь Ф.Ф.Ушакова была отдана России. Он преданно служил благу своего народа, державному достоинству своей Родины. И вместе с тем он всегда оставался человеком глубокой веры, строгим приверженцем православным нравственным началам, человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви.

Именно это гармоничное сочетание личной праведности и ревностного общественного служения и стало главным побуждением к прославлению Феодора Ушакова Церковью Христовой.» (Из приветствия Патриарха Московского и всея Руси Алексия II).

Прошло уже 6 лет со дня канонизации Адмирала Феодора Ушакова, но люди до сих пор помнят, что на торжествах в Санаксарском Рождество-Бородичном монастыре были высшие чины Военно-Морского Флота, что гроб с мощами несли адмиралы и командующие флотами. Что военные моряки встречали адмирала и отдавали ему, великому русскому флотоводцу, воинские почести – не как в день похорон, а как живому – оркестр играл «Славься!..» Военные встречали адмирала и как бы передавали его Церкви.

Вспоминается и такой случай. Для торжеств было приготовлено девять знамен и еще одно для того, чтобы накрыть гроб. Его не стали одевать на древко, как остальные. Когда гроб уже стоял внутри почетного караула, вдруг обнаружилось, что этого флага нет. Кто-то из братии его заранее погладил, аккуратно сложил и помещение закрыл на ключ. Кульминация приближается, а флага нет. Что делать? И вдруг командующий Черноморским флотом адмирал В. Комоедов говорит: «А у меня есть наш флаг. Привез, чтобы кому-нибудь подарить». Получилось, что адмирал не захотел идти под простым флагом, а пошел под флагом своего родного Черноморского флота.

Почитание святого адмирала год от года растет. В городах России и ближнего зарубежья, воинских частях и учебных заведениях флота появились храмы и часовни, освященные во имя святого Праведного воина Феодора Ушакова. Частички Его святых мощей были помещены в православных храмах на всех четырех российских флотах.

«Нет больше той любви, когда кто положит жизнь за други своя», – сказано в Священном Писании. Основанное на этом принципе возрождение идеалов бескорыстного служения Отчизне, служения зачатку в ущерб себе, но на благо Родины – вот образ жизни, к которому призывает нас праведный Феодор. Это тот путь, по которому мы можем и должны идти, направляясь в этом его святыми молитвами и руководствуясь его житием в своей кратковременной жизни» (Из послания Архиепископа Саранского и Мордовского Варсонофия).

В.Н. Ратушняк

Трагедия черноморского флота

С присоединением Крыма, Тамани и Правобережья Кубани к России 8 апреля 1783 г. более остро стала проблема обороны южных рубежей Империи. Надо было создавать Черноморский флот. В Херсоне и на Азовском море уже строились первые корабли для будущего флота. Но для него нужна была мощная военно-морская база. Стали искать подходящую гавань. И вскоре нашли такую, лучше которой природа вряд ли могла создать для флота. Это была Ахтиарская гавань в Крыму и первоначально город заложенный здесь русскими воинами, был назван Ахтиар, т.е. Белый утес. Но развернувшееся на берегу бухты грандиозное строительство военного укрепления, в возведении которого активную роль играли А.В. Суворов, Ф.Ф. Ушаков, Д.Н. Сенявин, навело на мысль переименовать в 1783 г. порт-город в Севастополь, что в переводе с греческого означает «величественный город», «город славы». И город вполне оправдал правомерность своего наименования. С 1804 г. он стал главным военным портом России на Черном море, основной базой Черноморского флота. В конце XVIII – первой половине XIX в. о боевых успехах Черноморского флота уже знали далеко за пределами Европы. Его славу возвращали выдающиеся флотоводцы Ф.Ф. Ушаков, М.П. Лазарев, В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, В.И. Истомин и др. Но в 1854 г. в целях обороны Севастополя от десантов Англии и Франции значительная часть Черноморского флота была затоплена у входа в Севастопольскую бухту. Проиграв в Крымской войне 1853-1856 гг., Россия вынуждена была отказаться иметь флот на Черном море. Лишь с 1871 г. началось его постепенное восстановление. К бурным событиям 1917 г. Черноморский флот по мощи уже был вторым в России, уступая лишь Балтийскому. Он насчитывал около десятка линейных кораблей, 2 крейсера, 23 эсминца, 4 миноносца, более десятка подводных лодок и массу вспомогательных судов. С падением Российской Империи флот стал ареной острой борьбы различных партий и общественных движений за привлечение на свою сторону матросов и офицеров. Активную агитационную работу на флоте повели анархисты, эсеры, большевики, меньшевики, кадеты, украинские националисты. Последние выдвинули лозунг «украинизации» Черноморского флота, который, однако, не пользовался особым успехом, несмотря на то, что большинство матросов (65%) были

украинцами. Наибольшим авторитетом на Черноморском флоте пользовались эсеры. Командующий флотом адмирал А.В.Колчак предпринимал отчаянные усилия, чтобы в условиях войны сохранить единоначалие и дисциплину на флоте, а следовательно, и его боеспособность, но революционная анархия все больше и больше захватывала матросов. На кораблях создавались судовые комитеты, контролировавшие действия командиров. Из представителей матросов, солдат и рабочих был создан Севастопольский Совет, который в июне 1917 г. принял решение о разоружении офицеров. Чтобы избежать кровопролития, А.В.Колчак вынужден был согласиться с этим, но свой кортик не передал в судовой комитет, а демонстративно выбросил за борт. Вскоре он сдал и командование флотом.

После взятия большевиками власти в Петрограде ситуация на флоте еще больше осложнилась. Возникшая еще в марте 1917 на Украине Центральная рада усилила агитацию на судах флота. Однако ее успехи в этом были незначительными. В октябре под ее знамена перешел эсминец «Завидный», а в ноябре крейсер «Память Меркурия». Но свыше 200 матросов сразу же покинули крейсер, и он фактически стал небоеспособным. В декабре украинский флаг поднял линкор «Воля», однако и здесь 300 русских и 400 украинцев покинули корабль.

Активизировали свою агитацию на флоте и большевики. Действенную помощь в этом им оказывали матросы Балтийского флота, где большевистское влияние было особенно сильным. В декабре 1917 г. в Севастополе установилась советская власть. По всей Украине в это время шла борьба между Центральной радой и сторонниками большевиков. На помощь последним поспешили советские войска из России. 26 января 1918 г. Центральная рада бежала из Киева, а в феврале она подписала с Германией и Австро-Венгрией соглашение о взаимной помощи (немцы – войсками, Украина – хлебом). С помощью немцев Центральная рада хотела не допустить большевизации Украины.

3 марта 1918 г. Советская Россия заключила с Германией униженный Брестский мир. По этому мирному договору Советская Россия обязана была демобилизовать армию и флот, признать соглашение между Германией и Центральной радой, определить границу между Советской Россией и Украиной. Между тем на Украине шла борьба за Советы, созданы были советские армии. Не справляясь с ними, Центральная рада призвала на помощь немецкие войска. Чтобы предотвратить захват Крыма и Черноморского флота немцами на крымском полуострове была провозглашена Советская республика

Таврида, которая вошла в состав РСФСР. Но немцы этот факт проигнорировали и вместе с украинцами гайдамацкими частями 19 апреля 1918 г. захватили Перекоп, что открывало им путь на полуостров. На повестку дня встал вопрос о судьбе Черноморского флота. Украинская Центральная рада, претендовавшая на флот, авторитетом у черноморцев не пользовалась и все ее попытки подчинить флот Своему влиянию оказались безуспешными. А вот захват флота немцами был реален. Поэтому советское правительство в Москве принимает решение об эвакуации флота в Новороссийске. Но в Севастополе и на флоте не все с этим были согласны. Поэтому 21 апреля 1918 г. Центральный комитет Черноморского флота созвал заседание, на которое были приглашены представители от всех судов и береговых частей Севастополя. На совещание прибыл комиссар Центральной рады Сотник, который предложил подчинить флот Украине, уверяя, что в таком случае немцы не войдут в Севастополь. С Сотником был солидарен и исполняющий должность командующего флота контр-адмирал М.Л.Саблин. Но это предложение поддержало только 13 человек, а 61 человек отклонил. Было принято решение о немедленной эвакуации флота в Новороссийск. В резолюции принятой делегатами говорилось: «Дать знать всей Федеративной Республике России, что Черноморский флот, считая себя принадлежащим всей Федеративной Республике, не отдавая отдельной какой-нибудь ее части и будет находиться в ведении всей России».

М.П.Саблин, однако, считал, что спасти флот можно, подняв на его кораблях украинские флаги. Это якобы предотвратит наступление немцев. Такой шаг показался многим разумным. 29 апреля 1918 г. адмирал распорядился поднять на судах флота украинские флаги. Но не все подчинились приказу командующего. На эскадренном миноносце «Керчь» был даже поднят сигнал «Позор и продажа флота». В тот же день команда «Керчи» во главе с ее командиром В.А. Кукелем взяла на себя инициативу созыва делегатов от кораблей, которые решили уйти в Новороссийск. Собрание делегатов приняло решение немедленно приступить к эвакуации этих кораблей. К М.П.Саблину была послана делегация, чтобы проинформировать его об этом решении. Выслушав делегатов, пожилой адмирал расплакался, обнял их и сказал, что они поступают правильно, что сам он также бы ушел с ними, но не может бросить главные силы. Действительно, противниками эвакуации были команды самых крупных кораблей – новых линкоров «Воля» и «Свободная Россия». Представители этих судов даже предупредили уходящие корабли, что при попытке их выхода из бухты они будут расстреляны

из орудий. Их оппоненты в свою очередь предупредили, что в таком случае эсминцы ответят по линкорам минной атакой.

В 2 часа ночи 30 апреля 14 эсминцев, дивизион быстроходных катеров и часть транспортных судов вышли из Севастополя в открытое море и взяли курс на Новороссийск. В тот же день из штаба немецкого командования в Севастополь прибыла делегация, которая пыталась остановить продвижение немцев сообщением о том, что Черноморский флот стал украинским. Немецкое командование заявило этой делегации, что не может отказаться от оккупации Севастополя и потребовало разоружения флота и расформирования личного состава. Флот, заявили немцы, будет стоять под надзором немецкого гарнизона, а после войны якобы перейдет к Украине.

Этот ультиматум как гром среди ясного неба поразил оставшихся в Севастополе моряков. Стало очевидным, что немцев не интересует судьба Украины, им нужен Черноморский флот и Севастополь, к которому их войска подошли вплотную. Свою ошибку понял и командующий. М.П.Саблин приказал спустить украинские сине-желтые флаги, поднять на кораблях российские Андреевские флаги и идти в Новороссийск. 30 апреля поздно вечером корабли начали сниматься с якоря. К этому времени немцы уже успели установить артиллерию на высотах Севастопольской бухты. Первый эсминец сумел незаметно пройти узкий проход, а вот второй уже был подбит немцами. Еще два эсминца, подводные лодки и катера вынуждены были вернуться. Несмотря на сильный обстрел удалось выйти в море линейным кораблям «Воля» и «Свободная Россия». Мощная броня спасла их от потопления. В Севастополе остались 7 старых линкоров, 6 крейсеров, 12 эсминцев, часть которых была из устаревших и 15 подводных лодок. 3 мая на них были спущены украинские флаги и подняты германские. И все же наиболее боеспособная часть флота прибыла в Новороссийск. Там уже находился крейсер «Император Траян» и ряд судов эвакуированных из Феодосии и Керчи. Всего в Цемесской бухте ко 2 мая 1918 г. стало на якорь 20 военных кораблей, 10 сторожевых катеров, до 30 пароходов и транспортных судов. Встал вопрос о командовании флотом, т.к. М.П.Саблин соглашался лишь привести флот в Новороссийск. Собрание представителей флота обратилось к нему с предложением принять вновь командование флотом. М.П.Саблин не возражал при условии, что ему вручат единоличную власть, что он пресечет на флоте анархию и межпартийную борьбу, что на военных судах будут не красные, а Андреевские флаги – «символы единой и неделимой России». Не всем пришелся по душе такой ультиматум. Против него наиболее яростно

выступали анархисты и большевики. Поэтому было решено провести 3 мая 1918 г. референдум. В нем приняли участие более 3 тысяч человек личного состава флота. За М.П.Саблина и его условия проголосовало 2433 человек. Он вновь возглавил Черноморский флот. На военных кораблях взвились белые с косым голубым крестом андреевские полотнища, а на других судах – бело-сине-красные флаги торгового флота Императорской России. Уже эта внешняя демонстрация приверженности адмирала к старой России вызывала недовольство революционной части матросов. А тут еще М.П.Саблин запретил всякие митинги и политическую пропаганду на кораблях. Об этом немедленно был извещен Совнарком РСФСР. Для политического контроля над командующим флотом из Москвы в Новороссийск были командированы большевики Н.П.Авилов-Глебов и А.В.Баранов. Первый был назначен главным комиссаром Черноморского флота, второй – его помощником. Для начала присланные комиссары занялись символикой. Они повели агитацию против Андреевского флага, требуя заменить его на красные флаги РСФСР, т.к. флот является собственностью Советской республики. Вновь начались митинги и споры. Часть судовых команд поддерживала своего командующего, часть – комиссаров.

Между тем к середине мая на юге страны серьезно обострилась военно-политическая обстановка. Со стороны Ростова-на-Дону на юг продвигались немцы. На Тамани началось восстание под руководством белых офицеров Гулыги и Цибульского. Им на помощь из Керчи поспешил немецкий пехотный полк. Со стороны Грузии на Сухум продвигались антибольшевистские части. Германское командование категорически потребовало возвращение Черноморского флота в Севастополь, угрожая начать наступательные действия против него в районе Новороссийска. В подтверждение своих слов немецкие и турецкие подводные лодки и эсминцы начали провокационные нападения на русские катера и пароходы, осуществлявшие плавание вдоль Черноморского побережья Кубани.

Пытаясь сохранить флот, Советское правительство готово было разоружить его при условии, что флот останется в Новороссийске. Соглашалось оно и на возвращение судов в Севастополь в том случае, если из него будут выведены войска Германии, Австро-Венгрии, Турции и Украины. Но Германия игнорировала эти предложения. В связи с этим 24 мая 1918 г. Высший военный совет РСФСР заслушал доклад начальника Морского генерального штаба Е.А.Беренса об обстановке в Новороссийске и перспективах сохранения Черноморского флота. В этом докладе в частности говорилось: «Гер-

мания и Турция ведут явную охоту за нашими судами, нарушая при этом самым бесцеремонным и явным образом Брестский мир. Ими занят Севастополь, захвачена там часть судов, на которых подняты германские флаги. Они требуют возвращения судов из Новороссийска в занятый ими Севастополь, не мотивируя это абсолютно ничем и грозя захватить и Новороссийск, к чему ими уже фактически предприняты шаги в виде похода на Керчь... Политическая обстановка осложняется еще Украиной, поползновения которой на Черноморский флот, видимо, тоже встречают со стороны Германии противодействие и такую же уклончивую политику. Впечатление такое, что Германия желает во чтобы то ни стало завладеть нашим флотом и не согласна на уступки его даже Украине, не говоря уже про соглашение по этому поводу с нами. Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышепредложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украине, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море...»

Общий вывод докладчика сводился к необходимости уничтожения судов в Новороссийске. Высший военный совет поддержал это предложение. Докладная записка Е.А. Беренса с решением военного совета была направлена председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину. Глава правительства наложил следующую резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

Решение было принято, но вот претворить его в жизнь представлялось делом чрезвычайно трудным. Против этого решения срабатывал прежде всего нравственно-психологический фактор. Для моряка его корабль был дорог как родной дом, а уж потопление целой эскадры – гордости России, казалось вообще кощунством. Кроме того, личный состав флота далеко не весь был привержен идеям советской власти, что тоже осложняло задачу. Главный комиссар Черноморского флота Н.П. Авилов-Глебов не был моряком, да и не отличался ораторским даром, так необходимым для убеждения масс в экстремальных обстоятельствах. Этими качествами обладал И.И. Вахрамеев – балтийский моряк, большевик, которого Совнарком срочно направил в Новороссийск как члена коллегии Наркомата по морским делам претворять в жизнь это нелегкое решение. А пока спецпосланник советского руководства в сопровождении внушительной охраны из балтийских моряков двигался в Новороссийск, Морской генеральный штаб и его начальник Е.А. Беренс, понимая трудно-

сти выполнения поставленной задачи, отчаянно искали возможность договориться с Германией. Германскому правительству предлагалось установить контроль над флотом, вплоть до его блокады в Цемесской бухте, как гарантия «полной безвредности флота для германских Морских сил». Но и это не возымело действия на германское правительство.

2 июня 1918 г. И.И. Вахрамеев прибыл в Новороссийск и сразу же встретился с командующим флотом М.П. Саблиным. Он объявил ему о решении Советского правительства затопить флот. Адмирал был поражен таким сообщением. Он с негодованием ответил, что его задача сохранять флот, а не уничтожать. 4 июня М.П. Саблин собрал совещание представителей судов, на котором сообщил делегатам, что едет в Москву для решения назревших проблем флота. Зная, что моряки вскоре узнают о решении Совнаркома, он как бы заранее раскрыл свою позицию в отношении Черноморского флота, заявив: «Поддерживайте его до последней возможности и защищайте до последней минуты!». Передав командование флотом командиру линкора «Воля» А.И. Тихменеву, М.П. Саблин отбыл в Москву. Но весомое слово авторитетного адмирала сыграло свою роль. Большинство командиров судов было против уничтожения флота. Продолжавшим настаивать на выполнении решения Москвы Н.П. Авилову-Глебову и И.И. Вахрамееву А.И. Тихменев сказал, что если от отдаст такое распоряжение, то матросы выбросят за борт своих командиров и в первую очередь их как политкомиссаров. Против потопления флота был и ЦИК Кубано-Черноморской республики. Мало того этот советский орган местной власти настаивал на том, чтобы флот помогал оборонять советское Причерноморье от наступавших немецких частей.

Между тем на имя И.И. Вахрамеева из Москвы шли грозные телеграммы с требованием выполнять решение Совнаркома. Дело в том, что германское Правительство предъявило Советскому правительству ультиматум, согласно которому флот в течение 6-10 дней должен был вернуться в Севастополь. Немцы обещали в таком случае прекратить наступление своих войск и передать все корабли Российской республике после окончания войны. Председатель Совнаркома В.И. Ленин предложил официально сообщить немцам, что Советское правительство согласно перевести флот в Севастополь, а на самом деле взорвать и потопить суда в Новороссийске.

И.И. Вахрамееву было сообщено, что командование флотом получит нешифрованную телеграмму с приказом вернуть суда в Севастополь, но на самом деле флот должен быть уничтожен, якобы по инициативе команд, не подчинившихся приказу.

11 июня в 18 часов с линкора «Воля» грянуло три холостых оружейных выстрела, призывавших моряков явиться с берега на свои корабли. На судах начались бурные дискуссии о судьбе флота. В 12 ночи на линкор «Воля» прибыли делегаты от судов. До утра кипели споры. Против уничтожения флота выступали анархисты, левые эсеры, делегаты Новороссийского Совета рабочих депутатов. Рано утром было проведено голосование. За уход флота в Севастополь не высказался никто. За немедленное потопление флота – 600 человек, о преждевременности уничтожения флота проголосовало 700 моряков и 600 воздержалось от принятия решения.

В то время как шло голосование и.о.командующего флота А.И. Тихменев получил из Москвы радиogramму, в которой говорилось о переводе флота в Севастополь не позднее 19-го июня 1918 г. Это был фиктивный приказ, рассчитанный на немцев, но он окрылил тех офицеров, которые считали, что лучше отдать флот немцам, чем большевикам. Противник уничтожения флота А.И. Тихменев также решил, что увод судов в Севастополь будет наименьшим злом. Расписавшись в своей бессилии повернуть большинство моряков на свою сторону, И.И. Вахрамеев и Н.П. Авилов-Глебов выехали из Новороссийска. 15 июня А.И. Тихменев получил шифрованную радиogramму В.И. Ленина и Д.М. Свердлова с категорическим требованием немедленно уничтожить флот в Новороссийске. Но А.И. Тихменев решил вновь обратиться к флоту. На кораблях было проведено голосование. Впрочем о мнении всего личного состава флота судить трудно, т.к. началось активное дезертирство с кораблей. Но из тех, кто принял участие в голосовании большинство высказалось за переход флота в Севастополь. Сторонниками такого решения были прежде всего команды крупнейших кораблей. На линкоре «Воля» за переход проголосовало 360 моряков, за потопление – 190, на линкоре «Свободная Россия» соответственно 350 и 240. А.И. Тихменев отдал приказ флоту быть готовым к походу 17 июня. Что тут началось! Дисциплина на кораблях упала до нулевой отметки. Часть матросов дезертировала на берег, пополняя ряды тех, кто еще раньше ударился в бег. Оставшиеся начали переходить на корабли, где большинство составляли сторонники их позиции. Это по крайней мере предотвратило столкновения и анархию на самих судах, которые теперь более или менее четко определились – идти в Севастополь или затопить свой корабль. Задачу потопления судов в Новороссийске взял на себя эскадренный миноносец «Керчь» под командованием В.А. Кукеля. Возвратившиеся в Новороссийск И.И. Вахрамеев и Н.П. Авилов-Глебов попытались уговорить Д.И. Тихме-

нева отменить свой приказ, но последний был непреклонен. Тогда представители Совнаркома вместе с председателем судового комитета линкора «Воля» М.П. Глазом обратились непосредственно к команде флагманского корабля с предложением потопить свой линкор. Но этот призыв был встречен враждебно, раздались угрозы в адрес агитаторов. А.И. Тихменев, однако, согласился отложить выход судов до 12 ночи и подождать приезда еще одного посланца Совнаркома Ф.Ф. Раскольников. Не теряя времени, Н.П. Авилов-Глебов и И.И. Вахрамеев перебрались на другой крупный корабль линкор «Свободная Россия», где их встретили совсем по-иному, т.к. большинство команды было против ухода в Севастополь. Полагая, что их миссия закончилась, И.И. Вахрамеев и Н.П. Авилов-Глебов отправились на (Новороссийский вокзал ожидать поезд с Ф.Ф. Раскольниковым. Здесь их встретил встревоженный председатель Новороссийского Совета рабочих депутатов (Совет был против потопления флота) и сообщил им, что Новороссийский Совет принял решение арестовать их и предать смерти как изменников делу революции. Посланцам Москвы пришлось спешно покинуть Новороссийск. Но более настойчивым оказался председатель судового комитета линкора «Воля» М.П. Глаз. Он отправился на «Керчь» и предложил В.А. Кукелю, когда «Воля» снимется с якоря, затопить ее минным залпом с эсминца. Линкор, по его мнению, был небоеспособным отразить эту атаку. А это, якобы, деморализует команды других кораблей.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1925 г., В.А. Кукель пишет, что отверг это предложение из этических соображений, не позволявших ему «губить такое большое число людей».

17 июня 1918 г. в 23 часа 30 мин. линейный корабль «Воля», эсминцы «Беспокойный», «Дерзкий», «Живой», «Пылкий», «Поспешный», крейсер «Император Траян» и миноносец «Жаркий» взяли курс на Севастополь. К застрявшему левым якорем эсминцу «Громкий» А.И. Тихменев послал эсминца «Поспешный», чтобы на буксире отвести его в Севастополь, но командир «Громкого» отказался уходить из Новороссийска. Освободившись от якоря «Громкий» вышел на глубокое место. Команда на катере и шлюпке покинула корабль. На судне остался командир, радист и несколько матросов. Радист передал открытую радиogramму: «Всем, всем, всем! Миноносец «Громкий», носящий название своего геройского собрата (его предшественник погиб в мае 1905 г. в Цусимском проливе во время Русско-японской войны – В.Р.) верный традиции русского флота, не сдается неприятелю, а топится. Призываем матросов других

кораблей последовать нашему примеру». На эскадренном миноносце были открыты кингстоны (клапаны для забортной воды), его покинули все моряки, с тоской наблюдая как красавец-корабль медленно погружался в морскую пучину. Вышедшие в поход суда 19 июня 1918 г. благополучно, но с большим напряжением сил, т.к. большинство команд эсминцев были неукомлектованы, под Андреевским флагом прибыли в Севастополь.

Узнав об этом, председатель Совнаркома В.М. Ленин был буквально в ярости. «Жаль, – говорил он, – что наши сплеховали и не открыли огонь по уходившим в Севастополь! Обязательно их надо было расстрелять и потопить... мерзавцев, изменников, предателей, нельзя было упускать!»

Рано утром 18 июня 1918 г. командир эсминца «Керчь» В.А. Кукель затребовал буксиры для вывода судов на внешний рейд. Оказалось, что они были безлюдными, их команды сошли на берег. Тогда за эту работу взялся эсминец «Лейтенант Шестаков». На транспортируемых судах взвился сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!» Пока суда выходили на внешний рейд, по Новороссийску разнеслась весть о потоплении флота. Тысячи людей хлынули в порт и на набережную. Многие возмущались решением затопить флот. Ораторы призывали воспрепятствовать этому. Но большинство судов уже было выведено на внешний рейд. У пристани оставался лишь эсминец «Фидониси» и, когда к нему подошел буксир, чтобы вывести корабль из порта, наэлектризованная толпа ринулась к «Фидониси». Тогда В.А. Кукель подвел свой эсминец «Керчь» к пристани и по мегафону предупредил, что откроет огонь, если собравшиеся будут препятствовать буксировке «Фидониси». Мощные орудия «Керчи» грозно уставились на возбужденную толпу, которая в испуге отхлынула от пристани. «Фидониси» был отведен на внешний рейд, где стал следующей жертвой уничтожения оставшейся эскадры. Эсминец «Керчь» с расстояния около 750 метров произвел по нему выстрел миной и через 12 минут корабль исчез в водах Черного моря. За ним на дно пошли эсминцы «Гневный», «Громкий», «Калиакрия», «Гаджибей», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан - лейтенант Баранов», миноносцы «Заветный», «Смешливый», «Стремительный» и «Летчик». Последним шестью минами был потоплен линейный корабль «Свободная Россия». Потопив эскадру, эсминец «Керчь» направился в Туапсе, где дал открытую радиограмму: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии, эскадренный миноносец «Керчь». 19 июня 1918 г.

рано утром к югу от Кадошского маяка команда затопила «Керчь». Российский Черноморский военно-морской флот как могучее оперативно-стратегическое объединение боевых кораблей перестал существовать. В силу разных военно-политических причин те или иные суда, пришедшие в Севастополь, меняли своих хозяев. Это были немцы и украинцы, французы и англичане, красные и белые. В бурные годы Гражданской войны часть судов вышла из строя, некоторые были взорваны интервентами, часть ушла с П.Н. Врангелем во французскую военно-морскую базу Бизерту в Тунисе. В 1920-1930-е годы семь кораблей, затопленных в Цемесской бухте, были подняты. Пять из них были разобраны на металлолом, а эсминец «Калиакрия» и транспорт «Эльбрус» (18 июня 1918 г. в бухте кроме боевых кораблей было затоплено еще 6 транспортных судов) отремонтированы. Первый получил название «Дзержинский», второй – «Куйбышев». В 1960-е годы со дна бухты были подняты эсминцы «Фидониси» и «Пронзительный». Остальные продолжали покоиться на морском дне как невидимый, но немой укор трагедии Черноморского флота.

В.И. Шкуро

Морской Георгий атамана

Речь пойдёт о Черноморском войсковом атамане Григории Кондратовиче Матвееве, вокруг имени которого сохранилось очень много легенд. Начнем с его происхождения. Существует твёрдое мнение, что он беглый крепостной графа Разумовского. Такое вполне возможно, так как после разорения Запорожской Сичи, Императрица Екатерина Великая щедро раздавала земли, заселённые казаками, в первую очередь новому выслужившемуся дворянству «на прокормление». Такова была давняя традиция на Руси. Г.К. Матвеев не смог договориться с наследниками графа Разумовского о выкупе родной матери. Когда из далёкой Черномории привозили к Императорскому Двору диковинные подарки, Разумовские всегда могли подчеркнуть, что мать прибывшего или приславшего депутацию с подарками атамана – их крепостная.

Другая история связана с тем, что атаман не ладил со своим начальником – командиром Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермоловым. Казацья столица – город Екатеринодар располагалась на виду у противника. Тифлисское начальство считало, что она должна быть перенесена в безопасное место, ведь сюда приезжали в командировку из корпуса. И даже тамошние инженеры подобрали место под новую столицу на реке Кочеты, недалеко от Медведевского куреня. Но атаман и черноморская старшина упорно отказывалась выполнять распоряжение А.П. Ермолова. Переписка по этому вопросу длилась до того времени, пока самого А.П. Ермолова не отозвали в Санкт-Петербург.

Если внимательно вчитаться в формулярный список о службе Черноморского казачьего войска Войскового Атамана, полковника Г.К. Матвеева, составленный в 1821 году, то можно обнаружить некоторые интересные сведения. Ему уже полных 49 лет. Он из казачьих детей. В службу вступил казаком 12 августа 1787 года. Тогда ещё не было Черноморского казачьего войска, а формировались только волонтёрские команды из бывших запорожцев для войны против турок. И Русско-турецкую войну 1787-1791гг., и Персидский поход 1796 года, и Русско-турецкую войну 1806-1812 гг. провёл «на водах».

Боевое крещение казак Г.К. Матвеев получил в июне 1788 года «при приступе к городу Очакову к неприятельскому флоту, при истреблении онаго». Историк А.Б. Широкоград приводит ещё одну легенду, случившуюся накануне сражения русской и турецкой эскадр

районе Очакова. Она связана с командующим русской парусной эскадрой контр-адмиралом Полем Джонсом, шотландцем на русской службе. Историк пишет: «Поль Джонс ещё в Европе слышал о запорожцах и решил узнать их поближе. Дважды (6 и 16 июня) он посетил стан «верных запорожцев». Во время второго посещения знаменитого пирата торжественно приняли в казаки и соответственно экипировали. Далее в дело пошла горилка. Контр-адмирал побратался с казаком Иваном, прозвище которого до нас не дошло. 16 июня был сильный туман. Воспользовавшись им, Джонс с Иваном сели в лодку и подгребли к стоявшему в лимане турецкому кораблю. Джонс достал мел и размашисто написал на борту турка: «Сжечь. Поль Джонс». Затем побратимы благополучно прибыли обратно. Потом Джонс несколько раз появлялся в запорожском костюме на палубе своего флагманского корабля «Святой Владимир». Вид контр-адмирала в шароварах «шириной с Чёрное море» настолько потряс одного англичанина, что тот пустил слух будто безбожный Джонс принял ислам.

А на утро было сражение с турецкой эскадрой, длившееся четыре с половиной часа. Русским удалось потопить 10 турецких кораблей и захватить один 64-пушечный линейный корабль. Двенадцать турецких кораблей отошли к Очакову под защиту крепостных орудий. Их очередь настала 1 июля. Все они были потоплены, за исключением 50-весельной галеры «Макроплея», которая была захвачена. Почти с полной вероятностью можно считать, что Г.К. Матвеев был в составе 60 казаков команды Васюринской лодки, которая находилась в числе тех куренных лодок, которыми командовал войсковой судья А.А. Головатый

Отличился Г.К. Матвеев, о чём есть запись в его формулярном списке, и при «взятии острова Березани», опять таки под командованием А.А. Головатого. В штормовую ноябрьскую ночь казачьи лодки вышли в Чёрное море и штурмом взяли турецкую крепость на этом острове, причём казаки захватили 320 пленных, знамёна, 150 бочек пороха, 1000 ядер и продовольствие.

В том же году в документах отмечено еще одно знаменитое сражение – взятие штурмом турецкой крепости Очакова, где отличился казак Матвеев Г.К. Формально, осада Очакова началась в середине августа. У осаждённых не было шанса бежать, так как осада проводилась и со стороны суши и со стороны моря (лимана), и это вынуждало турок драться насмерть до последнего. Штурм начался утром 6 декабря в 23-градусный мороз. Русские взяли в плен около 4тыс. человек, захватили 310 орудий, 180 знамён, и потеряли 147 офицеров 2720 нижних чинов.

Следующий год в формулярном списке Г.К. Матвеева отмечен отличием при взятии Белграда и Бендер.

В 1790 году Григорий Кондратьевич Матвеев принял участие в самом важном сражении той войны – взятии казавшейся неприступной турецкой крепости на нижнем Дунае – Измаила. В формулярном списке записано кратко «... был ... при истреблении под Измаилом неприятельского флота; при взятии сильного города и крепости Измаильской...»

Историк А.А. Смирнов в своём исследовании отмечает, что за неделю боев с турецкой эскадрой под Измаилом флотилией Головатого А. А. в ноябре месяце 1790 года было потоплено более 90 различных турецких судов, а своих потеряли всего 16. В день же штурма Черноморская гребная флотилия «атаковала крепость со стороны Дуная в две линии. В первой – 100 казачьих лодок. Под огнём с бастионов черноморцы высадили десант, и, как кошки, полезли по стенам». Потери казаков составили 160 человек убитыми и 345 ранеными. Все оставшиеся в живых офицеры и казаки были награждены золотыми и серебряными медалями с надписью «За отменную храбрость при взятии Измаила 11.12.1790 года».

В период подготовки похода в Индию в 1796 году, в царствование Павла I, был «в Персии в числе десантных войск во флоте на водах Каспийского моря». Нужно подчеркнуть, что в конце второй Русско-турецкой войны Матвеев Г.К. 18 декабря 1790 года произведён в хорунжие, а 10 февраля 1791 года получил армейский чин прапорщика. По возвращении из Персии 22 декабря 1796 года стал есаулом. И снова Г.К. Матвеев служил под начальством войскового судьи, а затем заочно избранного кошевым атаманом, полковника А.А. Головатого. Каспийская военная флотилия, которой командовал А.А. Головатый с черноморскими казаками, как десантными войсками, 21 июня 1796 года вышла из Астрахани. В районе Баку наши войска разбили отряд кораблей персидского шаха, заняли ряд прибрежных городов и освободили много христианских пленников. За отличие в этих делах А.А. Головатый получил чин бригадира, а Матвеев, как уже указывалось, стал есаулом.

Во время очередной Русско-Турецкой войны (1806-1812 гг.) Черноморские казаки 1-го пешего полка снова использовались как десантники на судах Дунайской военной флотилии. Вот некоторые сведения из формулярного списка Г.К. Матвеева:

«В походе к дунайским городам 1810 года мая 29, при блокировании и взятии города Силистрии, где за оказанную храбрость награждён орденом Святой Анны 4-го класса июля 4.

В прорыве с правого на левый фланг у Руцук под неприятельскими перекрестными выстрелами. А за оказанную же и тут храбрость и искусство награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 класса. Потом, того ж июля 9 числа при разбитии повыше Руцук турецкой флотилии намеревавшейся пройти в Руцук с десантом, где отличились храбростью и мужественными подвигами, пожалован чином подполковника.

Августа 26 при местечке Батине при разбитии турецкой армии, где также отличась, пожалован орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени.

1811 года августа 29 под городом Лом-Паланкою, при разбитии турецкой флотилии и за оказанную тут храбрость и искусство в сражении, награждён орденом Святой Анны 2-го класса».

23 марта 1816 года Императором Александром I утверждён Войсковым атаманом Черноморского казачьего войска, а «за хорошее распоряжение, усердие по службе, Всемиловнейше произведён в 10-й день июля 1819 года Полковником». Последняя военная награда пожалована ему «1820 года мая в 9 день в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного при отражении черкес, нападавших на границы жилищ войска Черноморского генваря 25 и 26, 1-го и 2-го чисел февраля благоразумным распоряжением на важнейших и опаснейших пунктах, Всемиловнейше пожалован орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени».

После переподчинения Черноморского казачьего войска Командиру Отдельного Кавказского корпуса происходили определённые изменения во взаимоотношениях с вышестоящим начальством. Если раньше кошевой (войсковой) атаман был одновременно и командующим Черноморской кордонной линией, то с 1820 года для заведывания пограничной линией был прислан генерал-майор М.Г. Власов, которого ещё при Г.К. Матвееве сменил генерал-майор Сысоев. Сам же Г.К. Матвеев сосредоточился на благоустройстве края. Дел хватало, тем более, что на его правление пришлось второе пополнение Черноморского казачьего войска переселенцами из малороссийских Полтавской и Черниговской губерний в числе до 25 тысяч душ мужского пола. Трудностей в это время хватало. Три года подряд на Кубани был неурожай, а в 1821 году еще и нашествие саранчи. Малороссийские губернаторы вместо планомерного переселения, отправили в путь сразу две трети переселенцев, причём, старались избавиться в первую очередь от малосемейных, старых и увечных, в общем от тех, кто мало платил податей на месте. А их на новом месте нужно было принять, накормить, разместить,

помочь в постройке домов и обзаведении хозяйством. Так как в войсковой казне денег было недостаточно, полковник Г.К. Матвеев организовал и возглавил Комитет по приёму переселенцев из лучших людей войска, которые и сами жертвовали деньги, хлеб, скот, брали на пропитание семьи, но и побуждали других к благотворительности.

Простые же казаки брали в свои дома по семье переселенцев и помогали им обзавестись хозяйством, может быть и поэтому в начавшейся Русско-персидской войне (1826-1828) из новопоселенцев был сформирован обоз на 500 воловьих упряжек. Так они привыкли к казачьей службе.

Умер Григорий Кондратович Матвеев неожиданно, 9 января 1827 года. У него остались жена Евдокия Андреевна из священнической семьи, дочь и сын Макар, дослуживший до есаульского чина.

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 250. Оп.1. Д.30. Л.121; Оп.2, д.515. Л.1-4; Ф.396. Оп.1, д. 10020. Л. 5; Д. 11328. Л.194; Ф.427. Оп.1. Д.74. Л.1922.
2. *Мазеин В.А.*, Матвеев Григорий Кондратович // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С.262.
3. *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны 1876-1918 гг. Минск-Москва, 2000. С. 238-408.
4. *Шкуро В.И.* Матвеев Григорий Кондратович // Из истории дворянских родов России. Краснодар, 2000. С. 39-40.
5. Матвеев Григорий Кондратович // КАЗАЧЕСТВО. Энциклопедия. Москва, 2003. с. 207.
6. *Мазеин В.* Матвеев Григорий Кондратьевич // Большая Кубанская энциклопедия. Том I. Краснодар, 2004. С.181-182.
7. *Смирнов А. А.* Морская история казачества. Москва. 2006. С. 154-1801.
8. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века, Краснодар, 2009. С.150.
9. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории Кубанского казачества, Краснодар, 2007. С.14-22, 57-88, 104-127.

Раздел II. Морская элита Империи

А.П. Нахимов

Нахимовы на службе отечеству.

Дворянство Нахимовых выслуженное. Прадед выдающегося адмирала Павла Степановича – Мануйло Тимофеевич Нахимов состоял с 1723 г. в Ахтырском слободском казачьем полку, участвовал в Крымских, Очаковском и Хотинском походах. С 1732 г. на выборной должности головы Ахтырской таможни. В 1757 г. сентября 30-го дня указом Её Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая... «был при отставке награжден сотенным чином за долговременную и беспорочную службу», что давало право быть причисленным к дворянскому сословию.

Когда Екатерина II своей «жалованой грамотой» 21 апреля 1785г. упразднила прежние родословные дворянские книги, и, введя 6 категорий, устроила поголовную перепись дворян, каждый из них должен был доказывать свою принадлежность к дворянству, и, если это подтверждалось, проситель записывался в одну из шести губернских дворянских родословных книг. В 1807 г. с подобным прошением на имя Смоленского губернского дворянства предводителя обратился помещик, дворянский предводитель Сычевского уезда Николай Матвеевич Нахимов. К прошению прилагались документы и свидетельство полутора десятка дворян Смоленской губернии, в котором, в частности, сообщалось, что дед Манойло Тимофеевич войсковой службы сотник происхождения точное имел из польского шляхетства. Видимо поэтому, поступая на службу в Ахтырский слободской казачий полк, Нахимовы начинали ее не с рядовых казаков, а с подпрапорных и дослуживались, как правило, до сотников. Казачие полки комплектовались тогда исключительно рекрутами из казачих семей, и большинство Нахимовых из Ахтырки прошли через этот полк.

В 1807 г. Нахимовы были внесены в дворянскую родословную книгу в её 1-ую часть. Других дворян Нахимовых из числа однофамильцев в дореволюционной России не значилось.

Будущий адмирал – Павел Степанович родился 5 июля (23 июня) 1802 г. в семье потомственного дворянина Вяземского уезда Смоленской губернии отставного секунд-майора Степана Михайловича Нахимова и Феодосии Ивановны Козловской, также имевшей дворянское происхождение.

И если в 1802 г. при определении Николая и Платона в Морской шляхетский кадетский корпус Степану Михайловичу пришлось запрашивать Правительствующий сенат, то Иван с Павлом, поступая в корпус спустя 13 лет, просто брали свидетельство о своём дворянском достоинстве в губернском дворянском собрании.

Сегодня проявилась история переселения Нахимовых в Смоленские края. В 1744г. занедужившего отца на посту таможенного головы в Ахтырке сменил старший сын Семен. Деятельность расторопного поручика была замечена и должным образом оценена. В самом начале 60-ых он переведён в Петербург и вскоре занимает пост капитан-директора Петербургской морской таможни. Семён быстро сколачивает состояние и приобретает в 1764г. у графа С.А. Строганова за 45.000 руб. недвижимость в нескольких уездах Смоленской губернии. В селе Волочке, где располагался усадебный дом, действовала парусная фабрика, заведённая ещё отцом графа. На ней, видимо, не только ткали парусину из местного льна, но и кроили сами паруса, что и отразилось в её названии. Старшие сестра и братья Павла родились здесь, пока их отец Степан Михайлович оставался совладельцем усадьбы в Волочке. Когда пришло время определять недорослей Николая и Платона на службу, авторитет деда Семёна, состоятельного дворянина, сделавшего себе имя в Петербурге и по роду своей деятельности тесно связанного с флотом, оказался решающим. Николай и Платон в 1802г. были зачислены кадетами в Морской корпус.

В 1814г. подростки Иван и Павел последовали примеру старших братьев и подали прошение на зачисление в Морской кадетский корпус.

Морской корпус в то время наряду с Пажеским корпусом и Царско-сельским лицеем считался привилегированным учебным заведением, где получали образование исключительно дворянские дети.

Павел и его новые друзья кадеты были детьми военного времени. Они как и все окружающие ощущали необычайный подъём национального духа.

Русской армии нет равной! Россия победила тирана Европы, ещё недавно наводившего ужас на соседние страны. Наши доблестные войска недавно из самого Парижа. Гвардейский флотский экипаж вернулся на кораблях.

Кому как ни Павлу с Иваном родом с многострадальной Смоленщины, и пережившим французское нашествие в Бельском уезде в имении старшей сестры, понятно это тревожное слово-война. Мальчишки оказались свидетелями народного сопротивления в Смоленской губернии в августе-ноябре 1812г. после отступления наших войск и ополчения к Москве, когда многие уезды губернии остались наедине с неприятелем и подверглись страшному разорению. Их дядя, двоюродный брат отца, владелец Волочковского имения и дворянский предводитель в соседнем Сычёвском уезде, отставной прапорщик Московского мушкетёрского полка Николай Матвеевич Нахимов дал себе клятву не допустить оккупантов хозяйничать в уезде. Вместе с городничим Сычёвок и исправником организовали и по возможности вооружили несколько сот крестьян, горожан и других обывателей разных населённых пунктов. Установили систему тревожного оповещения с колокольни на колокольню, и стоило только появиться на территории уезда вражескому отряду, как Нахимов был оповещён, и в короткое время на угрожающем направлении непрошенные гости наткнулись на партизанскую засаду и получали сокрушительный отпор. Уже 18 августа на второй день после захвата Вязьмы французами Нахимов с соратниками отражал атаки конного отряда на подступах к Сычёвкам. И так на всё время наполеоновского нашествия ни один отряд, ни один мародёр не уходил безнаказанно с сычёвской земли. В сентябре Нахимов в верноподническом послании на имя Государя Александра I доносил о стычках с неприятелем и ходатайствовал о награждении отличившихся. В своём очередном рапорте М.И. Кутузову в начале октября сообщал, что народные мстители уезда перебили с 18 августа по 30 сентября более 3000 французов и более 1000 пленили.

Опыт народной войны в Сычёвском уезде сочли необходимым распространить в других северных уездах губернии. Сам Николай Матвеевич был 7 ноября награждён Императором орденом Святого Владимира 4-ой степени с бантом. Позже возвратившиеся в уезд помещики с дозволения Императора наградят своего предводителя шпагой «за сохранение спокойствия и имущества в уезде».

Николай Матвеевич был крёстным Павлу, он сильно привязался к нему пока не имел своих детей. Дядя часто наезжал к любимому крестнику в Городок и навещал его семью в Юрьеве у Воеводских в

1812г. Павел не раз, как следует из преданий нашей семьи, гостил у дяди в Волочке, слушал его рассказы о боевых вылазках сычёвских партизан, видел бесстрашных соратников дяди, восхищался их верности долгу стоять за Отечество, Веру, Царя. Здесь юный Павел познал и впитал то, что могло стать стержнем его характера на всю оставшуюся жизнь.

В 26 мая 1883г после завершения многолетнего строительства был освящён храм Христа Спасителя в Москве в честь победы в 1812-14гг. На одной из мраморных досок справа от западного входа воспроизведён текст манифеста Александра I в адрес дворян и духовенства с благодарностью за их вклад в победу над наполеоновскими полчищами. Здесь приведены имена наиболее отличившихся дворянских предводителей-организаторов народной войны. Среди них имя предводителя Сычёвского уезда Николая Матвеевича Нахимова, городничего Сычёвок Корженковского, исправника Богуславского и крестьян, награждённых по представлению Нахимова знаком военного ордена Св. Георгия. В восстановленном храме этот текст на той же стене накатан краской на месте мраморной плиты.

Всего в XIX веке 14 Нахимовых окончили Морской корпус.

Сергей Николаевич из Волочка, мой дед, оказался в 1902г. последним Нахимовым, учившимся в стенах корпуса.

Павел Степанович, племянники Степан Васильевич, Аркадий Васильевич Воеводские, внучатый племянник Степан Аркадьевич Воеводский заслужили чин адмирала.

Брат Сергей Степанович, племянник Платон Васильевич Воеводский-чин вице-адмирала.

Племянник Платон Аркадьевич Воеводский был генерал-майором по флоту.

Платон Степанович, Павел Сергеевич и Сергей Павлович Нахимовы – капитаны 2-го ранга. Морская карьера остальных по разным причинам закончилась раньше.

Брат Павла Степановича – Платон до отставки состоял ротным воспитателем в Морском корпусе. В 1827г. отставной капитан 2-го ранга возвращается на родину, состоит депутатом дворянского собрания Вяземского уезда, назначается с 01.10.1834г. инспектором Императорского Московского университета. В Москву он переезжает с женой Цызыревой Ириной Павловной, дочерью Дорогобужского дворянина, уездного предводителя в 1812г., отличившегося в организации партизанского сопротивления оккупантам. У них в Москве родились два сына: Павел в 1838г. и Александр в 1840г., крещенные в университетской церкви Св. Татьяны. Павел поступил в Морской

корпус и скончался вскоре после его окончания в 1854г. Александр получал образование в Московском университете, умер в 1880г. в возрасте 40 лет. Сведений о его потомстве до нас не дошло.

Сам Платон Степанович прослужит в университете до декабря 1847г., когда по выборам дворянства будет переведен смотрителем Странноприимного дома графа Шереметьева в Москве (старое здание больницы имени Н.В. Склифосовского). На этом посту и закончит в 1850г. свой жизненный путь, оставив о себе добрую память у бывших студентов и посетителей дома графа Шереметьева.

Николай Степанович (1779-1857гг.), старший из братьев как и Платон был в Морском корпусе ротным, в 1819г. вышел в отставку капитан-лейтенантом, служил смотрителем Зимнего дворца в Петербурге, где за рачительное расходование средств при ремонте дворца был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. Затем возвращается в Городок под Вязьмой. У него три дочери: Анна 1814 года рождения, Елизавета и Александра. Николай Степанович в 40-х годах избирается предводителем Вяземского уездного дворянства.

Иван Степанович (1801-1834 гг.) плывал лейтенантом на Балтике, участвовал в 1828-30 гг. в блокаде Дарданелл, за что награжден орденом Св. Анны 3 ст. Умер в 1834г. в Петербурге, предположительно от холеры, так и не успев завести семьи.

Анна Степановна старшая сестра Павла Степановича вышла замуж за Бельского помещика подпоручика в отставке Василия Гавриловича Воеводского, вырастила с ним четверых сыновей и четверых дочерей. Все четыре сына по примеру пятерых дядей Нахимовых закончили Морской корпус и достойно продолжили флотскую династию.

Любимый племянник Павла Степановича – «Стёпа», Степан Васильевич (1805-1884 гг.), участвовал на «Иезекииле» в Наваринском сражении, за отличие награждён орденом Св. Анны 3-ей степени с бантом. Капитан-лейтенантом в 1838 г. поступил в Русско-Американскую кампанию. В 1853-1859 гг. капитан 1-го ранга Главный правитель кампании. В 1860г. – контр-адмирал главный командир Астраханского порта. С 1868г. вице-адмирал член Адмиралтейств-совета, адмирал в 1877г.. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Петербурге.

Аркадий Васильевич (1813-1879 гг.) в 1845 г. начальник Астробадской морской станции на Каспии, с 1848 по 1855 г. начальник Бакинской станции, контр-адмирал, в 1864 г. вице-адмирал. С 1867 г., главный командир Санкт-Петербургского порта, адмирал член Адмиралтейств-совета, член Законодательной комиссии по флоту с 1872г.. Принял деятельное участие в постройке в Петер-

бурге первого в истории броненосца «Петр I». Аркадий Васильевич был женат на родных сестрах Анне и Елизавете Макеевых. От первой супруги Анны Петровны он имел шестерых детей.

Платон Васильевич (1818-1885 гг.) семьи не имел и потомства после себя не оставил. В оборону Севастополя флаг-офицер П.С. Нахимов, продолжил службу на Балтике. В 1857 г. назначается вице-директором корабельных лесов. В 1864 г. контр-адмирал. С 1868 г. состоит при Морском министерстве. Вице-адмирал в 1874 г. и член Морского суда. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Петербурге рядом с часовенкой Ксении Петербургской.

Сергей Васильевич Воеводский служил на ЧФ лейтенантом, вышел в отставку. Скончался до 1850 г., когда ему еще не было и тридцати, оставив после себя двух малолетних дочерей Веру и Александру.

Несколько внучатых племянников Павла Степановича из Воеводских также предпочли служить в Императорском флоте.

Степан Аркадьевич 1859-1937 гг., капитан 1-го ранга в 1904 г., контр-адмирал, начальник Морской академии и командир Морского корпуса с 1907 г., товарищ Морского министра в 1908 г., 1909-1911 гг. вице-адмирал Морской министр, адмирал. Имел четверых сыновей. В революцию 1917 г. эмигрирует с семьей во Францию, похоронен в Нице.

Платон Аркадьевич (1861-1941 гг.) получил юридическое образование, состоял членом Морского суда, позже назначен Военно-морским прокурором в чине генерал-майора от флота. Вел дело команды броненосца «Князь Потемкин Таврический». Эмигрировал с семьей из Советской России. Похоронен в Париже на Сен Женеьев Дюбуа.

В настоящее время в Западной Европе проживают его внуки Дмитрий и Елена Воеводские, с которыми я рассчитываю установить связи.

Николай Аркадьевич в 1908 г. Товарищ главного управляющего Собственно Его Императорского Величества канцелярии, почетный мировой судья Балтийского округа. У него с женой фон Штейнхель Марией Вячеславовной трое сыновей и пятеро дочерей. В 1996 году я связывался по телефону с его внуком Николаем Николаевичем Черниловским-Соколом, проживавшим тогда в пригороде Парижа. Николай Николаевич по линии отца также из известной морской династии. Мичман Черниловский-Сокол по заданию командира крейсера «Варяг» кап. 2-го ранга В.Ф. Руднего готовил судно к взрыву после того, как стало ясно, что «Варяг» не в состоянии продолжить бой.

Последним Нахимовым, служившим на флоте, был внук Сергея Степановича – Нахимов Сергей Павлович.

Сергей Нахимов был выпущен из Морского корпуса старшим унтер-офицером 06.11.1896 г..

Специально привожу полный послужной список лейтенанта Сергея Павловича Нахимова на июль 1903 г., позволяющий, по моему мнению, детально ознакомиться с практикой подготовки офицера российского флота тех лет. Обращает на себя внимание необычайная насыщенность и разносторонность получаемых знаний и навыков.

В 1896 г. с 20.05. по 12.09. на учебном судне «Верный» по Балтийскому морю и Финскому заливу.

Произведен в мичманы 1896.25.09. с зачислением в 28 флотский экипаж.

В 1896 г. на эскадренном броненосце «Синоп» с 07.12. по 01.01. 1897 г. в составе практической эскадры Черного моря.

В 1897 г. на эскадренном броненосце «Синоп» с 1. по 22.01. и с 22.01. по 24.05. на Черном море.

В 1897 г. на транспортном судне «Буг» вахтенным начальником с 28.05. по 01.07. в плавании по Черному морю;

с 12.07. по 25.09. вел гидрографические съемки на Черном море.

Назначен в переменный состав водолазной школы 1897.27.09.

В 1898 г. на миноносце № 259 с 21.09. по 06.10. в плавании по Черному морю.

Командирован в Гвардейский экипаж 1898.27.09.

В 1899 г. с 01.06. по 21.08. на Императорской яхте «Полярная звезда» вахтенным начальником и младшим штурманом во внутреннем и заграничном плавании.

Переведен в 5 флотский экипаж 1899.27.08.

Назначен слушателем минно-торпедных классов 1900.07.10.

Произведен в лейтенанты 1901.01.01.

Зачислен в минные офицеры 2-го разряда 1901.07.09.

Переведен из 5 в 14 флотский экипаж 1901.02.11.

Назначен в плавание на кампанию сего года на крейсер 2 ранга «Вестник» 1902.24.04.(215)

В 1907 г. Сергей Павлович уходит в отставку с присвоением чина капитана 2-го ранга. Возвращается в Царское село, где поселяется с супругой в двухэтажном особняке на Парковой улице. Летом того же года вдвоем они приезжают в гости к троюродным братьям Николаю и Сергею Нахимовым в Волочок. И у меня в семейном альбоме отыскалась фотография, где неизвестные мне прежде С.П.Нахимов и М.И.Нахимова запечатлены в обществе моей прабабушки, бабушки, ... на балконе дома в Волочке.

И как всегда помог случай... В один из присутственных дней в Росийском Дворянском собрании осенью 1999 г. ко мне обратилась дама

немолодых уже лет, пожелавшая выяснить судьбу Адмирала Нахимова, принявшего деятельное участие в судьбе ее отца в начале XX века. Татьяна Леонидовна, урожденная Теплова, из дворян, архитектор, заведующая кафедры Московского художественного училища (Строгановского) поведала мне свою семейную историю. Дед ее по отцу состоял управляющим в доме Нахимова в Царском селе и как-то, защищая честь дамы, вкатил оплеуху одному из Великих князей. Расправа не замедлила себя ждать: он был сослан в Чернобыль. Семья оказывается без средств существования, вскоре из жизни уходит супруга, четверо детей подростков становятся сиротами. Сергей Павлович и Мария Ивановна своих детей не имели, видимо, это не входило в планы фрейлины Императрицы, но они без колебаний взяли на себя заботу о детях бывшего управляющего Теплова. Трое ребят были со временем определены в армейские училища, а их сестру Ольгу, вплоть до замужества, опекала сама Мария Ивановна, вывозя на лето в Ливадию, куда фрейлина должна была следовать за Августейшей Семейей.

В Пушкине под Петербургом и сейчас проживают сын и внук Ольги, с признательностью вспоминая доброе участие Нахимовых в их судьбе.

При следующей встрече Татьяна Леонидовна любезно показала мне половину фотографии с изображением Марии Ивановны Нахимовой (Малышевой), отделенную неровным разрезом от второго персонажа снимка-Сергея Павловича Нахимова. Мы сличили ее с фотографией из моего альбома. Сомнений не было: на обоих снимках Мария Ивановна. Как вспоминала сама Татьяна Леонидовна, С.П.Нахимов на снимке был в адмиральской форме и при эполетах, и что ее родители в конце тридцатых, опасаясь возможных в ту пору последствий, уничтожили часть фото с царским адмиралом. Хотя теперь несомненно такое свидетельство связи с фрейлиной Императрицы являлось куда большей и реальной опасностью, нежели с капитаном 2-го ранга в отставке.

Сергей Павлович Нахимов смог эмигрировать после Октябрьской революции, жизнь его оборвалась в 1937 г. в римской клинике, там же в Риме он и похоронен.

Флотскую династию Нахимовых составил двадцать один служитель флота. Характерно также, что и Нахимовы и Воеводские-все со Смоленщины, а из харьковских никто на флот не пошел.

На Чёрном море в XIX веке служили, по моим данным, двое Нахимовых и двое Воеводских.

На схеме гениалогического древа рода Нахимовых, составленным мною специально к 200-летию Павла Степановича и опубликован-

ном в 2003г. в духтомнике <П.С.Нахимов. Документы и материалы>, все Нахимовы и Воеводские, по крайней мере закончившие Морской корпус, отмечены Андреевским флагом. Павел Степанович, заслуживший в Наваринском бою со своими боевыми соратниками на «Азове» кормовой Георгиевский флаг, отмечен им и здесь.

Советский военно-морской флаг указывает моё место на древе. Я заканчивал Ленинградское Нахимовское училище и служил в авиации.

Я не мог не поместить на схему и породнившихся с Нахимовыми моряков Белкиных и Унковских: капитан-лейтенанта Семёна Яковлевича Унковского, оставившего интересные дневниковые записи о своём пребывании у моего прадеда в Волочке; адмирала Ивана Семёновича Унковского, выдающегося мореплавателя середины XIX века; контр-адмирала Михаила Фёдоровича Белкина героя Синопа и обороны Севастополя; его сыновей первых русских подводников: капитана 2-го ранга Николая Белкина начальника отряда подводного плавания в Севастополе, погибшего на субмарине «Камбала» во время ночных маневров в конце мая 1909г. у Севастополя; капитан-лейтенанта Фёдора Белкина, участвовавшего в Русско-японскую войну на подводной лодке «Нерпа» в охране Владивостока с моря.

Не одними моряками славен наш род, включающий десятки достойнейших сынов и дочерей, верно служивших Отечеству в разные времена, но сама жизнь адмирала, его беспримерная верность однажды избранному пути, его истинно христианская духовность и моральные качества, обеспечивавшие ему признание сослуживцев и всех моряков, сделали его имя всенародно любимым ещё при жизни. Ответная симпатия простых матросов и солдат в Севастополе поставила А.С. Нахимова рядом с такими отцами-благодетями отечества как А.В. Суворов и М.И. Кутузов.

Павел Степанович отдал флотской службе 38 лет из них около 13 в плавании и в сражениях на 14 различных судах, 9-ю из которых он командовал.

В дореволюционной России помнили и свято чтители своего бесстрашного героя, беззаветно служившего отчизне и отдавшего всего себя во имя её величия. В память об адмирале назывались его именем площади и проспекты в разных городах.

В сорок пятую годовщину Синопского сражения 18 ноября 1898г. в Севастополе открывали памятник адмиралу Нахимову. Присутствовал Государь Николай II с семьёй, здравствующие участники боя, адмиралы и генералы. Моему деду, кадету 5-ой роты Морского корпуса (Морского училища в те годы), выпало вместе со старшим братом Николаем и матерью Ольгой Викторовной Нахимовой (Ти-

мофеевой-Рясовской) представлять наш нахимовский род на этих торжествах.

По воле государя в тот же день центральная площадь Севастополя Екатерининская стала называться Нахимовской. В 1928г. памятник был снесён, как <не имевший культурной ценности> и восстановлен только в 1959г. После 1917г. площадь неоднократно переименовывалась. В 20-е она называлась пл. Труда, Красная пл., с мая 1928г. - пл. III Интернационала, в 1946-51 годах - пл. Парадов, затем пл. Ленина и в 1957 г. вновь площадь П.С.Нахимова.

Позже, уже после войны 1941-45гг., в Севастополе открыли второй памятник адмиралу в Стрелецкой бухте на территории Высшего черноморского военно-морского училища имени П.С.Нахимова. Также в полный рост, но в натуральную величину.

После обретения Украиной «незалежности» в России остался единственный памятник адмиралу в селе Нахимовском: 2-х метровая фигура П.С. Нахимова, отлитая из сплава алюминия, была в 60-х годах заказана директором совхоза-миллионера «Нахимовский».

Имя адмирала П.С. Нахимова будет увековечено в названии различных кораблей, географических объектов в России и за ее пределами, в названии улиц и площадей во многих городах нашей необъятной родины. Один из более, чем 15 тысяч зарегистрированных астероидов получит его имя.

Видимо, первая улица в память адмирала появилась на месте его подвига в Севастополе. В 1886г. часть Большой Морской улицы от Екатерининской площади до площади с часовней (ныне пл. Лазарева) была отделена и названа Нахимовским проспектом. Местные большевики дают этому центральному и одному из красивейших в городе проспекту подпольную кличку Льва Давыдовича Бронштейна, и проспект стал называться улицей Троцкого. С 1928г. и до восстановления прежнего названия в 1946г. проспект именовался улицей М.В. Фрунзе.

Большевики взялись перелицовывать историю, пытались вытереть из памяти народной имена лучших их сынов, сносились памятники, предавались забвению имена, являвшие национальную гордость. По воспоминаниям К.П. Трубецкой внучатой племянницы героя Севастополя В.И. Истомина подобное произошло после октября 1917г., в Твери (Калинине), куда семья Истоминных была сослана в 1928г.. Нахимовская улица стала называться улицей С.М. Нахимсона и некоторое время в трамвае можно было слышать кондуктора, объявляющего остановку: «улица Нахимсона, бывшая Нахимовская».

Нынешние ненавистники России в своих попытках хоть как-то унижить нас сносят памятники и переименовывают всё, что напоминает о нашей общей истории. Националистические правители Эстонии переименовали улицу Нахимова в Таллине, хотя это было первое название улицы в заново отстроенном районе города.

В конце 30-х, когда стали сгущаться тучи грядущей войны, пришлось возвращаться к своим истокам, вновь обретать утраченную было историческую память. Имя Нахимова стало одно из наиболее частых топонимов на карте Советского Союза. И, если где-либо возникла необходимость подобрать достойное название новой улице, площади, и при этом оказывался моряк, то в числе первых кандидатур часто звучало имя всенародно любимого адмирала. Так улицы, проспекты, площади Нахимова появились в Москве, Ленинграде, Севастополе, Рязани, Таллине, Архангельске; в подмосковных Фрязине, Химках, Купавне; в Черноморских Новоросийске, Геленджике, Сочи; в Смоленске, Вязьме, Холме-Жирковском на Смоленщине и во многих других городах и поселках страны.

В 1952 г. село Волочек Холм-Жирковского района Смоленской области переименовано в Нахимовское, а в день его рождения в 2007г. открыт бюст на главной площади Холма Жирковского.

Станция московского метрополитена в прежнем Севастопольском районе столицы названа «Нахимовский проспект», а на Севастопольском проспекте 5 июля 2005г. открыт бюст адмирала.

В 1944г. будет учреждён орден Нахимова и медаль. Орден особо ценился среди боевых моряков, которые вскоре стали называть его ласково – крабом.

Первым кораблем, носившим имя прославленного адмирала, стало судно Русско-Американской компании. Изданный в Канаде в 1990 г. справочник «Russian America: A Biographical Dictionary» в заметке о Воеводском Степане Васильевиче – Главном правителе в 1853-59 гг., племяннике Павла Степановича, сообщает, что в 1857 г. между Ново-Архангельском (Ситкой) и Сан-Франциско плавает торговое судно компании «Нахимов». Инициатором строительства или переименования существующего судна в «Нахимов» был, по всей видимости, сам С.В. Воеводский.

Вторым в этом ряду стал пароход «Нахимов» РОПиТа (Русское общество пароходства и торговли) на Черном море, о котором есть сведения, что он первым зашел в декабре 1886 г. в только что отстроенный сухой док в Севастополе, сооруженный на месте взорванных англичанами в 1856г. адмиралтейских доков.

Океанский броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» был построен в Петербурге на Балтийском заводе в октябре 1885 г. и вступил

в строй 3 декабря 1887 г. В том же году конвоировал царскую яхту в Копенгаген. В 1893г. в составе Атлантической эскадры участвовал в Нью-Йорке в торжествах по случаю 400-летия открытия Америки. Дважды ходил на Дальний Восток. Второй раз в составе 2-ой Тихоокеанской эскадры. Героически погиб в Цусимском сражении 27 (14) мая 1905г.

Легкий крейсер «Адмирал Нахимов» заложен в Николаеве на верфях завода «Руссуд» в октябре 1913 г. В 1915 году был спущен на воду. К концу 1917г. оставалось установить палубную артиллерию, но произошедшая революция и Гражданская война прервали достройку крейсера. Белая армия, покидая Россию, пыталась увести его с собой в эмиграцию, но корабли Николаева воспрепятствовали этому. В феврале 1920г. сразу после взятия Одессы Красной армией крейсер был снят с мели и переведён в Одесский порт. К вопросу о его достройке вернулись в ноябре 1922г., когда Политбюро ЦК РКП(б) слушало на своём заседании доклад специалистов, обследовавших крейсер в Одессе. Позже В.И. Ленин высказал членам Политбюро своё личное мнение о том, что, наряду с необходимостью сокращения программы по строительству военно-морских судов, нужно утвердить достройку крейсера «Нахимов». В декабре 1922г. III Всеукраинский съезд Советов вынес постановление о проведении достройки крейсера «Нахимов» в кратчайшие сроки и поручил ВУЦИК принять шефство над кораблём. Свою морскую службу в 1926г. начинал на достраиваемом в Николаеве крейсере будущий легендарный Нарком ВМФ СССР Николай Герасимович Кузнецов, направленный на крейсер сразу по окончании Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. В должности старшего вахтенного начальника он плавает на крейсере до сентября 1929г.

В январе 1927 года крейсер вышел в море на ходовые испытания, и уже в феврале на нём был поднят Военно-морской флаг СССР и переименованный в «Червону Украину» вступил в строй боевых кораблей. 26 июля 1929 состоялся поход в Сочи в присутствии И.В. Сталина и С.Орджоникидзе.

В ноябре 1933г. Н.Т. Кузнецов вновь на «Червонной Украине» в качестве командира и прослужит на ней до августа 1936г..

Крейсер принял активное участие в отражении фашистских атак осенью 1941г. на Севастополь огнём своей артиллерии по всему оборонительному обводу Севастополя. 11 ноября пушки крейсера подавили три батареи противника, уничтожили три роты фашистских солдат, разбили 18 бронетранспортёров и автомашин. На следующий день крейсер подвергся нападению 28 пикирующих бом-

бардировщиков и после прямого попадания шести бомб героический корабль затонул.

– Катер-тральщик «Адмирал Нахимов», а с 2 мая 1942 г. КАТЩ-534.

– Легкий крейсер «Адмирал Нахимов» проекта 68-бис построен в 1951 г. Черноморским судостроительным заводом в Николаеве. В 1954 г. крейсер и два эсминца совершили первый послевоенный поход советских кораблей в Средиземноморье, побывав с официальным визитом в Албании. В 1954-55 гг. крейсер переоборудован под установку противокорабельных крылатых ракет «Стрела». 15 февраля 1961 г. спущен корабельный флаг и передан на вечное хранение в Центральный музей ВМФ.

– Пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов» построен в Германии в 1925 г. в качестве грузо-пассажирского теплохода для использования на линии Бремерхафен-Нью-Йорк, до 1947 года именовался «Берлин». В 1939 г. переоборудован под госпитальное судно. Затонул в феврале 1945 г. вблизи от Свинемюнде, взорвавшись на mine. Поднят в 1947 г. аварийно-спасательной службой Балтийского флота и передан Черноморскому пароходству. Ходил на туристских маршрутах Черного моря до рокового дня 31 августа 1986 г., когда утонул на траверсе мыса Дооб после столкновения с сухогрузом «Петр Васев».

– Научно-исследовательское судно АН СССР «Адмирал Нахимов». В 1973 г. судно стояло в Новороссийске у стенки, налетевший бора вызвал значительное обледенение корпуса и надстроек, что и явилось причиной его гибели.

– Большой противолодочный корабль 1-го ранга «Адмирал Нахимов» построен на Ленинградском судостроительном заводе в апреле 1969 г. В декабре 1972 г. передан в состав 170-ой бригады противолодочных кораблей 7 ОПЭСК КСФ с местом базирования в Североморске. 16 марта 1989 г. корабль выведен в резерв 2-ой категории.

– Тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Нахимов» построен на Ленинградском Балтийском СРЗ им. Орджоникидзе в 1986 г. До мая 1992 г. носил имя всесоюзного старосты М.И. Калинина. В период с 4.01.1991 по 26.06.1991 г. крейсер выполнял задачи боевого дежурства в Средиземном море. Сегодня крейсер в составе Северного флота. В 2005 г. принято решение модернизировать крейсер с частичной заменой его вооружения.

Первым географическим объектом на карте земли, названным в честь П.С.Нахимова, тогда еще капитан-лейтенанта флота, стала группа островов в проливе Никольский шар в Карских воротах при

южной оконечности Новой земли, открытая в 1832 г. в ходе экспедиции П.К. Пахтусова на Новую землю.

В 1854 г. на карте восточного побережья Кореи появляется полуостров Нахимова, ныне Ходобандо. Это фрегат «Паллада» в своем последнем плавании увековечил имя своего строителя и первого командира.

В советский период эти топонимы на картах Кореи имели двойное название.

Во время первой Тихоокеанской экспедиции крейсера «Адмирал Нахимов» при обследовании входа в бухту Новик у мыса Старицкого обнаружена банка (мель, отдельно расположенная и ограниченная в размерах). Названа в 1889 г. в память крейсера банкой Нахимова.

В 1950 одно из озер Карельского перешейка под Ленинградом Суляярви становится Нахимовским в связи с поселением на его западном берегу летнего лагеря Ленинградского Нахимовского училища.

В честь племянника Павла Степановича-Степана Васильевича Воеводского названы в 1838 г. остров и бухта в архипелаге Александра в бывшей Русской Америке.

В 1854г. безымянный полуостров на восточном побережье Кореи получил имя Унковского в честь Ивана Семёновича Унковского, командовавшего нахимовской «Палладой» во время плавания в Японском море.

Отец Ивана Семёновича в 1818г. заезжал со своей невестой В.М. Белкиной к своячнице Екатерине Михайловне в Волочек, вышедшей двумя годами раньше замуж за моего прямого прадеда Николая Матвеевича Нахимова. Таким образом, один племянник-Павел Нахимов строил «Палладу», а второй-Иван Унковский командовал фрегатом в путешествии на Дальний Восток.

1886 год, клипер «Крейсер» обследует восточное побережье Корейского полуострова и обнаруживает безымянную бухту, ныне Чунхынниман. По представлению команды «Крейсера» бухта в память героя Наварина, Синопа, обороны Севастополя получила имя Нахимова.

Эта же экспедиция открыла и назвала именем другого героя Синопа и обороны Севастополя М.Ф. Белкина мыс на побережье Корейского полуострова ныне Йосандан, (Михаил Федорович Белкин третий племянник Е.М.Нахимовой, урожденной Белкиной).

Рассказ о Павле Степановиче и других моряках-выходцах со Смоленской земли хочется завершить точными, проникновенными словами владыки Кирилла митрополита Смоленского и Калининградского, произнесенными им в Вязьме у памятника адмиралу 5 июля

2002г. в день 200-летия со дня рождения Павла Степановича Нахимова.

«В истории России были и другие выдающиеся флотоводцы, а вот Нахимова особо помнят в народе. Много великих имен не помнят, а его помнят. Почему? Потому что этот человек сделал то, что может сделать человек сильный, внутренне духовно сильный. Он забыл о себе, он отвергся себя. И он погиб... Ему совсем необязательно было идти на бастионы, никто не посылал его туда. А он пошел и не единожды, потому что там отдавали жизнь за Россию, и великий Нахимов не мог не быть на том самом месте.

В Евангелии есть такие слова: «Кто хочет последовать за мной» – говорит Господь – «отвергнись себя, возьми свой крест и иди за мной».

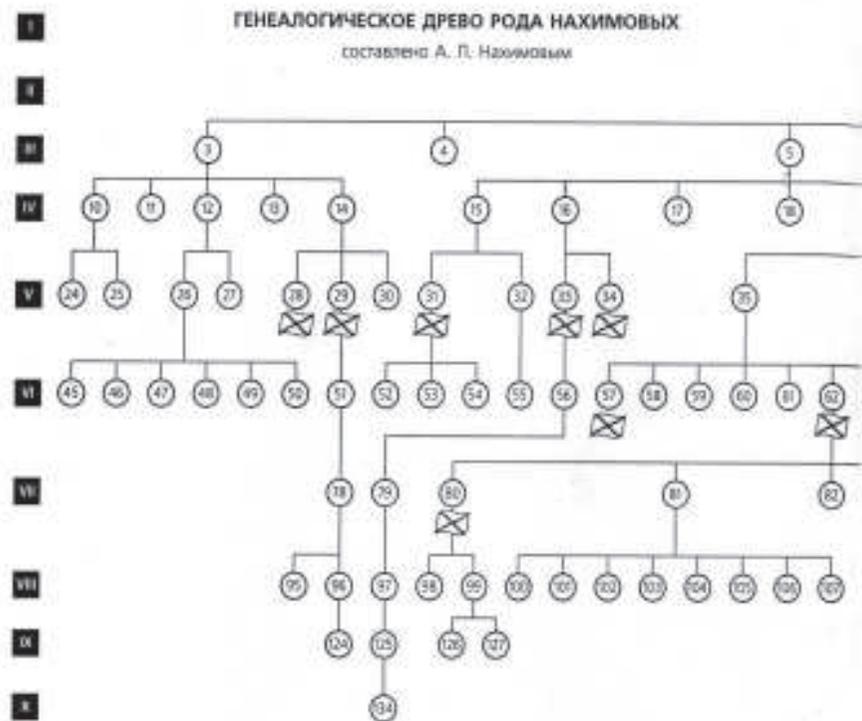
За это и прославляем Нахимова, что он себя отвергся ради других, ради великой России. Только сильный человек может сделать это. И сила Нахимова ведь отсюда, из этой Вяземской земли, от этой природы, от этого ландшафта, но в первую очередь от этой духовной жизни, что здесь была такой значительной и яркой тогда, когда жил Нахимов.

И сегодня, если мы хотим быть такими как он, мы должны возродить все, что питало Нахимова. Мы должны возродить нашу духовность, нашу веру, должны сохранить нашу природу, украсить свою землю и свой край, чтобы все, что нас окружает, работало на каждого из нас, на нашу страну.

Сила России всегда была в родной земле, в вере православной, в силе духа, и примером тому-великий флотоводец – Павел Степанович Нахимов».

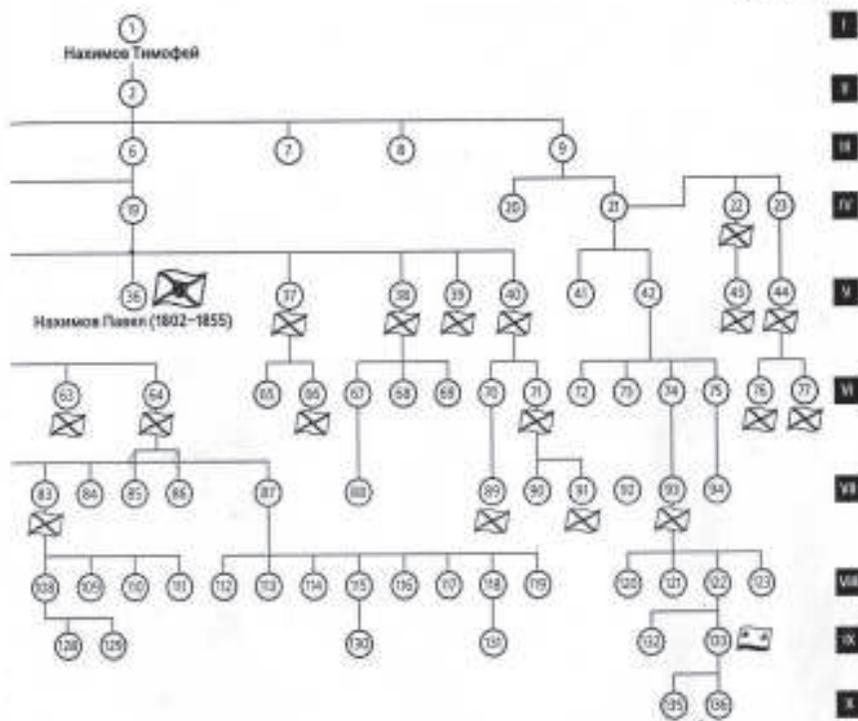
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА НАХИМОВЫХ

составлена А. П. Нахимовым

- I. 1. Нахимов Тимофей.
 II. 2. Нахимов Макуйко (~1700) – Стефанка.
 III. 3. Нахимов Николай (1743–1807);
 4. Нахимов Татьяна; 5. Нахимов Семен;
 6. Нахимов Михаил (? – 1793); 7. Нахимов
 Акулина; 8. Нахимов Тимофей; 9. Нахимов
 Матвей (1748 – ?) – Стефанка И. (1759 – ?).
 IV. 10. Василий (1773 – ?) – Гривина К. И.
 (1781–1883); 11. Семен (1767–1802); 12. Иван
 (1783 – ?); 13. Анна (1782–1814) – Белкина;
 14. Николай (1771–1816); 15. Михаил (1769–
 1815) – Александр А. А.; 16. Иван (1759 – ?)
 – Глашпа П. Н. (1778 – ?); 17. Николай (1736–
 1807); 18. Прокофий; 19. Степан (1753–1841)
 – Косицкая Ф. И. (1771–1818); 20. Иван
 (1778 – ?); 21. Николай (1776–1851) –
 Белкина Е. М.; 22. Белкина И. М. – Уланов-
 ский С. И.; 23. Белкин Ф. М.
 V. 24. Евгения – Жигалов; 25. Евросимья –
 Войков; 26. Петр (1808–1858) – (1) ин. Чер-
 каская, (2) Соловьева (1841–1865); 27. Елиза-
 вета (1806 – ?) – Алешин; 28. Николай
 (1808–1843); 29. Дмитрий (1809 – ?) – Обло-
 чинская; 30. Елизавета (1803 – ?) – Степанов;
 31. Андрей (1803–1858) – Буяков Н. Д.;
 32. Мария (1803–1860) – Кавелин А. А.

- (1795–1874); 33. Михаил (1807 – ?) – Фигла-
 гора А. Н. (1827–1853); 34. Федор (1806 – ?);
 35. Анна – Воеводский Н. Г. (1790 – ?);
 36. Нахимов Павел (1802–1855); 37. Платон
 (1790–1850) – Цыдырева И. П. (? – 1873);
 38. Николай (1789–1855); 39. Иван (1801–
 1834); 40. Сергей (1806–1872) – Шенгари-
 на А. С. (? – 1878); 41. Михаил (? – 1831);
 42. Нат. (1817 – ?) – (1) Сарышчина В. И. (? –
 1842), (2) Спиридонова А. Д.; 43. Иван (1822–
 1896); 44. Михаил (1824–1909).
 VI. 45. Вера; 46. Софья; 47. Елена; 48. Елиза-
 вета; 49. Анна; 50. Юлия; 51. Анна – Миле-
 новский В.; 52. Александра (? – 1912) –
 Забоцковский Ч. Н. (1819–1889); 53. Ната-
 лья; 54. Елизавета; 55. Лея (1822–1891);
 56. Владимир (1840–1906) – Подыгина В. А.;
 57. Воеводский Платон (1818–1885); 58. Во-
 еводская Вера – Савонин А. М.; 59. Воевод-
 ская Феклиха – Азов П. И.; 60. Воеводская
 Анна – Арестов М. П.; 61. Воеводская Ма-
 рия – Глаголен А. В.; 62. Воеводский Арка-
 дий (1813–1879) – (1) Малеева А. П., (2) Ма-
 леева Е. П. (1831 – ?); 63. Воеводский Степа-
 н (1807–1894) – Косперина А. В. (1817–1878);
 64. Воеводский Сергей (1819 – ?) – Орловско-
 ская А. А.; 65. Александр (1841–1890);
 66. Павел (1838–1854); 67. Анна (1814 – ?) –
 Викторский А. В.; 68. Елизавета (? – 1842);

69. Александра (1820 – ?); 70. Александра –
 (1) Бессе В. К., (2) Ситыкин; 71. Павел (1840 –
 ?) – Дарган В. К.; 72. Ольга – Халковский И.;
 73. Екатерина; 74. Николай (1853–1893) –
 Тимофеева О. В. (1859–1927); 75. Сергей
 (1852–1934) – Вильямовская В. М. (1845–
 1918); 76. Федор (1869 – ?); 77. Николай
 (1872–1909).
 VII. 78. Анна – Рейхард Е.; 79. Александр
 (1881–1950) – Селиванов В. А.; 80. Платон
 (1861–1941) – Мерзлякова А. Н.; 81. Сергей –
 Зайцево А. В.; 82. Анна; 83. Степан (1859–
 1957) – Арестов А. М. (? – 1921); 84. Вера;
 85. Александра; 86. Мария – Белкина А. С.;
 87. Николай (1843 – ?) – фон Штенгель М. В.;
 88. Ольгица; 89. Сергей (1862 – ?);
 90. Вера – Нотбах; 91. Сергей (1877–1937) –
 Малышева М. И.; 92. Николай (1883 – ?);
 93. Сергей (1884–1929) – Семкина М. В.
 (1882–1869); 94. Валентина (1879–1972) –
 Платова С. И. (1877–1937).
 VIII. 95. Александр (? – 1918); 96. Евгения –
 Заур А.; 97. Иван (1909–2001) – Ситыкин Т. Г.
 (1903–1984); 98. Лидия – Софья С. С.;
 99. Александр – Вострянина Н.; 100. Нико-
 лай (? – 1904); 101. Анна – Юрия Н. Ф.;
 102. Сергей (? – 1913); 103. Степан; 104. Олга-
 ра; 105. Василий (? – 1922); 106. Мария;

107. Аркадий (1900 – ?) – Игнатьева И.;
 108. Георгий (1891–1984) – (1) Котубей С. В.
 (? – 1920), (2) Русская М. (1901 – ?);
 109. Николай (1898–1973) – (1) Петрова-
 Солоская М. М., (2) Вебер Л.; 110. Сергей
 (1890–1961); 111. Владимир (1899 – ?);
 112. Татьяна (1898–1963) – Захарович З. Ф.
 (1880–1971); 113. Сергей (1891–1914);
 114. Елизавета (1895 – ?) – Гаврилова Б.;
 115. Лея (1883–1938) – Матвеева О. X.;
 116. Аркадий (1884–1961); 117. Анна (1887–
 1961) – Гуркина В. В.; 118. Мария (1883–
 1914) – Чернышевский-Солов Н. И.;
 119. Людмила (1889 – ?) – Чернышевский-
 Сокол Н. И.; 120. Владимир (1907–1968);
 121. Михаил (1911–1927); 122. Павел (1913–
 1942) – Бурдасова А. И. (1913–2003);
 123. Анастасия (1915–2001) – Жемно Ю. А.
 (1917 – ?).
 IX. 124. Сергей (1927 – ?); 125. Алексей
 (1945–1998) – Чурсина Т. П.; 126. Дмитрий;
 127. Елена; 128. Петр (р. 1925); 129. Иван
 (р. 1927); 130. Мария – Де Лавлен Л.;
 131. Николай (1914 – ?); 132. Елена (р. 1927)
 – Хоран В. И. (р. 1936); 133. Александр
 (р. 1938) – Воронина Т. И. (р. 1944).
 X. 134. Михаил (р. 1979); 135. Сергей
 (р. 1988); 136. Ольга (р. 1971).

А.Б. Геращенко, Ю.А. Макаренко

**«Последователи М.П. Лазарева
и другие адмиралы
Черноморского военного флота России»**

История создания регулярного Черноморского флота тесно связана с многовековой борьбой русского народа за выход к Азовскому и Черному морям, от которых он был оттеснен многочисленными завоевателями.

Во второй половине XVIII в. многовековая борьба русского народа за выход к южным морям успешно завершилась возвращением Причерноморья и Приазовья, присоединением к России Крыма.

13 (2) мая 1783 г. в крымскую бухту у с. Ахтиар, на берегу которой вскоре был основан Севастополь, вошли военные корабли Азовской флотилии. Именно этот день считается датой создания Российского Черноморского флота. Знаменательное событие венчало длительную, многовековую историю движения Руси к Черному морю, решало одну из главных проблем государственного развития России.

В морских сражениях постепенно формировалась русская национальная школа военно-морского искусства. Выдающимися ее представителями были Ф.Ф. Ушаков, Д.Н. Сенявин, М.П. Лазарев, В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, Г.И. Бутаков, С.О. Макаров.

Учениками адмирала М.П. Лазарева считали себя адмиралы П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин, Г.И. Бутаков.

Воспитанные М.П. Лазаревым черноморские моряки, возглавляемые П.С. Нахимовым, В.А. Корниловым и В.И. Истоминим, в дни Севастопольской обороны своей беспримерной храбростью вписали много славных страниц в героическую историю нашей Родины. Большая заслуга М.П. Лазарева перед русским флотом состоит также и в том, что он подготовил кадры моряков, обеспечивших переход от парусного флота к паровому. М.П. Лазарев был подлинным новатором военно-морского дела.

Адмирал П.С. Нахимов

Нахимов Павел Степанович (1802-1855). Выдающийся русский флотоводец Павел Степанович Нахимов родился 6 июля (23 июня) в селе Городок Вяземского уезда Смоленской губернии (ныне – село Нахимовское Андреевского района Смоленской области). После окон-

чания Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге (1818 г.) служил на Балтийском флоте. В 1822-1825 гг. совершил кругосветное плавание вахтенным офицером на фрегате «Крейсер».

В 1827 году участвовал в Наваринском морском сражении, командуя батареей на линейном корабле «Азов». В этом сражении наряду с лейтенантом П.С.Нахимовым умело и отважно действовали будущие флотоводцы: мичман В.А. Корнилов и гардемарин В.И. Истомин. Разгром турецкого флота в Наваринском морском сражении значительно ослабил морские силы Турции, содействовал национально-освободительной борьбе греческого народа, победе России в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. В ходе этой войны П.С. Нахимов затем командовал корветом «Наварин», участвовал в блокаде Дарданелл. В 1829 году после возвращения в Кронштадт Нахимов возглавил фрегат «Паллада». В 1834 году он вновь переведен на Черноморский флот и назначен командиром линейного корабля «Силистрия», который по организации службы, боевой подготовки и маневрированию под его началом был признан лучшим кораблем Черноморского флота. Командующий флотом адмирал М.П.Лазарев часто держал на «Силистрии» свой флаг, ставил корабль в пример всему флоту.

Впоследствии П.С.Нахимов командовал бригадой (с 1845 г.), дивизией (с 1852 г.), эскадрой кораблей (с 1854 г.), которые несли боевую службу у побережья Кавказа, пресекая попытки турок и, стоящих за ними англичан, подорвать позиции России на Кавказе и Черном море.

С особой силой военное дарование и флотоводческое искусство П.С. Нахимова во всей полноте проявились в Крымской войне 1853-1856 гг. Командуя эскадрой Черноморского флота, П.С. Нахимов обнаружил и заблокировал главные силы турецкого флота в Синопе, а 1 декабря (18 ноября) 1853 года разгромил их в Синопском морском сражении.

Во время Севастопольской обороны 1854-1855 гг. П.С.Нахимов правильно оценил стратегическое значение Севастополя и использовал все имевшиеся у него силы и средства для усиления обороны города. Занимая должность командующего эскадрой, а с февраля 1855 года командира Севастопольского порта и военного губернатора, П.С. Нахимов фактически с самого начала обороны Севастополя возглавлял героический гарнизон защитников крепости, проявил выдающиеся способности в организации обороны главной базы Черноморского флота с моря и с суши.

Под руководством П.С. Нахимова было осуществлено затопление у входа в бухту нескольких деревянных парусных кораб-

лей, что преградило доступ в нее вражескому флоту. Это значительно усилило оборону города с моря. П.С. Нахимов руководил строительством оборонительных сооружений и установкой дополнительных береговых батарей, явившихся костяком сухопутной обороны, созданием и подготовкой резервов. Он непосредственно и искусно осуществлял управление войсками при боевых действиях. Оборона Севастополя под руководством адмирала Нахимова отличалась высокой активностью. Широко применялись вылазки отрядов солдат и матросов, контрбатарейная и минная борьба. Прицельным огнем с береговых батарей и кораблей наносились чувствительные удары по врагу. Под руководством П.С. Нахимова русские матросы и солдаты превратили слабо защищенный до того с суши город в грозную крепость, которая успешно оборонялась 11 месяцев, отбив несколько вражеских штурмов.

П.С. Нахимов пользовался огромным авторитетом и любовью защитников Севастополя, он проявлял в самой сложной обстановке хладнокровие и выдержку, подавал окружающим пример мужества и бесстрашия. Личный пример адмирала воодушевлял всех севастопольцев на героические подвиги в борьбе с врагом. В критические минуты он появлялся в самых опасных местах обороны, непосредственно руководил боем. Во время одного из объездов передовых укреплений 11 июля (28 июня) 1855 года П.С.Нахимов был смертельно ранен пулей в голову на Малаховом кургане.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года учреждены ордена Нахимова 1-й и 2-й степени и медаль Нахимова. Созданы нахимовские военно-морские училища. Имя Нахимова было присвоено одному из крейсеров советского Военно-Морского Флота. В городе русской славы Севастополе П.С.Нахимову в 1959 году был воздвигнут памятник.

В системе государственных наград РФ сохранен военный орден П.С. Нахимова.

В. А. Корнилов

Владимир Алексеевич Корнилов родился 1 февраля 1806 года в родовом имении Ивановском Тверской губернии. Отец его был морским офицером, за службу на флоте он получил чин капитан-командора. Идя по стопам отца, Владимир в 1821 году поступил в Морской кадетский корпус и через два года закончил его, став мичманом.

В 1827 году В.А. Корнилов был назначен на корабль М.П. Лазарева «Азов».

В составе экипажа «Азова» молодой офицер принял участие в трудном переходе из Кронштадта в Средиземноморье. Во время плавания М.П. Лазарев выкинул в море стопку французских романов, принадлежавших Корнилову, взамен дал ему книги по морскому делу и в дальнейшем стал опекать его. В Средиземном море «Азов» вошел в состав объединенной англо-франко-русской эскадры. 8 октября 1827 года В.А. Корнилов стал участником Наваринского сражения, рядом с ним сражались лейтенант П.С. Нахимов и гардемарин В.И. Истомина.

После завершения военных действий в Средиземноморье Корнилов вернулся служить в Балтийском море, но М.П. Лазарев, ставший начальником штаба Черноморского флота, вызвал молодого офицера в Севастополь. Когда, по просьбе турецкого султана, к Константинополю была направлена русская эскадра, Корнилов, будучи уже лейтенантом, прекрасно выполнил поручение М.П. Лазарева по обследованию пролива Босфор. По возвращению в Севастополь он был награжден орденом Св. Владимира IV степени и стал командиром брига «Фемистокл». На нем он совершил плавание в Константинополь, заслужив положительный отзыв русского посла в Турции. С 1837 года Корнилов командовал корветом «Орест», а затем и 120-пушечным линейным кораблем «Двенадцать апостолов». Владимир Алексеевич постоянно занимался самообразованием, изучал отечественную и иностранную литературу по военно-морским вопросам.

В 1838 году В.А. Корнилов в чине капитана 2-го ранга был назначен начальником штаба Черноморского флота. Он принимал активное участие в управлении черноморскими портами, развитии флота и в обучении корабельного состава. В 1840 году был произведен в капитаны 1-го ранга. Участвовал в боевых походах эскадры вдоль восточного побережья Черного моря, во взятии Туапсе и Псеузапе, и в других боевых действиях по покорению Кавказа.

В 1846 году Владимир Алексеевич был направлен в Англию для наблюдения за строительством паровых судов по заказу Черноморского флота, одновременно он знакомился с организацией британского флота. Вернувшись через два года в Россию, В.А. Корнилов был произведен в контр-адмиралы.

После смерти М.П. Лазарева в 1851 году главным командиром Черноморского флота стал адмирал Верх. В 1852 году Корнилов был произведен в вице-адмиралы. Фактически вся власть в управлении Черноморским флотом и портами находилась в его руках. Ожидая обострения в отношениях с Турцией, Корнилов предпринял энергич-

ные меры по строительству новых кораблей в Николаеве и пополнению артиллерийских арсеналов. После неблагоприятного окончания миссии Меншикова в Константинополь началась Крымская война, в которой Россия выступала против англо-франко-турецкой коалиции.

В первый же день войны адмирал Меншиков, назначенный главнокомандующим морскими и сухопутными силами в Крыму, послал Корнилова с эскадрой на разведку, приказав: «Брать и разрушать турецкие военные суда, где бы они не встретились». Дойдя до Босфора и не обнаружив противника, В.А. Корнилов оставил два корабля для усиления эскадры П.С. Нахимова, остальные отправил в Севастополь, а сам, перейдя на пароходофрегат «Владимир», задержался у Босфора. 5 ноября 1853 года «Владимир» обнаружил турецкий военный корабль «Перваз-Бахри» и вступил с ним в бой, это был первый в истории бой паровых кораблей. Турецкий корабль был захвачен в плен и на буксире доставлен в Севастополь, где после ремонта был переименован в «Корнилов» и вошел в состав Черноморского флота.

Вскоре вице-адмирал во главе отряда пароходофрегатов был послан Меншиковым в помощь эскадре П.С. Нахимова. Но, опоздав к главным событиям Синопского сражения, он преследовал спешно уходивший из Синопской бухты турецкий пароход «Таиф».

Поражение турецкого флота в Синопском сражении ускорило вступление в войну Англии и Франции. Вскоре В.А. Корнилов возглавил защиту недостаточно подготовленного к обороне Севастополя. Малоудачные действия армии Меншикова в борьбе с англо-французскими войсками поставили Севастополь в критическое положение, Черноморский флот оказался запертым в Севастопольской бухте англо-франко-турецкой эскадрой. На совете флагманов и командиров, решавшем судьбу Черноморского флота, Корнилов предлагал сразиться с неприятелем, пусть и в последний раз. Но большинство голосов было за то, чтобы затопить парусный флот в Севастопольской бухте, перекрыв тем самым проход к городу с моря. Все орудия и личный состав утраченных кораблей В.А. Корнилов направлял на бастионы.

В преддверии осады, вокруг города был совершен крестный ход с хоругвями, иконами, песнопениями и молебнами. После этого прозвучал знаменитый призыв Корнилова: «Позади нас море, впереди неприятель, помни: не верь отступлению!»

13 сентября 1854 года город был объявлен на осадном положении. Благодаря В.А. Корнилову были увеличены гарнизоны южной и северной сторон, откуда ожидались главные атаки неприятеля. 5 октября союзные войска предприняли первую массированную бомбардировку города с суши и моря. В этот день Владимир Алексеевич был смертельно ранен в голову на Малаховом кургане. «Отстаивайте же Се-

вастополь», – были его последние слова. Николай I писал вдове Корнилова: «Россия не забудет этих слов, и детям вашим переходит имя, почтенное в истории русского флота».

Владимир Алексеевич Корнилов был похоронен в соборе святого Владимира рядом со своим учителем, адмиралом М.П. Лазаревым.

Адмирал Г.И. Бутаков

Среди талантливых русских флотоводцев XIX в. одно из первых мест занимает адмирал Григорий Иванович Бутаков, ученик и соратник героев Севастополя – В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина. Принадлежа к младшему поколению парусной школы знаменитого адмирала М.П. Лазарева, Бутаков еще до войны 1853-1856 гг. сумел оценить значение первых военных паровых судов и навсегда связал свою судьбу с новым русским паровым (впоследствии броненосным) флотом.

Адмирал Г.И. Бутаков одним из первых правильно понял значение новой техники и необходимость создания новой тактики. Горячий патриот своей родины, представитель передовой русской военно-морской научной мысли того времени, адмирал Бутаков вошел в историю русского флота не только как выдающийся организатор, воспитатель и практический деятель во всех областях боевой подготовки, но и как основоположник паровой броненосной школы русского флота.

Григорий Иванович Бутаков родился 27 сентября 1820 г. На одиннадцатом году жизни в мае 1831 г. Григорий Иванович поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге, который окончил в 1837 г. и в чине мичмана был назначен на «Силистрию» флаг-офицером к знаменитому адмиралу М.П. Лазареву, главному командиру Черноморского флота.

В апреле 1843 г. Г.И. Бутаков был произведен в лейтенанты. Уже тогда обнаружилась склонность его к техническим усовершенствованиям в области морского дела (он придумал особый способ «туманных сигналов», изобрел оригинальную разновидность брашпиля). Адмирал Лазарев заинтересовался этими изобретениями, велел сделать модель бутаковского брашпиля и даже поставить ее в модельной Адмиралтейства.

3 декабря 1852 г. капитан-лейтенант Г.И. Бутаков был назначен командиром лучшего на Черноморском флоте 11-пушечного пароходофрегата «Владимир».

В октябре 1853 г. началась Крымская война. 5 ноября 1853 г. во время очередного выхода в море пароходофрегат «Владимир» под

флагом вице-адмирала Корнилова встретил в районе Пендераклии турецкий 10-пушечный пароход «Перваз-Бахри». По приказанию В.А. Корнилова «Владимир» вступил в бой с неприятельским пароходом. В результате трехчасового боя противник, имея большие потери в личном составе и значительные повреждения, был вынужден прекратить огонь и спустить флаг. 7 ноября 1853 г. «Перваз-Бахри» был приведен в Севастополь, отремонтирован и вступил в строй под названием «Корнилов». Так закончился победой русских этот первый в истории флотов мира бой двух паровых кораблей. За этот бой Г.И. Бутаков был произведен в капитаны 2 ранга и награжден орденом Георгия 4 степени.

Во время осады Севастополя войсками противника значительную поддержку русским батареям оказали пароходофрегаты, действовавшие под общим руководством командира «Владимира» Г.И. Бутакова. Своими искусными действиями Бутаков активно помогал защитникам Севастополя. Умело используя удобные позиции у берега, Г.И. Бутаков со своего «Владимира» громил укрепления противника.

В ночь на 31 августа 1855 г. Г.И. Бутаков, по приказу адмирала Новонильского, снял команду со своих пароходофрегат и затем затопил их. Вскоре по окончании войны в августе 1856 г. Г.И. Бутаков, произведенный в контр-адмиралы, был назначен заведывающим морской частью в г. Николаеве и военным губернатором Николаева и Севастополя. Перегруженный различными административными и хозяйственными заботами, Бутаков, однако, не оставлял занятий по интересующим его военно-морским вопросам. Он находил время для выходов в море с целью разработки основ пароходной тактики, начатой им еще в 1854 г. по предложению В.А. Корнилова. Независимость паровых судов от ветра и свобода их маневрирования, постепенное введение на них более современных орудий, – все это требовало разработки совершенно новой тактики морского боя, новых правил построения и совместного маневрирования военных пароходов.

В 1863 г. вышел в свет капитальный труд Г.И. Бутакова «Новые основания пароходной тактики», вызвавший большой интерес в России и за границей. За этот труд Академия наук присудила Бутакову Демидовскую премию.

28 октября 1866 г. Г.И. Бутаков был произведен в вице-адмиралы. К этому времени он пользовался уже мировой славой всеми признанного ученого, опытного флотоводца, моряка с безупречной репутацией. 6 февраля 1867 г. он был назначен начальником Балтийской эскадры броненосных судов.

Придавая огромное значение выработке в подчиненных боевой стойкости, Бутаков все обучение стремился проводить в условиях, близких к боевым. В первый же год своего командования адмирал стал приучать офицеров и матросов к четкой и бесстрашной работе под свистом летящих над ними ядер, т.е. в обстановке, напоминающей боевую. «Чтобы команды наши заблаговременно приучались слышать свист ядер, – писал он в одном из первых приказов по эскадре, – предлагаю посылать по очереди на один час по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных по обе стороны ближайшего к эскадре щита...».

Риск, отвага, дерзание – все эти отличительные качества смело-го моряка Г.И. Бутаков старался воспитать в людях своей броненосной эскадры. Особенно стремился он обучить командиров кораблей своей эскадры практике маневрирования. Григорий Иванович был решительно против чрезмерного молодечества, вредного ухарства, но в то же время он поощрял соперничество в «обрезании кормы вплотную», так как этим, несомненно, выявлялось самообладание и мастерство правящего кораблем.

Слепой отваге Г.И. Бутаков предпочитал самообладание и находчивость в трудной и сложной обстановке. Эти качества он с величайшей похвалой отмечал в каждом – будь то офицер или матрос.

В течение десяти лет командования броненосной эскадрой (1867-1877 гг.) Г.И. Бутаков продолжал испытывать свои тактические принципы, проводить соревнования и смелые маневрирования кораблей.

В конце концов адмиралу Г.И. Бутакову удалось добиться своего. Отряды броненосных судов совершали на рейде многочисленные (давным-давно вычерченные и рассчитанные Бутаковым в его знаменитой «Тактике») совместные движения.

16 апреля 1878 г. вице-адмирал Г.И. Бутаков был произведен в адмиралы и назначен начальником береговой и морской обороны Свеаборга. Хотя свеаборгские укрепления были снабжены орудиями большого калибра, они нисколько не были защищены против неприятельского десанта и штурма. Вдумчиво знакомясь с обстановкой, Г.И. Бутаков принял ряд мер по улучшению обороны и подготовке гарнизона. Он проводил учения на батареях. Под его руководством устраивались телеграфы и семафоры, вырабатывались план и система минного заграждения.

В начале 1881 г. он был назначен главным командиром Петербургского порта.

На посту командира Петербургского порта адмирал Г.И. Бутаков оставался верен своим принципам: он боролся с злоупотреблениями

и стремился поднять инициативу подчиненных, какое бы скромное место они ни занимали. В одном из приказов Г.И. Бутаков писал:

«Считаю не лишним объявить по вверенному мне управлению, что я желал бы, чтобы техники всякого рода, при обсуждении совместно со мною технических вопросов, помнили, что в этих случаях я являюсь только техником, в большей или меньшей степени, а не начальником, а они – техниками, а не подчиненными. Поэтому я прошу их не стесняться теми взглядами, которые я выражаю, и отстаивать свои воззрения, как равный с равным, до окончательного моего решения. После него мы, конечно, становимся вновь начальником и подчиненными».

Подобные выступления адмирала Бутакова не могли не вызвать гнева высшего начальства.

В марте 1882 г. Г.И. Бутаков был назначен членом Государственного Совета. Но этот «почетный перевод» был воспринят Г.И. Бутаковым как своего рода сдача его в архив. Он крайне болезненно реагировал на это назначение, которое знаменовало для него не только уход от живой флотской руководящей работы, но и непризнание его принципов подготовки флота. Вскоре он серьезно заболел и 31 мая 1882 г. умер.

Значение деятельности адмирала Г.И. Бутакова для русского военно-морского флота трудно переоценить. Горячий патриот своей Родины, проникнутый глубокой верой в русский народ, Г.И. Бутаков весь свой организаторский талант и знания посвятил русскому военно-морскому флоту. Г.И. Бутаков своим неутомимым трудом выдвинул русский флот на одно из ведущих мест среди других флотов мира.

* * *

Моряки-черноморцы, унаследовавшие и развившие все лучшее из вековых традиций русского флота, восстановили флот и после Гражданской войны, проявили величие духа, мужество, отвагу и героизм при защите свободы и независимости своей многонациональной Родины. В годы войны на Черноморском флоте выросли и выдвинулись такие советские флотоводцы и военачальники, как Ф.С. Октябрьский, Л.А. Владимирский, С.Г. Горшков, Н.Е. Басистый, Г.В. Жуков, Н.А. Остряков, Г.Н. Холостяков и другие. 227 черноморцев были удостоены звания Героя Советского Союза, 55 кораблей, частей и соединений были награждены орденами, 18 кораблей и частей стали гвардейскими, многим частям и соединениям были присвоены почетные наименования.

К началу 90-х годов Черноморский флот стал крупным оперативно-стратегическим объединением, имеющим в своем составе раз-

нородные силы, способные эффективно противодействовать на Южноевропейском театре военных действий практически любому потенциальному агрессору.

С распадом Советского Союза роль Черноморского флота не изменилась, хотя изменились условия и сам флот. Более того, эта роль в перспективе возрастает, ибо в современных условиях военная угроза перемещается с континентальных на морские направления, о чем свидетельствует международная практика решения различных проблем с помощью военного давления или применения вооруженной силы.

Со второй половины 1991 года ЧФ вступил в новый этап развития. К сожалению, не во всем оптимистичный период своей истории, получивший название «процесс разрешения судьбы Черноморского флота». Несмотря на то, что происходившие реорганизация и раздел ЧФ в своей основе негативно отразились на состоянии его сил, тем не менее, можно однозначно констатировать: Черноморский флот способен решать задачи, определенные ему на основе принципов военной доктрины России, приоритетных направлений государственной политики, а также экономических возможностей страны. Главное, чего добились моряки, – Черноморский флот для России сохранен.

Сегодня флот становится таким, каким хочет и может его иметь Россия. С середины 1997 года идет работа по насыщению Черноморского флота конкретным содержанием. Флот не только был, он есть и будет, ибо его будущее определяется не политиками, которые приходят и уходят, а судьбой Отечества. Что же касается черноморцев, они своими делами, высоким уровнем профессионализма и компетентности доказывают свою необходимость.

Корабли Черноморского флота выполняли и продолжают выполнять задачи боевой службы в Средиземном море, Атлантическом и Индийском океанах, Мексиканском, Гвинейском и Персидском заливах. За время дальних походов корабли Черноморского флота прошли более 10 миллионов морских миль, продемонстрировав 127 раз свой Военно-Морской Флаг в более чем 20 государствах мира. В ходе выполнения задач длительного плавания корабли Черноморского флота посетили порты Франции, Италии, Греции, Турции, Болгарии, Румынии, Йемена, Египта, Сирии, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко, Сомали, о. Маврикий, Сенегала, Нигерии, Гвинеи-Бисау, Анголы, Кубы и др.

О.И. Черкасова, А.А. Максидов

Морская династия Черкасовых

Корни морской Нижегородской династии Черкасовых уходят в глубокую древность. Из архивных материалов следует, что пращуром, т.е. родоначальником этой ветви Черкасовых является Мирон Никитич Черкасов, который приходится отцом прадеда Нила и Алексея Черкасовых. В книге А.Б. Лакиера «Русская геральдика» [1] указывается, что дворяне Черкасовы являются потомками горских племён и упоминаются в одном разделе с князьями Черкасскими. В этом же разделе указывается и родовая фамилия Черкасских – Идаровы. Таким образом, как и у князей Грузинских, у Черкасских и у Черкасовых имелись свои фамилии, идущие от их кровных предков. Фамилия Черкасские и Черкасовы им была дана в России – первым по землям, из которых они вышли, а вторым – по роду деятельности, которой они занимались.

Наши далёкие предки приходились родственниками сыновьям Темрюка Идарова, которых он послал вместе со своей дочерью Кученей к Царю Ивану Грозному. Мирон Никитич Черкасов был стольником у Царя Алексея Михайловича, который в 1654 г. пожаловал ему поместье в Ржевском и Зубцовском уездах Тверской губернии, а также «оклад 1000 четвертей и 200 четвертей в вотчину за его службу и храбрость». Брату Мирона – Парамону Никитичу, который служил у Алексея Михайловича стряпчим, «было писано недвижимое имение во Ржевском уезде». Если взять во внимание совпадение дат, коротких имён и рода деятельности, то сначала писарь, а затем Кабинет – секретарь Черкасов Иван Антонович 1692 г.р., получивший в 1742 году Баронское достоинство, был сыном Антона Романовича Гуся и правнуком Парамона Черкасова. Кстати на гербе баронов Черкасовых изображены два казака, держащих щит. Правнук Мирона Никитича – Алексей Васильевич вступил в службу в 1775 году в Лейб-гвардии Преображенский Полк, дослужившись до капитана. С 1789 года он находился «в походах и сражениях на Галерах противу шведов». В 1790 г. в звании Секунд – майора он был отставлен от службы и определён городничим в г. Вельегонск с переименованием в Колежские ассесоры, где дослужился до звания Надворный советник. Так у Черкасовых стало традицией служить на флоте.

Его сын – Василий Алексеевич пошёл по стопам отца и вступил в службу в 1813 году в Морской кадетский корпус. Но из – за болез-

ни, прослужив всего год, мичман Черкасов был списан и определён в Тверскую уголовную палату.

Нижегородская ветвь морской династии Черкасовых идёт от внука Василия Алексеевича – Нила Васильевича, который, как и его отец закончил Морской кадетский корпус и служил на флоте. Последнее его место службы – военный корабль «Генерал-адмирал Константин», где он был произведён в капитан – лейтенанты.

Сыновья Нила Васильевича – Анатолий, Василий и Петр, следуя примеру отца, закончили Морской кадетский корпус и стали служить на флоте.

Старший сын Нила Васильевича – Анатолий после окончания МКК, заканчивает минный офицерский класс, где его замечает и выделяет М. Н. Беклемишев – один из создателей первой русской подводной лодки «Дельфин». М.И. Беклемишеву было поручено подобрать команду на новый тип корабля, который в 1902 году значился как миноносец 113. Требования к кандидатам были следующие: крепкое здоровье, неконфликтный характер, отсутствие вредных привычек, а именно – привычки курить. Также Анатолий «заявил себя при предыдущих многократных спусках хладнокровным, распорядительным и ознакомленным с этим делом офицером», поэтому М.И. Беклемишев выбрал его своим заместителем на «Дельфин».

Так Анатолий стал одним из первых испытателей первой русской подлодки. Он неоднократно спускался на нём под воду, плавал и всплывал, так часто, что это стало обыденным служебным занятием.

Но с началом Русско-японской войны из-за того, что Российскому флоту срочно нужны были подводные лодки, чтобы вернуть свои позиции на море, потребовались и подводники с опытом плавания на подлодках. «Дельфин» стали использовать как учебное судно. С него сняли вооружение, чтобы увеличить число обучаемых.

Но в одно из учебных погружений 16 июня 1904 года произошла нештатная ситуация. К «Дельфину», у которого была уже совсем малая плавучесть и который должен был начать погружаться, на недопустимо близкое расстояние подошёл пароход, с которого хотели посмотреть на погружение нового типа корабля. Волна от этого парохода накрыла подводную лодку. Поскольку конструкция «Дельфина» была несовершенна – во время погружения воздух стравливался через открытый люк, – в этот ещё незакрытый люк хлынула вода. На подлодке, где в тот момент было только четверо опытных подводников, среди новичков началась паника. Закрывающийся люк раздавил одного из матросов, и через щель негерметично закрытого люка продолжала поступать вода. Люк снова открыли уже

под водой, потом закрыли и попытались откачать воду. Но затопленные водой моторы дали сбой.

Анатолию предложили спастись, но он отказался, предоставив эту возможность тем, кто был на лодке впервые. Единственный офицер и 24 нижних чина погибли. По указанию Николая II их причислили к участникам Русско-японской войны и с почестями похоронили на Смоленском кладбище С. – Петербурга.

Год спустя от аналогичной причины погибла Английская лодка А-8 и французская «Форфадес». «В обоих случаях спаслись только их командиры, находившиеся, как и Черкасов, около незакрытых люков, но, в отличие от него посчитавшие, что лучше быть живыми дезертирами, чем благородными покойниками», – пишет А. Кучин в своей работе по изучению катастроф подводных лодок.

Морская общественность С. – Петербурга помнит своих первых подводников. В год столетия гибели части экипажа «Дельфина» была проведена траурная церемония на могилах погибших матросов и лейтенанта Анатолия Ниловича Черкасова.

Василий Нилович Черкасов был средним сыном Нила Васильевича. Его восприемником при крещении в Благовещенском соборе Нижнего Новгорода был сослуживец Нила Васильевича – капитан – лейтенант Александр Петрович Тыртов. Василий с детства был очень способным мальчиком. Морской кадетский корпус, в котором учились дети из лучших семей России, он закончил одиннадцатым по списку и был удостоен как лучший ученик премии вице-адмирала Нахимова в 190 рублей. В 1898 году в звании мичмана он был назначен на броненосец береговой охраны «Адмирал Ушаков», затем на крейсера «Герцог Эдинбургский» и «Минин». В 1901 году он закончил артиллерийский офицерский класс и был произведен в лейтенанты. Его перевели на эскадренный броненосец «Пересвет» в составе Первой эскадры Тихого океана, где он значился как Черкасов 3-й. Во время службы в соавторстве с лейтенантом М. М. Римским-Корсаковым В. Н. Черкасов составил секретное «Наставление командирам батарей, групп и плутонгов» для своего корабля. Эту работу специалисты оценивали очень высоко. Она считалась наиболее полной и обстоятельной инструкцией по организации боевых стрельб и артиллерийской части эскадренного броненосца. К началу Русско-японской войны Василий Нилович стал артиллерийским офицером первого разряда. Он был назначен старшим артиллерийским офицером на эскадренный броненосец «Севастополь», на котором участвовал в сражении с японской эскадрой 27 января 1904 года. 14 марта 1904 года Василий Нилович был награжден орденом

Св. Анны 3 степени. Десятого апреля 1904 года его перевели на эскадренный броненосец «Пересвет», на котором он служил до гибели корабля. Он участвовал в тяжёлом сражении 28 июля, во время которого получил лёгкое отравление ядовитыми газами. После гибели корабля «Пересвет» его перевели на Тигровый полуостров начальником группы по изготовлению снарядов. За проявленную доблесть и мужество Василий Нилович был награжден несколькими орденами: Св. Владимира 4 степени и Св. Станислава 2 степени и Золотой саблей с надписью «За храбрость».

Позже его назначили в Морской Кадетский корпус в должности старшего артиллерийского офицера учебного судна «Рында». Затем в числе наиболее молодых и перспективных офицеров его перевели в только – что созданный Морской Генеральный штаб. Как опытного офицера Василия Ниловича пригласили в Николаевскую морскую академию читать курсы в Артиллерийском офицерском классе. В этот период им опубликовано несколько статей в «Морском сборнике» и написано ряд фундаментальных учебных пособий по тактике, стратегии и боевым средствам флота. Черкасов В. Н. написал и издал воспоминания о Русско-японской войне: «Записки артиллерийского офицера», которые использовались Военной комиссией для составления описания действий флота в Русско-японской войне у Порт-Артура.

Сослуживец Черкасова В. Н. по Морскому штабу капитан 2-го ранга А. А. Макалинский в письме к А. В. Колчаку дал следующую характеристику: «Вы не удивляйтесь Василию Нилычу, – я сам раньше удивлялся, как он всё успевает делать то, что делает; а ведь даже находит время и в гостях побывать, и в театре нередко. Но потом я понял, что Черкасов – особая натура, чрезвычайно уравновешенная и чуждая всяких порывов. С этой стороны он не человек, а механизм, точно установленный и хорошо направленный и заведённый. Он очень, очень полезный человек». 25 марта 1912 года ему присвоили звание капитана 2-го ранга и назначили на должность старшего офицера на линкор «Иоанн Златоуст», который базировался на Чёрном море. В 1913 году его назначают флагманским артиллерийским офицером штаба командующего Морскими силами Чёрного моря. Одновременно он становится командиром строящегося новейшего эсминца «Гневный».

С началом Первой мировой войны Василий Нилович уходит с должности флагарта и сражается с врагами на построенном им корабле. За отличия в боях против неприятеля 25 мая 1915 года он был произведен в капитаны 1-го ранга. За блестящую атаку на крейсер «Бреслау», проведённую в ночь на 29 мая 1915 года у пролива Босфор, Василий Нилович был награжден орденом Св. Анны 2 степени.

В январе 1916 года его назначают командующим вторым дивизионом эсминцев Черноморского флота. А уже в марте Василия Ниловича в качестве командира корабля отправляют на Дальний Восток за выкупленным у японцев линкором «Чесма». Надо сказать, что из трёх приобретённых бывших русских кораблей до порта назначения Архангельск дошла только одна «Чесма», возглавляемая Черкасовым. В начале 1917 года его назначают начальником Главного управления кораблестроения и представителем морского ведомства в Особом совещании по обороне Государства.

С девятого июля 1917 года Василия Ниловича назначают помощником по технической части главнокомандующего г. Архангельска и Беломорского района.

После революции Василий Нилович оставался на прежней должности до января 1919 года. После чего он был назначен начальником первого Оперативно-мобилизационного отделения МГШ. С 1920 по 1923 г. он руководил морскими путями сообщений на Белом море и в Северном Ледовитом океане.

С 1920 года начинается преследование Василия Ниловича новой властью. Сначала из-за конфликта с комиссаром его арестовывает Архангельский губчека. Вскоре его освобождают, но не оставляют в покое. И вот уже приказом по флоту и морскому комиссариату № 293 от 12 апреля 1922 года В.Н. Черкасова увольняют в бессрочный отпуск с лишением звания командира РККФ «как элемент, несомненно, контрреволюционный». Талантливый офицер, военный инженер был вынужден переqualificироваться в экономисты.

Пётр Нилович был младшим сыном Нила Васильевича Черкасова, закончил Морской кадетский корпус. Вместе с братом Василием в звании мичмана он был направлен на броненосец «Пересвет», на котором был доставлен к месту службы на Дальний Восток. С 1903 года его назначают вахтенным начальником на миноносец «Властный», на котором он участвует в боевых действиях против японцев. За ночную атаку, в результате которой был утоплен японский крейсер, Петра Ниловича, известного как Черкасов-четвёртый, награждают орденом Станислава 3 степени с мечами и бантом и производят в лейтенанты, хотя ему ещё тогда был положен Орден Святого Георгия. Но командование наград пожалело и потребовало предоставить доказательства... (?)

Из-за повреждения корабля его переводят на эскадренный броненосец «Севастополь» под начало будущего адмирала Эссена. За проявленную храбрость и воинскую доблесть Черкасова -4 награждают орденами Св. Анны 3 степени, Св. Владимира 4 степени. Талантливого офицера замечает командир корабля Эссен и назначает

Петра Ниловича старшим офицером ЭБР «Севастополь», хотя Черкасов – 4 был ниже званием и моложе, чем другие офицеры.

Пётр Нилович сражался в Порт-Артуре до сдачи его японцам. В декабре 1905 года они затапливают «Севастополь», прячут судовые документы и попадают в японский плен.

С 1906 года Пётр Нилович снова служит в Кронштадте на учебном судне «Верный». За боевые отличия в Русско-японской войне его награждают орденом Св. Станислава 2 степени и серебряной медалью участника Русско-японской войны.

В 1910 году Петра Ниловича зачисляют штатным слушателем в Николаевскую морскую Академию по военно-морскому отделению. В 1911 году он проходит дополнительный курс Академии. 6 декабря 1912 года его производят в капитаны 2-го ранга. С мая по сентябрь 1913 года он находится в отпуске в доме отца в Нижнем Новгороде.

После окончания отпуска он с женой возвращается к месту службы в Кронштадт, где вновь встречается уже с адмиралом Эссеном. Черкасову – 4 прочат службу в Генштабе, но Эссен убеждает Петра, что нельзя руководить флотом из кабинета, если нет опыта руководства на практике. Пётр Нилович принимает предложение Эссена и 30 декабря 1913 года получает назначение командиром соединения канонерских лодок и принимает канонерку «Сивуч».

Во время Первой мировой войны герой Порт-Артура за грамотные и успешные действия против неприятеля 8 марта 1915 года награждается орденом Св. Анны 2 степени.

В мае этого же года от простуды умирает адмирал Эссен. Немцы, пользуясь замешательством русских, пытаются прорвать оборону в районе Моонзунда и произвести обстрел баз россиян в районе Усть-Двинска и Риги. 19 августа, с опозданием получив телеграмму об отходе, и в связи с этим с опозданием возвращаясь с очередного боевого задания по постановке мин в Рижском заливе, канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец-2» были настигнуты передовым отрядом кораблей эскадры под командованием адмирала Шмидта. Поняв, что тихоходным канонеркам не уйти от неприятеля, командир соединения Черкасов П.Н. приказал «Корейцу» уходить на базу в Моонзунд, а сам развернул свой «Сивуч» навстречу неприятельским кораблям.

Красивый молодой человек тридцати трёх лет, мягкий и душевный, любимец команды и кают – компании, надежда русского флота, принял свой последний бой. Один против целой эскадры. Они уже горели, но продолжали сражаться, успев потопить один и повредить два вражеских корабля. Полупогружённые в воду, они пели «Врагу не сдаётся...» и продолжали стрелять единственным орудием

ем правого борта. Подоспевшая к месту боя немецкая эскадра окружила геройски сражающегося «Сивуча» и выпустила по нему четыре торпеды. Расстреливаемый в упор, «Сивуч» ушёл из жизни с честью со всем своим мужественным экипажем.

Адмирал Шмидт был взбешён результатами получасового боя: три повреждённых корабля, истрачен половинный запас угля, и всё из-за какой-то канонерки! Он не решился идти на Ригу и вернулся назад. Задача по уничтожению баз русских была сорвана. Германская эскадра была остановлена одной маломощной канонерской лодкой! До 1917 года немцы в Рижском заливе больше не появлялись.

В личном деле Петра Ниловича Черкасова появилась последняя запись: «Смертью запечатлел свой подвиг». Черкасов П.Н. был посмертно награждён Орденом Святого Георгия 4 степени и произведён в капитаны 1 ранга.

Это событие получило большой общественный резонанс. В Париже и Лондоне, в Австралии и Зеландии прошли демонстрации в честь подвига «Сивуча» и Русского флота с вынесением флага России и пением русского гимна. О нём писали российские и зарубежные газеты. К примеру, британская газета «Стар» того времени писала: «Пройдут годы, позабудутся все события этой войны, а подвиг «Сивуча» останется в истории. Геройски погибший «Сивуч» называли «Балтийским «Варягом»».

Не остались в стороне и земляки героя. Балахнинское земство открылось минутой молчания. Было вынесено решение поставить памятник депутату-герою. Но отец Петра, Нил Васильевич был не меньшим патриотом, чем его сын. Чтобы не тратить средства земства, которые, как он посчитал, больше нужны армии, он передал под дом-музей собственную дачу с земельным участком, находившуюся в г. Сейма (ныне г. Володарск). Этот Народный дом имени капитана 1 ранга Черкасова П.Н., в котором находилась библиотека, читальный и театральный залы, служила людям центром культуры до 1920 года. В память о доблестном земляке молодежь, которая на выходные приезжала домой, играла спектакль «Синяя блуза». Потом Дом – памятник использовали как почту, склад, а после пожара останки заброшенного дома разрушились в 2000 году. В настоящее время ни на Родине, ни на месте гибели, ни на месте дома-музея нет ничего, что бы напоминало о герое России, отдавшем за неё свою жизнь.

Примечания:

1. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1999. С. 337-338.

А.В. Казаков

Адыги-моряки

«В Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. В дополнение к поданному мною прошению 22 марта текущего года (1874 года. – А.К.), имею честь представить в Комиссию опись документов к делу относящихся.

1. Отношение Азиатского Д-та (Департамента. – А.К.) в Московский архив Коллегии Иностранных дел – 1 страница.

Перевод с Грузинского, сделанный в Азиатском Д-те свидетельству, данному 20 Апреля 1810 г. Карталинской Царицей Мариею и 8-мю царевичами, в удостоверение княжеского происхождения деда просителя по этому делу Капитана 1 ранга (впоследствии отставного Генер.-Майора) Богдана Абрамовича Асланбегова – 2 страницы.

Удостоверение в подлинности означенного свидетельства, данное октября (пробел) 1820 г. двенадцатью Грузинскими Князьями и дворянами на 2-х листах.

Два документа на Грузинском языке.

2. Верительное письмо просителя Богдана Асланбегова к Статскому совет. Георгию Ростованову от Марта дня 1827 г.

3. Отношение Кабардинского Временного Суда от 9-го апреля 1828 г. № 35, с приложением свидетельства членов Суда, от 7-го того апреля, о Княжеском происхождении деда просителя от Кабардинских князей – 5 страниц.

4. Письмо Георгия Ростованова к просителю от 1 Мая 1828 г. – 3 страницы.

5. Рапорт просителя Адмиралу Грейгу с препровождением прошения на Высочайшее имя от Ноября 1828 г. в Герольдию Правительствующего Сената – 4 страницы.

6. Записка Герольдии в Правительствующий Сенат по этому делу (печатного) в двух экземплярах, – каждый на 4 страницах.

7. Выписки общаго Собрания Правит. Сената на выслушании доклада Герольдии, 1829 г. Мая 31 и Июня 7-го – 3 страницы.

8. Заметка на это решение – 4 страницы.

9. Уведомление просителя от Черноморской Хозяйственной экспедиции от 4 Октября 1829 г. № 2269, о последовавшем отзыве Министерства Юстиции по сему делу, с приложением онаго – 3 страницы.

10. Прошение капитана 1 ранга Богдана Асланбегова в Тифлисское Дворянское Депутатское Собрание от 11 января 1830 г. – 4 страницы.

11. Повторение того же прошения в Депутат. Собр. с черновою копию с онаго от 15 декабря 1835 г. – 7 страниц.

12. Письмо просителя к Тифлисскому Губернатору о содействии по этому прошению от 21 того Декабря – 3 страницы.

13. Ответ Губернатора Князя Палавандова от 18 Февраля 1836 г. № 1552 – 1 страница.

14. Его же от 19 Июня № 5135 – 2 страницы.

15. Новое прошение в Депут. Собр. от Марта 1837 г. – 3 страницы.

16. Справка из Московскаго почтамта о доставлении прошения в Депутат. Собрание, от 4 Марта 1837 г. в двух экземплярах – 4 страницы.

17. Письмо Тифлис. Губернатора Кн. Палавандова от 29 Апреля 1837 г. – 1 страница.

18. Список членам Тифлисскаго Дворянскаго Собрания – 1 страница.

19. Отзыв Депутатскаго Собрания, от 8 Июня 1839 г. № 209, о том, что за несуществованием при Грузинских Царях собственной их Канцелярии и Архивов, не представляется возможности доставить просителю справку о его Княжеском происхождении 2 страницы.

Командир 3-го Флотского экипажа, Капитан 1-го ранга Авраамий Богданович Асланбегов».

ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 41, лл. 58-59-об. («Сведения о вице-адмирале А.Б. Асланбегове, переписка»).

«В Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской области, Тайного советника Мелькома Каспарова Ломидзе. Прощение. Прилагая при сем прошение на имя Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской области, Вице-Адмирала Авраамия Богдановича Асланбегова, от 20 декабря минувшего 1887 года, о возвращении ему доставленных в Комиссию документов, касающихся его рода, – имею честь покорнейше просить Комиссии выслать таковые документы, для выигрыша времени, прямо к нему, Г-ну Асланбегову, по месту жительства его в С.Петербурге, на Конно-Гвардейском Бульваре, в доме барона Гинсбурга. При этом считаю не лишним сообщить Комиссии, что требуемые Г-ном Асланбеговым в возврате документы были представлены мною в оную, чрез бывшего Председателя ея Действительнаго Статскаго советника Кодзокова два раза и именно: в 1-й раз при письме от 11 января 1874 года при особой описи и во 2-й раз при письме в последних чисел сентября 1875 года. Тайный советник Мельком Каспаров Ломидзе. 20 января 1888 года. Гор. Тифлис. Жительство имею в гор. Тифлисе, на Коджорской улице в собств. доме № 5.»

(ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 41, лл. 54-60 («Сведения о вице-адмирале А.Б. Асланбегове, переписка»))

О ком здесь идет речь? Речь здесь идет об одном из видных флотоводцев второй половины XIX века вице-адмирале **Асланбегове Авраамии Богдановиче** (он же Асланбеков Абрам), который родился по одним данным в 1820 году, по другим данным – в 1822 году.

В последний чин вице-адмирала он произведен в 1887 году.

Происходил он «из дворян черкесской нации, греческого исповедания», и являлся потомственным моряком. Отец его – контр-адмирал Асланбегов Богдан.

Асланбеговы являлись потомками кабардинских узденей – князей Атажукиных.

Утвержден в российском дворянстве.

Асланбегов Авраамий Богданович (1822-1900), вице-адмирал, флагман, морской биограф. Зачислен в Морской корпус кадетом (1835). Произведен в гардемарины (1837). В 1837 и 1838 гг. на фрегатах «Прозерпина» и «Александр Невский» плавал по балтийским портам. В 1838 г. произведен в мичманы и оставлен в офицерском классе. В 1839-1842 гг. крейсировал на различных кораблях в Балтийском море. В 1842 г. произведен в лейтенанты с переводом в Черноморский флот. В 1843-1845 гг. на кораблях «Селафаил» и «Варшава» крейсировал в Черном море. В 1845-1846 гг. плавал на корвете «Андромаха» из Одессы в Архипелаг и обратно. В 1847-1853 гг. на корабле «Селафаил» и бриге «Фемистокл» крейсировал у восточных берегов Черного моря, участвовал в высадках десантов и стычках со своими соплеменниками-черкесами, командовал там же тендером «Поспешный». В 1854 г., командуя пароходом «Эльборус» на Севастопольском рейде, выходил четырежды в крейсерство для истребления неприятельских коммерческих судов. В августе командовал подвижной батареей, сформированной из десантных корабельных орудий. Находился в гарнизоне Севастополя во время его обороны в 1854-1855 гг., во время штурма был контужен осколком бомбы в левое ухо. В 1854 г. произведен за отличие в капитан-лейтенанты. Награжден орденами: св. Анны 2-й степени с мечами и св. Станислава 2-й степени с Императорской короной и мечами. В 1855-1858 гг. находился при Николаевском порте. В 1857 г. за 25-летнюю службу в офицерских чинах награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1858 г. назначен командующим 36-м флотским экипажем в Николаеве. В 1860 г., по сформировании черноморских флотских экипажей, поступил в состав 2-го сводного Черноморского экипажа. В 1860-1861 гг., командуя винтовым корветом «Сокол», перешел на

Балтику. В 1862 г. произведен за отличие в капитаны 2 ранга, продолжал командовать тем же корветом на Балтике, а в 1863 г. перевел «Сокол» из Кронштадта в Николаев. В 1864 г. переехал из Николаева в Кронштадт, в 1865 г. назначен командиром корабля «Ретвизан». Произведен в капитаны 1 ранга (1866). В 1868 г. поступил в 4-й флотский экипаж. Командуя «Ретвизаном», находился в штабе начальника броненосной эскадры вице-адмирала Г.И. Бутакова, на пароходо-фрегате «Соломбала» под флагом контр-адмирала В.А. Стеценко. В 1869 г. командирован к генерал-губернатору Прибалтийского края для участия в комитете по устройству навигационных школ по Курляндскому побережью и для изыскания средств развития торгового мореплавания и постройки коммерческих судов. В 1871 г. назначен командиром 3-го флотского экипажа. Состоял членом «Комитета для розыскания приспособлений и улучшений, вызываемых направлением к Севастополю железнодорожного пути, и необходимого подразделения порта на военный и коммерческий». Затем сопровождал ботик Петра Великого из Петербурга в Москву и в 1872 г. участвовал в церемониале торжественного шествия его по реке Москве. В 1874 г. награжден орденом св. Владимира 3-й степени. В 1876 г. назначен командиром 8-го флотского экипажа. В 1878 г. произведен в контр-адмиралы с оставлением в должности. В 1879-1882 гг. командовал отрядом судов и плавал по портам Тихого океана. Награжден орденами св. Станислава 1-й степени (1881) и св. Анны 1-й степени (1883). В 1883 г. командовал эскадрой из 11 судов на Кронштадтском рейде при Высочайшем смотре, в 1884 г. назначен младшим флагманом Балтийского флота. В 1885 г. зачислен по флоту; награжден орденом св. Владимира 2-й степени. В 1887 г. произведен в вице-адмиралы. В 1888 г. награжден орденом Белого Орла. Его именем названы два географических пункта в Охотском море.

Помимо флотоводческих качеств, вице-адмирал Асланбегов был еще и блестящим публицистом. Так, в «Морском сборнике» за 1861 год Асланбегов опубликовал статью «Плавание корвета «Сокол» из Средиземного моря в Кронштадт». В том же «сборнике» он опубликовал очерки посвященные выдающимся российским адмиралам: «Адмирал Павел Степанович Нахимов» в 1868 г.; «Адмирал Алексей Самуилович Грейг» в 1873 г.; «Адмирал Александр Иванович Панфилов» в 1874 г. Ему также принадлежат статьи: «Речь по поводу празднования пятидесятилетия Морской академии», опубликованная в 1877 году, «Сведения о разных местах, посещенных контр-адмиралом Асланбеговым» – в 1881 г.

Умер вице-адмирал Асланбегов на рубеже XIX и XX веков, а именно, 7 декабря 1900 года.

Литература:

Скрицкий Н.В. Русские адмиралы. Краткий биографический словарь. – М.: Рипол классик, 2003, С. 36-38.

Абрамян Р.М. Генеалогические заметки. Асланбековы, Черкесовы, Черкезовы (Черкезян) // Генеалогия Северного Кавказа, № 4, 2002. – Нальчик: Эль-Фа, С. 117.

Асланбегов (он же Асланбеков) **Богдан Абрамович** (ок. 1769-05.06.1844), контр-адмирал (к 1835 г.), «из дворян черкесской нации, греческого исповедания». Выходец из кабардинских узденей Кайсыновых.

В службе с 1786 г. кадетом, с 1790 г. гардемарин, мичман с 1792 г., лейтенант в 1799 г., капитан-лейтенант в 1810 г., капитан 2-го ранга в 1820 г., капитан 1-го ранга с 1824 г. Служил в Черноморской флотилии, участвовал в сражениях с турецким флотом у Анапы, мыса Коляврия и мыса Елены в 1791 г. «В воздаяние ревностной службы Высочайше пожалован» орденом св. Владимира 4-й степени (12.12.1816 г.). Уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией в 200 руб. в год. Утвержден в российском дворянстве с 29.09.1827 г. Владел виноградными садами и землями в Кизляре.

Был женат на дочери дворянина мичмана – Юшкевич Марье Илиничне. Сыновья Илья (1809 г.р., ротмистр), Абрам (Авраамий, 1822 г.р., вице-адмирал). Дочери: Елизавета (1808 г.р.), Марья (1822 г.р.), Вера, Александра (1832 г.р.).

Литература:

Абрамян Р.М. Генеалогические заметки. Асланбековы, Черкесовы, Черкезовы (Черкезян) // Генеалогия Северного Кавказа, № 4, 2002. – Нальчик: Эль-Фа, С. 117.

Асланбегов (он же Асланбеков) **Илья Богданович** (20.07.1809-не ранее 1849 г.), ротмистр (к 1849 г.), «из дворян черкесской нации, греческого исповедания». Родился в г. Москве. Потомок кабардинцев Кайсыновых – узденей князей Атажукиных. Утвержден в российском дворянстве с 29.09.1827 г.

Литература:

Абрамян Р.М. Генеалогические заметки. Асланбековы, Черкесовы, Черкезовы (Черкезян) // Генеалогия Северного Кавказа, № 4, 2002. – Нальчик: Эль-Фа, С. 117.

Черкасский Михаил Борисович (26.09.1882-1919), контр-адмирал (28.07.1917), князь, прямой потомок кабардинского князя Михаила Алегуковича. В 1901 г. окончил Морской кадетский корпус производством в офицерский чин мичмана 01.03.1901 г. Участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. на море на крейсере «Диана». Награжден за отличие на войне орденами св. Станислава 3-й степени

с мечами и бантом, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Произведен в следующий чин лейтенанта 17.04.1905 г., старшего лейтенанта – 10.04.1911 г., капитана 2-го ранга – 06.12.1913 г. Закончил курс учебы в Николаевской морской академии 20.07.1914 г. В I мировую войну служил на Балтийском флоте в штабе командующего флотом. Капитан 1-го ранга с 30.07.1915 г. С 10.03.1917 г. – начальник штаба Балтийского флота, присвоен чин контр-адмирала 28.07.1917 г. Был награжден орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1915) и 3-й степени с мечами (1916), св. Анны 2-й степени с мечами, св. Станислава 2-й степени с мечами. В январе 1918 г. уволен с военной службы. Во время Гражданской войны по семейным обстоятельствам оказался на Украине. Был мобилизован в армию гетмана Скоропадского для борьбы с Петлюрой. Захвачен в плен петлюровцами в конце 1918 г. и казнен в конце 1918 – начале 1919 г. Автор трудов по военно-морскому делу. Был женат на Елагиной Александре Сергеевне. Сын Борис, 1918 г.р., проживал до последнего времени в г. Москве.

Литература:

Опрышко О.Л. По тропам истории. – Нальчик: Эль-Фа, 2007, С. 163-173.
Опрышко О.Л. По тропам истории. – Нальчик: Эльбрус, 1990, С. 197-209.
Черкасский Б.М. О роде князей Черкасских // Эльбрус, № 1 (10), 1999. – Нальчик: Эльбрус, 1999, С. 94-96.

Ушаков Федор Федорович (1745-04.09/01.10.1817), адмирал, потомок косожского (адыгского) князя Редеди. В 1761 г. поступил в Санкт-Петербургский Морской Шляхетский кадетский корпус, который окончил в 1766 г. с производством в офицерский чин мичмана и зачислением на Балтийское море. С 1769 г. на Азовском море. Произведен в чин лейтенанта 30.07.1769 г., капитан-лейтенанта – 20.08.1775 г., капитана 2-го ранга – 01.01.1782 г., капитана 1-го ранга 01.01.1784 г. Награжден орденом св. Владимира 4-й степени (1784). Капитан бригадирского класса с 16.05.1787 г., награжден орденом св. Владимира 3-й степени (1787). Контр-адмирал с 14.04.1789 г., с 14.04.1790 г. – командующий Черноморским флотом. Награжден орденами св. Станислава 2-й степени (1790), Военным орденом св. Георгия 2-й степени (1790), св. Александра Невского (14.10.1791). Вице-адмирал с 02.09.1793 г.

Литература:

Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745-1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 511с.

Скрицкий Н.В. Русские адмиралы. Краткий биографический словарь. – М.: Рипол классик, 2003, С. 403-406.

И.И. Ващенко

Российский адмирал из рода Мак-Грегоров.

В истории Черноморского флота вице – адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775-1845) занимает особенное место. Вступив в командование флотом в марте 1816 года, когда на Черном море практически не осталось надежных военных судов и хорошо подготовленных к службе офицеров и матросов, он за шестнадцать лет службы здесь сделал очень многое для возрождения его былой мощи.

Репродукция портрета адмирала А.С. Грейга из монографии Ю. С. Крючкова.

А.С. Грейг – старший сын знаменитого героя Чесменского сражения адмирала С.К. Грейга, происходившего из древнего шотландского клана Мак – Грегоров. Во вступлении к роману «Роб Рой» Вальтер Скотт писал: «Мак – Грегоры претендуют на происхождение от Грегория или Грегора, третьего сына короля Альпайна. Они числятся среди древнейших кланов Верхней Шотландии, имеющих кельтское происхождение... Неукротимо своевольные, вспыльчивые и воинственные Мак-Грегоры подвергались постоянным гонениям властей со времени королевы Марии Стюарт до середины XVIII века, однако Роб Роя Мак – Грегора, шотландского Робин Гуда, народ считал своим национальным героем».

Указом короля Якова VI от 1603 года родовое имя Мак – Грегоров было запрещено и высочайше предписано его изменить, так появились Грейги, Григи, Гремы, Гранты и другие фамилии, оставившие след в истории Англии, наиболее известные среди них Джеймс Григори – изобретатель отражающего телескопа, герой Чесмы – Семюэль (Самуил) Грейг и норвежский композитор Эдвард Григ – автор музыки к «Пер – Гюнту».

Дед Алексея Грейга, Чарльз (Карл) Грейг в 1735 году решил обзавестись новым родовым гербом. Клановый герб Мак-Грегоров, изображающий три скрещенные сосны и наложенный на них меч, подпирющий шотландскую корону, был запрещен. Он смог использовать в качестве геральдического символа только его часть – «вульст» – обвитый цветными нитями обод, заменявший древним шотландс-

ким правителям венец, который был изображен над щитом, позже воспроизведенным на надгробии его сына – российского адмирала С.К. Грейга, установленного в Домском соборе города Ревеля.

Будущий адмирал российского флота Алексей Самуилович Грейг родился в Кронштадте, его крестными родителями была Императрица Екатерина II и граф Алексей Орлов-Чесменский. В ознаменование заслуг его отца новорожденному был присвоен морской офицерский чин – мичмана, а в десять лет – лейтенанта флота. Пройдя обучение в британском адмиралтействе и совершив плавание в Китай и Индию, молодой флотский офицер Алексей Грейг в 1796 году вернулся на русскую службу. Став в тридцать лет контр-адмиралом российского флота, Алексей Грейг командовал высадкой десанта в Неаполе и на острове Лемнос, а в 1813 году руководил флотилией при осаде Данцига, где водил матросов своих судов на штурм береговых батарей.

Служба вице – адмирала А.С. Грейга на Черноморском флоте началась с крупных боевых и административных преобразований, при нем «весь черноморский флот начал учиться». В 1818 году в городе Николаеве был значительно углублен фарватер и построен по проекту Грейга новый 120 – пушечный фрегат, затем еще семь кораблей того же класса, а всего под его руководством Николаевское адмиралтейство, снабженное английскими паровыми механизмами, выпустило 125 боевых судов разных классов. В штатное расписание флота были введены построенные им пароходы и создана корпусная служба корабельных инженеров.

Суда для флота теперь строились только из лучшего леса, обшивались медными листами и снабжались орудиями одного калибра для каждой деки корабля, что значительно упростило снабжение боеприпасами, причем поставлялись только пушки производства Олонекского завода, лучшего в России. Спроектированные и введенные Грейгом в состав флота канонерские лодки были снабжены съемными мачтами, позволявшими при необходимости скрываться в плавнях, и более мощными пушками. Впервые в России был создан штаб флота, способный оперативно организовывать боевую подготовку и разработку планов боевых действий, в том числе в зимнее время, была построена крупнейшая в России морская астрономическая обсерватория, создана картографическая служба и морские библиотеки. Молодые и способные флотские офицеры и корабельные инженеры проходили ежегодную стажировку в Англии.

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет деятельность А.С. Грейга в Русско – турецкую войну 1828-1829 годов. Ему было поручено общее командование войсками,

штурмующими турецкую крепость Анапа. Утром 28 мая 1828 года полторы тысячи турок, вышедших из крепости, и несколько тысяч черкесов обрушили убийственный огонь на отряд под командованием полковника и войскового атамана Черноморского казачьего войска Алексея Даниловича Бескровного. Бой продолжался около пяти часов и русские войска в отчаянной схватке наголову разгромили неприятеля, соединившись с высадившимся флотским десантом, 12 июня полностью окруженный четырехтысячный турецкий гарнизон капитулировал. Грейг отослал 29 знамен покоренной крепости с лейтенантом Серебряковым в ставку Императора Николая I. По Адрианопольскому мирному договору 1829 года крепость Анапа, «а равно весь берег Черного моря от устья реки Кубани до пристани Святого Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской Империи». Так началась история русской крепости, а затем русского города Анапы, в Крымскую войну 1855-1856 годов на год ставшей опять турецким военным центром.

Алексею Грейгу предстояло еще со своей эскадрой побеждать турок под Варной и Сан-Стефано, Бургасом и Мидией. За победоносное участие в войне с турками А.С. Грейгу было присвоен вне очереди чин полного адмирала флота российского. В исторической памяти адмирал Грейг остался человеком прямым и бескомпромиссным и вследствие этого нажившим огромное количество врагов и завистников, среди которых самым влиятельным был генерал – губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов. Он был замечательным реформатором Черноморского флота и человеком «с помощью неустанного самообразования приобретшего энциклопедическую образованность», являвшегося незаурядным музыкантом и знавшего четыре иностранных языка.

Портрета А.С. Грейга в обычном его понимании в собрании Краснодарского художественного музея имени Ф.А. Коваленко нет. Но на «Портрете дамы», написанном в 1852 году живописцем Тимофеем Нефом, за ее спиной изображен портрет военного в высоких чинах, награжденного орденами Святого Андрея Первозванного, Святого Владимира I степени и святого Георгия II степени. Кроме того, шитье на воротнике его парадного мундира имеет флотский «прибор», что позволило идентифицировать изображенного с известными портретными изображениями А.С. Грейга, одно из них приведено ниже.

Портрет адмирала Грейга, послуживший фоном для женского портрета, позволил его также атрибутировать. Исходя из послужных списков и истории рода Грейгов, следует вывод: на портрете изображена старшая дочь адмирала Юлия Алексеевна Штиглиц,

урожденная Грейг (1829-1865), жена тайного советника Н.Б. Штиглица, посла в Италии и обладательница потрясающей талии. Она была художницей – любительницей, замечательно танцевала, ее жизнь оборвалась трагически, во время танцев она неосторожно упала, сломав позвоночник.

Жители города Николаева в знак великой благодарности и в память А.С. Грейга соорудили ему памятник, созданный по проекту знаменитого скульптора академика М.О. Микешина, и назвали адмирала своим «вечным почетным гражданином».

Фрагмент портрета работы
Т.А. Нефа.

Портрет дамы.
Т.А. Нефф.
1852. Холст, масло.

Раздел III. Традиции служения Отечеству

В.Е. Бороденко, А.М. Богданов

Церковные традиции в Российском Императорском флоте

Актуальность темы церкви и флота бесспорна, т. к. в последнее время она рассматривается государством. Принимаются совместные положения по открытию церквей в воинских частях и на кораблях и утверждению военных священников. В данной статье сделана попытка рассмотреть процесс становления церковных традиций на военный флот в XVIII – XX веках. В отечественной исторической науке этой проблеме уделялось недостаточное внимание. Информация давалась фрагментарно и недостаточно. И среди исследователей данного вопроса можно выделить таких авторов, как Доброклонский А.П., Клибанов А. И., Доценко В. Д. и Дыгало В. А. Проблемы духовенства армии и флота и церковных традиций поднимались в периодической печати. Особо нужно отметить работу Исаковой Е.В. «Периодизация истории Института военного духовенства», в которой она выделяет три периода развития морского духовенства, как части института военного духовенства. Первый период – 1699 – 1801; второй период – 1801 – 1890; третий период – 1890 – 1918. Это исследование размещено в Интернете в 2005 году.

Основными источниками по данной теме служат статьи ПСЗ. Документы, регламентировавшие устройство армии и флота в царской России, в частности указы Петра I оговаривали вопросы православной церкви в данной структуре. Это Инструкции и Артикулы воинские русскому флоту и Артикулы воинские (1710 и 1715 соответственно), а затем Уставы военный (1716) и морской (1720) находятся в ПСЗ и Своде Законов Российской Империи.

Нужно отметить, что жизнь боевого корабля связывалась с религиозными традициями от самого его рождения. В Российском Императорском флоте при спуске корабля служили торжественный молебен в присутствии высокопоставленных государственных сановников, генералов и адмиралов, иногда и самого Царя либо членов Императорской семьи. Во время молебна судно с поднятыми на нем флагами – Императорским штандартом, кормовым Андреевским флагом и гюйсом – священник окроплял святой водой. Под звуки национального гимна «Боже, царя храни» и артиллерийского салюта с других кораблей судно сходило со стапеля в воду [7, С. 5].

На кораблях 1 ранга, императорских яхтах, а также на некоторых учебных судах и транспортах оборудовались походные судовые церкви. Все они имели штатного судового священника, назначаемого на корабль, как правило, на один год. На кораблях ниже 1 ранга один священник полагался на группу кораблей, богослужения отправлялись либо в судовой церкви флагманского корабля либо в портовом храме. По аналогии с Военным ведомством, в Морском ведомстве также был разработан типовой проект судовой церкви, а день ее освящения считался судовым праздником и начинали его с торжественного молебна. На кораблях ниже 1 ранга один священник полагался на группу кораблей, богослужения отправлялись либо в судовой церкви флагманского корабля либо в портовом храме. [6, С. 15].

Кроме священника, приказом командира корабля назначались ктитор, церковнослужитель и певчие. Ктитором назначали одного из судовых офицеров. Он заботился о внутреннем обустройстве церкви, совместно со священником контролировал книгу приходов и расходов церковной суммы, командовал церковнослужителем и следил за соблюдением последним своих обязанностей. По выбору ктитора и священника назначали церковнослужителя, как правило, из нижних чинов. В его заведовании были церковные помещения и вся церковная утварь. О готовности церкви к богослужению церковнослужитель докладывал ктитору. После службы вся церковная утварь, в том числе иконостас, убиралась в специальный ящик, который подвешивался к подволоку. Для руководства судовыми певчими приказом командира корабля назначался один из судовых офицеров, а сами певчие набирались из нижних чинов. В штормовую погоду по решению командира корабля богослужение отменялось. По этому поводу еще в Петровском Морском уставе отмечалось: «На котором корабле определена, будет церковь, тогда священник должен оную в добром порядке иметь. И в воскресные и празднуемые дни, ежели жестокая погода не помешает, литургию

отправлять. А в прочие дни, молитвы положенный» [6, С. 16]. Порядок проведения богослужения и ежедневных молитв были определены в особой «Корабельной книжице». Во время богослужения или молебна на корабле запрещались шумные игры, учения, банкеты и даже не разрешалось курение. В это время фалрепные вызывались наверх без свистка и не отдавались никакие почести при прибытии на корабль начальствующих лиц [6, С. 29]. В «Инструкции и артикулах военных надлежащих к российскому флоту», изданных в Москве по указу Петра I в 1710 году в одной из статей отмечалось: «в начале командующий офицер по вся утры и вечера на своем корабле, или кораблях имеет повелеть Господу Богу молиться, и для того каждый да будет к тому уреченному времени в готовности под пеню впервые, 10 копеек, во вторые вдвое, втретьи ж посажен на осьми дней в железа и кормлен токмо водою и хлебом да будет» [6, С. 30]. В Морском Уставе было записано: «Когда адмирал пожелает, дабы весь флот молебное пение чинил Господу Богу, тогда будет поднят флаг иерусалимский (белый с красным крестом) на кормовом флагштоке», и начале богослужения барабанщик бил на молитву, а по окончании – отбой [6, С. 30].

По решению командира корабля перед сражением священник мог служить молебен с коленопреклонением, после которого он обходил палубы и окроплял палубы и команду святой водой. Во время же самого сражения священник находился при раненых [6, С. 16].

В Российском Императорском флоте всегда уважительно относились не только к православной церкви: по уставу представителям других христианских конфессий разрешалось служить общественные молебны по правилам своей веры. Для этого командиры кораблей выделяли им место, а при заходах в порты, по возможности, отпускали в свою церковь для молитв.

Если на корабле были мусульмане или евреи, то командиры им также разрешали служить общественные молебны по правилам своей веры в отведенных для этого местах. Мусульмане молились по пятницам, евреи – по субботам, а на главные праздники командиры кораблей освобождали их от службы и увольняли на берег для посещения своих храмов.

На кораблях богослужение могло проводиться и в наиболее вместительных помещениях, коими являлись шканцы. В эпоху парусного флота шканцами называлась возвышенная кормовая часть верхней палубы перед ютом между грот – и бизань мачтами. Это место по сути являлось священным на корабле и его почитание восходит еще к древней и античной эпохам, когда здесь моряки

ставили статуи своих языческих божеств. Православная традиция на русском флоте предполагала на этом месте икону Николая Чудотворца [7, С. 132].

Развитие государственного кораблестроения в России и создание большого регулярного военного флота вызвали необходимость в едином флаге для всех боевых кораблей. Петр I уделял много внимания разработке проектов флага. С 1692 по 1712 Петр I нарисовал всего восемь проектов флага, которые последовательно были приняты во Флоте. В 1720 г. был учрежден кормовой флаг в виде белого поля с Андреевским крестом, концы которого не доходили до краев полотнища. При этом создавалось впечатление, что он как бы висит в воздухе, не касаясь самого флага. Под этим флагом начал свое плавание первый линейный корабль Балтийского флота «Полтава» [7, С. 118]. Позднее был принят окончательный вариант, просуществовавший до 1917 г. Петр писал о нем следующее: «Флаг белый, поперек этого имеется синий Андреевский крест, коим Россию окрестил он».

Андреевский крест, по-видимому, перешел на Военно-морской флаг как один из наиболее характерных элементов первого ордена Российской империи, учрежденного в 1698 г., – ордена Св. Андрея Первозванного. Символика Андреевского флага также была данью памяти Петра I его отцу – Царю Алексею Михайловичу, который впервые учредил специальный флаг для первого военного Российского судна – трехмачтового галиота «Орел».

Другим важным проявлением православной идеологии на военноморском флоте становится наименование кораблей в честь различных библейских святых и праздников.

В 1696 г. было построено несколько галер и парусных судов, которые принимали участие во втором Азовском походе. Две галеры были названы «Св. Марк» и «Св. Матфей»; два парусно-гребные 36-пушечные корабля получили названия в честь православных святых – «Апостол Петр» и «Апостол Павел». [7, С. 98]. На первых порах выбор названий, как правило, ограничивался именами известных деятелей православной церкви, т. к. Россия в период зарождения флота не имела ни значительных побед, ни прославленных героев, ни боевых традиций на флоте.

27 апреля 1700 г. в истории отечественного судостроения произошло знаменательное событие – в Воронеже был спущен первый корабль, построенный без участия иностранцев. Этот двухпалубный 58-пушечный корабль был назван «Гото Предестинация» [7, С. 100], что на русском языке означало «Божье предвидение». Это звучное и многообещающее название, имевшее к тому же глубокий

политический смысл, говорило о том, что выход России к морю был определен Всевышним.

В петровские времена названия кораблей в России утверждал сам Царь и лишь в редких случаях – Адмиралтейств-коллегия [7, С. 98]. Император хорошо понимал значение названий корабля как носителей флотских традиций и государственного престижа. Названия судам начали давать, ориентируясь на их ранг и назначение – чем выше ранг, тем выше и престижнее название.

В царствование Екатерины II при наименовании кораблей предпочтение по-прежнему отдавалось именам православных святых, библейских пророков и названиям религиозных праздников. Эти названия предназначались, как правило, для кораблей высших рангов, в основном линейных кораблей и фрегатов. Вот, например, названия линейных кораблей и фрегатов эскадры Черноморского флота в 1791 г.: «Иоанн Предтеча», «Мария Магдалина», «Св. Владимир», «Св. Павел», «Преображение Господне», «Св. Александр Невский», «Георгий Победоносец», «Св. Андрей Первозванный», «Св. Иоанн Богослов», «Св. Нестор» и «Св. Марк» [7, С. 102]. Корабли же более низких рангов (бриги, шлюпы, корветы) обычно получали названия частей света, стран, городов и др.

Особо почиталось название в честь Николая Чудотворца. Так в память о взятии мощной турецкой крепости Очаков 6 декабря 1788 г. (в день Св. Николая), на новой верфи в Николаеве корабль-первенец был назван «Св. Николай» [7, С. 131]. Этот фрегат вошел в состав эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова. В последствии он с доблестью участвовал в сражениях с турецким флотом и осадой крепостей на островах Видо и Корфу. Одновременно на Балтийском флоте под этим названием ходил гребной фрегат, затонувший в 1790 г. и обследованный уже в XX веке отечественными археологами (12). В XIX веке ряд боевых кораблей и транспортов также нарекались в честь святого. На флоте его чтили своим покровителем моряки, на богослужении перед боем, моряки должны были обязательно произносить молитву Святому Николаю: «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему яже вещей истина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая. Отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим» [1, С. 132].

Говорить не приходится о значении православия на флоте при виде величественных морских храмов Севастополя, Кронштадта, Санкт-Петербурга. Они являются олицетворением Высокого боевого духа русского воина, мемориалами военно-морской славы. На их стенах устанавливались мраморные доски с именами офицеров, по-

гибших в боях и при исполнении служебных обязанностей. Здесь же находились останки прославленных русских флотоводцев. Нельзя не упомянуть Севастопольский морской собор во имя Святого равноапостольного князя Владимира, освященного в 1888 г. (автор К. Тон) [6, С. 95]. Построенный в византийском стиле, он отличался прекрасным убранством и архитектурой. Над его оформлением трудился в частности Айвазовский И. К. Внутри покоятся останки адмиралов Лазарева М. П., Корнилова В. А., Истомина В. И. и Нахимова П. С. Еще более впечатляет Кронштадтский Николаевский морской собор, (автор Косяков В. А.). [6, С. 77] Храм поражает своими размерами и великолепной внутренней и внешней отделкой. На его стенах были установлены черные мраморные доски с именами погибших чинов флота. Как говорил о стоящемся соборе Управляющий Морским министерством, «будущий морской храм должен быть не только местом молитвы, но и памятником, ибо Кронштадт есть колыбель Русского флота» [6, С. 74].

Рамки данной статьи не позволяют нам более подробно осветить все традиции военно-морского флота, вышеизложенные примеры наглядно демонстрируют глубину проникновения идей православия во флот. Это кажется совершенно естественным при учете того, что русская армия и церковь издавна находились в тесной взаимосвязи. Ведь еще первые упоминания об участии священников в военных действиях можно отнести к 1380 г. (знаменитому Куликовскому сражению), где бились наравне с остальными воинами два монаха Пересвет и Ослябя. Петр I руководствовался созданием идеологической основы флота в виде христианской религии для обеспечения высокого морального духа. Для моряков, набравшихся в основном из глубоко религиозной крестьянской среды, православная вера стала важной опорой на протяжении длительного времени.

Примечания:

1. *Белявский С.* Воин христианин. Чтение для солдат по закону Божию. М., 1994.
2. *Веселаго Ф. Ф.* Очерки русской морской истории. С начала развития мореплавания до 1825 года. М., 1939.
3. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии С. Ф. Ахромеев. М., 1986.
4. Воскресни, Русь! О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны. М., 2001.
5. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999.

6. *Доценко В. Д., Клавинг В. В.* Морские храмы России. СПб., 1995.

7. *Дыгало В. А.* Флот государства Российского. Откуда и что на флоте пошло. М., 1993.

8. *Клибанов А. И.* Русское православие: веки истории. М., 1989.

9. *Исакова Е. В.* Периодизация истории Института военного духовенства // Синодальный отдел Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями [Электронный ресурс]. 27.03.05. Режим доступа: <http://www.pobeda.ru/about/istoria7.html>

10. *И. В. Оржиховский.* Из истории военного духовенства // Синодальный отдел Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями [Электронный ресурс]. 27.03.05. Режим доступа: <http://www.church.bv/resource/Dir0039/Dir0065/Page0069.html>

11. Устав морской. 1720 г. // Полное собрание законов. Т. 9. 1720 г. СПб., 1830 Изд. 1.

12. *Шилик К. К.* Русский гребной фрегат «Святой Николай» погибший в 1790 году во втором Роченсальмском сражении [Электронный ресурс]. 27.03.05. Режим доступа: http://wreck.ru/histori_sv_nikolai.html

А.В. Бабич

Русская твердыня

(О героической обороне города-укрепления Новороссийска во время Крымской кампании 1853-1856 гг.)

Победа русских под Новороссийском была одержана при самых недостаточных средствах артиллерийской обороны и может быть, по справедливости, причислена к славным ратным подвигам периода Крымской войны.
(Е.В.Тарле. «Крымская война».)

Новороссийск –воистину город Русской Славы и торжества Русского Духа и Русского оружия. Не однажды подступали к нему полки неприятеля, стремясь овладеть этой черноморской твердыней, и каждый раз откатывались ни с чем. Так было и в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг., когда город встал на пути гитлеровцев, рвавшихся на юг СССР, к Бакинской нефти, так было и раньше, во время трагической и кровопролитной Крымской кампании 1853-1856 гг., когда союзный англо-французский флот попытался овладеть этим городом...

Однако, вначале несколько слов о предыстории вопроса.

В январе 1853 г. уполномоченный посланец Турецкого султана Афиф-бей сообщил в Иерусалиме католическому и православному духовенству, какие реликвии поступают отныне в ведение католиков, а какие в ведение православных.

Католическая серебряная звезда (с отчеканенным французским гербом) с нарочитой торжественностью была водружена в Вифлееме, в пещере, у входа в нишу, где по преданию, были ясли новорожденного Иисуса Христа. Вместе с тем и столь же торжественно ключ от главных ворот Церкви Святого Гроба в Иерусалиме и ключ от Восточных и Северных ворот Вифлеемской церкви также были переданы католическому епископу. Все это было устроено с намеренно-вызывающей шумихой, что вызвало естественное негодование среди православных паломников и православного духовенства, а французское посольство, консулы и служебный штат при консульствах сделали все от них зависящее, чтобы придать этому событию

характер полного торжества над Россией [1]. Русский Император Николай I, как покровитель православных народов, проживавших на европейской территории Турции, наконец, как воин Христов, не мог оставить это незамеченным...

20 октября 1853 г., в результате дальнейшего обострения Восточного вопроса, Россия объявила Турции войну, в результате чего, оказалась втянутой в тяжелую и кровопролитную войну, вспыхнувшую вначале между двумя империями –Российской и Османской, но вскоре переросшую в борьбу России против мощной коалиции государств, состоящей из Англии, Франции, Турции и Королевства Сардинии, включавшего в себя остров с одноименным названием и часть Северной Италии. Эта война вошла в историю под названием «Крымской» или «Восточной». Главный театр военных действий развернулся в Крыму под городом Севастополем. Мы запомнили эту войну по именам его защитников –Павла Степановича Нахимова, Владимира Алексеевича Корнилова и многих других известных и неизвестных героев.

К сожалению, в советской историографии бытовало общепринятое мнение о том, что эта неудачная для России война, приведшая к многочисленным жертвам и страданиям, была совершенно бессмысленна и среди своих многочисленных причин имела непомерные амбиции Императора Николая I, стремившегося к разделу Турции. Однако, при более внимательном и беспристрастном анализе происшедшего, мы убеждаемся, что событие это не только изобилует яркими и славными страницами, навеки вписанными золотыми буквами в скрижали российской истории, такими как Синопская битва, героическая оборона Севастополя и взятие Карса, но также и несет на себе печать высокого духовного смысла, хотя бы уже потому, что война России с Турцией, Англией и Францией, объявленная правительством Наполеона III «крестовым походом, имеющим причиной... изгнать, обуздать и подавить ересь Фотия (т.е. православие)» [2] явилась суровым испытанием для русского народа, которое он с честью выдержал, не поступившись нравственными и духовными принципами, лежащими в основе его веры и государственности, и, одержав над могущественным и просвещенным противником ту самую моральную победу, которая определяется по словам Л.Н. Толстого не «территорией, на которой стояли или стоят войска, не количеством захваченных у врага кусков материи, именуемых знаменами, а состоянием духа армии...» [3].

Военные действия на Северном Кавказе, явились лишь небольшим эпизодом, вписанным в яркое полотно войны, но напомнить о

них сегодня очень важно, поскольку мы хорошо знаем, что забвение уроков прошлого несет народам повторение прежних болезней, нередко кровавых и трудно излечимых.

Известно, что впервые глубоко и серьезно этой темой занялся профессор Михаил Владимирович Покровский. В 1949 г. в литературно-художественном альманахе «Кубань» вышел его труд «Военные действия у Новороссийска и на Таманском полуострове во время Крымской войны 1853-1856 гг.» Работа Михаила Владимировича была отмечена академиком Е.В. Тарле, включившим ряд ценных материалов во второе дополненное издание своего знаменитого двухтомника «Крымская война», выпущенного издательством Академии Наук СССР в 1950 г. «Отметим небольшое, специальное, очень насыщенное фактами и основанное на существенно важных данных из местных архивов исследование краснодарца Покровского...» – писал Е.В. Тарле в примечаниях к 19 главе, посвященной военным действиям на Северном Кавказе и в Закавказье в 1854-1855 гг. [4].

Итогом многолетнего труда М.В. Покровского стала его монография «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки», изданная в Краснодаре в 1989 г. Седьмая глава монографии целиком посвящена событиям, происшедшим на Западном Кавказе в годы Крымской войны 1853-1856 гг.

И, наконец, в 1998 г. в Краснодаре вышла книга Александра Герасименко и Сергея Санеева: «Новороссийск – от укрепления к губернскому городу (Хронология исторических событий возникновения и развития Новороссийска со времени заключения Адрианопольского мирного договора до декабря 1917 года)», вторая глава которой имеет прямое отношение к военным действиям в районе г. Новороссийска в 1853-1855 гг. При подготовке этого интересного и серьезного на наш взгляд издания были использованы документы дореволюционных фондов центральных государственных архивов Российской Федерации, Государственного архива Краснодарского края, Новороссийского городского архива и Новороссийского исторического музея-заповедника.

В данной работе представлена попытка, обобщив материал, собранный нашими выдающимися историками, и обратившись к документам, хранящимся в Государственном архиве Краснодарского края, напомнить всего лишь об одном эпизоде, связанном с обороной Черноморской береговой линии, а именно о штурме Новороссийска англо-французской эскадрой в феврале-марте 1855 г.

Россия, в том числе и ее Черноморское побережье, в целом была не готова к войне с могущественной, вооруженной новейшим по тому вре-

мени оружием, европейской коалицией. Об этом говорит такой факт. В 1839 г. императору Николаю I пришлось случайно узнать правду о состоянии укрепленных постов на Кавказском берегу Черного моря. «Как понимаешь ты Черноморскую береговую линию? Она меня очень интересует, – спросил Николай кавказского офицера, который представлялся ему после своего освобождения из плена у Шамиля. «Боясь, – ответил тот, – что береговая линия не оправдывает ожиданий Вашего Величества. Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде. Кроме того, в случае европейской войны, при появлении в Босфоре неприятельского флота, окажется необходимым снять всю линию, в горы гарнизонам нет отступления, и ни одно укрепление не в силах выдержать бомбардировки с моря». – Государь махнул рукой. – «До этого еще далеко...» [5].

С тех пор прошло немногим более десятилетия, но ситуация на Черноморском побережье так и не изменилась. 19 мая 1853 г., начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М.Серебряков сообщал начальнику штаба Черноморского флота вице-адмиралу В.А. Корнилову, что «укрепления Черноморской береговой линии устроены только против атак горцев без артиллерии, а не против внешнего неприятеля. Важнейшие пункты (такие) как Новороссийск и Геленджик не укреплены со стороны моря, а прочие в самое короткое время могут быть разрушены огнем морской артиллерии. Орудия в этих укреплениях, обращенные к морю, ни по числу, ни по калибру не в состоянии выдержать с успехом перестрелку даже с небольшими военными судами...» [6].

Что же представляла собой Черноморская береговая линия (далее – «линия») накануне войны? Проведем небольшой экскурс. Еще в 1840 г., в результате массовых нападений горцев ряд укреплений линии пал (форт Лазарева, укр. Вельяминовское, Николаевское и Михайловское). После их восстановления линия была разделена на три отделения: первое – от устья р. Кубани до Геленджика (форты Александрия) – состояло из станицы Николаевской, форты Раевского, крепости Анапа, укрепления Джеметея, станицы Витязевской, укреплений Новороссийского и Кабардинского; второе – от Геленджика до укрепления Навагинского – из Геленджикского, Новотроицкого, Тенгинского укреплений, форты Лазарева и Вельяминовского укрепления; третье – от укрепления Навагинского, в составе укреплений Головинского, Св. Духа (Адлер), Гагр, Бомбар, Пицунды, Сухум-Кале, форты Морамбо, Дранд и Илори. В 1843 г. было создано четвертое отделение линии с доведением ее до турец-

кой границы и включением в нее укреплений Редут-Кале, Потти и форта св. Николая. Начальником всей Черноморской Береговой линии от устья Кубани до форта Св. Николая был назначен в 1851 году контр-адмирал Лазарь Маркович Серебряков (1792-1862) [7].

Как только выяснилась неизбежность войны с европейскими союзниками Турции, правительство Николая I немедленно распорядилось вывести гарнизоны укреплений 2-го отделения Черноморской береговой линии, что и было выполнено в течение 24 часов, с 4 по 5 марта 1854 г. В это время, по сообщению вице-адмирала Л.М. Серебрякова начальнику главного морского штаба генерал-адъютанту А.С. Меншикову, были сняты следующие гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии: «Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, Лазаревское, Головинское и Навагинское, занимавшие линию на протяжении более ста миль», а их гарнизоны «с женщинами, детьми и промышленниками, всего до 4 тыс. человек, доставлены в Геленджик и Новороссийск. Орудия заклепаны, пороховые запасы взорваны, строения и укрепления с башнями частью повреждены взрывами» [8]. Данная мера, как отмечалось выше, была вызвана военной необходимостью, поскольку оставление укреплений ввиду неприятеля, обрекало их на истребление вместе с гарнизонами. Положение еще более осложнилось весной 1854 года, когда у Константинополя сосредоточилось более ста крупнейших и самых совершенных по тому времени судов, оснащенных десантом и дальнобойной артиллерией. Теперь стало совершенно очевидно, что русским войскам долгие невозможно опираться на форты и укрепления Черноморского побережья, которые к тому же не могли быть защищены малочисленным Черноморским флотом, запертым в осажденном Севастополе.

В передовой статье газеты «New-York Daily Tribune» № 4115 от 26 июня 1854 г. дана следующая оценка этому событию: «Эвакуация фортов кавказского побережья, произведенная своевременно и под носом британских и французских паровых судов, показывает решимость русских удержать инициативу как можно дольше. А на войне это уже очень много...» [9].

30 марта 1854 г. был оставлен Геленджик. Вот как пишет об этом событии комендант Геленджикского укрепления генерал-майор Ваг-

Адмирал
Л.М. Серебряков

нер в донесении начальнику 2-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майору А.О. Дебу от 1 апреля 1854 г. «По выходе эскадры, приготовив все необходимое к взрыву каменных строений, исключая церкви, и сожжению деревянных, я выступил из Геленджика 30 марта в четыре утра и, отойдя на половину пушечного выстрела, наблюдал действие мин и огня. За два часа в Геленджике остались одни руины, а строения были объаты пламенем. Хотя горцы и окружили укрепление со всех сторон большими толпами, отступлению они не препятствовали, а некоторые даже подходили к нам и со слезами на глазах прощались. Переночевав с отрядом в Кабардинске, я выступил оттуда 31 числа по разорении сего укрепления, вместе с 4-м Черноморским линейным батальоном и тамошним гарнизоном и без единого выстрела проследовал в Новороссийск» [10].

Таким образом, в начале 1854 года из всех укреплений Восточного побережья Черного моря остались две крепости: Анапа и Новороссийск. Поскольку они находились близ Черноморской кордонной линии, их гарнизоны, в случае отступления, могли уйти сухим путем в Черноморию. В то же время район военных операций был значительно сокращен. Непосредственному действию неприятельских судов открывалось лишь небольшое пространство от Новороссийска до Керчи и Тамани.

Прежде чем начать новороссийскую операцию, союзники постарались обеспечить себе прочный тыл со стороны Кубани. С этой целью 7 и 8 февраля 1855 г. в верховьях Псебепса было организовано большое собрание, на котором присутствовали турецкие и английские офицеры, сын Сефер-бея Карабатыр и группа мусульманского духовенства. Совместными усилиями они заставили собрание принять постановление о взимании штрафов со всех горцев, которые продолжают торговые отношения с русскими, ездят на базары и меновые дворы.

Согласно разработанному в штабе союзников плану Магомед-Амину было предложено организовать для нападения на Новороссийск «конный сбор от Карачая до Псекупса». Часть собранных сил должна была занять Бакан и другие ущелья в окрестностях Новороссийска, чтобы взять крепость в полную блокаду.

Однако усилия союзников оказались тщетными. На предложение штурмовать Новороссийск горцы ответили, что «до прихода Магомед Амина натухайцы еще имели в руках какие-нибудь средства, но двухкратный сбор набом поголовных штрафов и притеснения не столько от русских, сколько от него (наиба), совершенно обнищали край, и теперь натухайцы ни туркам, ни их союзникам ничем пособить не могут» [11].

Несмотря на эту неувязку, союзники не теряли надежды овладеть Новороссийском. С целью отвлечения русских сил они сожгли все постройки на Бугазском гирле и разрушили Джеметейское укрепление близ Анапы. Об этом событии (разрушение Джеметейского укрепления) сохранился отчет Анапского коменданта подполковника Ознобишина от 16 ноября 1854 г. Он сообщил следующее: «31 октября (1854 г.) в 9 часов утра к Джеметейской косе подошли два неприятельских винтовых парохода-фрегата и одна канонерская лодка, тоже винтовая. Поравнявшись тремя башнями, пересекающими Джеметейскую косу, они остановились в 15 саженях от берега и открыли огонь преимущественно по срединной башне бомбами, 96-фунтовыми ядрами и другими снарядами. Каноида эта с остановками продолжалась до трех часов дня и башня с одной стороны оказалась совершенно разрушенной.

Воинский начальник Джеметейского укрепления есаул Донского 51-го полка Козин с командой из 49 казаков, 30 рядовых, при 1 унтере 1-го Черноморского линейного батальона и 4-х артиллеристов, сделав из бывших на большой башне 2-х орудий: полупудового единорога и иностранной 5,5 фунтовой пушки, шесть выстрелов, не имея к тому больше возможности, заклепал орудия и, согласно дислокации, отступил на ст. Витязеву.

С нашей стороны без вести пропало два человека рядовых 1-го батальона и контужено из стрелявших с башни три рядовых 1-го батальона, а фейерверкер получил зашибы каменными осколками. Ящик со снарядами взорван и оттого сгорели прочие артиллерийские принадлежности. Из строений сгорели 4 солдатские землянки. Из казенных строений: дом воинского начальника, станционный дом и казачья казарма – остались нетронутыми. В сумерки пароходы снялись и, отплыв выше к Бугазу, остались там ночевать. По моему распоряжению подполковник Сусловский взял из разрушенной башни орудия и, оставив там казачий пост, вернулся в станицу Витязеву. На рассвете 1 ноября пароходы ушли в море. Суда были английские, о чем говорят найденные на берегу офицерские шпаги без ножен с английскими надписями, небольшой флаг и пустой деревянный ящик» [12].

В Геленджик, занятый подразделениями Магомет-Амина, из штаба союзников был послан офицер, заверивший горцев в том, что взятие Новороссийска неизбежно.

Николай I придавал обороне Новороссийского укрепления большое значение. Ещё 22 февраля 1854 г. Императором была собственноручно начертана инструкция, обращенная командующему отдель-

ным Кавказским корпусом, в которой следовало прямое указание вице-адмиралу Л.М. Серебрякову «...обратить главное внимание на сохранение Анапы и, буде можно, Новороссийска», и далее: «Ежели Геленджик и Кабардинск отстоять нельзя, гарнизоны сии отводить к Новороссийску, чем защита сего места значительно усилится, а когда и этот важный пункт нельзя будет сберечь, все в нем сжечь и уничтожить, равно, как в Геленджике и Кабардинском, и отступить всеми силами чрез Раевский форт к Анапе, наводя неприятеля флангом на главный отряд, идущий от Варениковой...» [13]. Слова эти оказались, воистину, пророческими. И, наконец, в предписании военного министра наказному атаману Донского казачьего войска от 10 апреля 1854 г. было сказано, что «по особенной важности Новороссийска, Государь Император изволил желать, дабы в случае атаки с моря укрепление это удержано было до крайней возможности...» [14].

25 декабря (7 января) 1855 г. союзники объявили о «строгой блокаде» всех русских портов Черного и Азовского морей [15], а 8 (20) января два неприятельских паровых судна французский корвет «Бертолет» и английский фрегат «Леопард» под парламентскими флагами подошли к Новороссийску и спустили на воду шлюпку. Подъехавший французский офицер доставил на имя коменданта крепости пакет, в котором заключалось извещение о начале с 1 февраля 1855 г. блокады союзным флотом Новороссийска и Анапы. Этот акт являлся осуществлением декларации лондонского адмиралтейства, гласившей, что «французский и английский адмиралы в Черном море получили приказ распространить блокаду, установленную над устьями Дуная, на все гавани Черного и Азовского морей ... с 1 февраля 1855 г.» [16].

Военная операция англо-французских войск против Новороссийска началась 26 февраля (10 марта) 1855 г. В этот день в Новороссийскую (Цемесскую) бухту, в 8 часов утра, стремительно вошел французский двухмачтовый колесный пароход. Несмотря на предупредительные холостые выстрелы, пароход подошел совсем близко к берегу и тогда по нему был открыт огонь с главной приморской батареи. Получив некоторые повреждения, пароход спешно покинул бухту [17].

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, скажем несколько слов о самом городе. Новороссийск, основанный в 1838 г. на берегу Цемесской бухты к этому времени уже считался городом (Высочайшее повеление об открытии в Новороссийске, на Северо-Восточном берегу Черного моря, порта вышло 30 июля 1845 г., а городская ратуша была учреждена 15 декабря 1846 г. вышедшим

«Положением о заселении и гражданском управлении Северо-Восточного берега Черного моря»). К началу войны в городе проживало 14 купеческих семей (42 чел.), в том числе Аругтюновы, Рафаиловы, Макриди, Скопины, Меркуловы, Константиновы и др.; 86 мещан (124 чел. с семьями); 10 еврейских семей (22 чел.), 52 промышленника (с семьями 83), 1 чел. акцизной конторы (с семьей 6 чел.), – итого 163 семьи, 277 чел [18].

В городе имелся ряд крупных зданий: адмиралтейство, ратуша, школа для детей горцев, казармы гарнизона, лазарет и значительное количество частных домов и лавок. Гарнизон состоял из 4 тыс. 394 человек. Со стороны моря Новороссийск защищался четырьмя земляными батареями, две из которых были с «каменной одеждою внутри». Артиллерийское вооружение крепости состояло из 69 орудий, значительно уступавших по мощности артиллерии союзников. Только семь из них имели 18-фунтовый и 12-фунтовый калибры при дальности огня 1 000 сажень, но и они устарели, потому, что были отлиты в 1813 г. В октябре 1854 г. Николай I распорядился усилить артиллерию крепости более мощными орудиями с тем, чтобы ее приморские батареи «...могли с успехом действовать против неприятельских судов, вооруженных орудиями самого большого калибра», но эти орудия в Новороссийск так и не поступили. Не был осуществлен и проект сооружения пяти новых батарей для прикрытия города со стороны моря. По расчетам начальника Черноморской Береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова, чтобы защитить крепость от нападения союзного флота, на вооружении крепости необходимо было иметь тридцать орудий 36-фунтового и 85 орудий 18-фунтового калибра [19].

Небольшое же Константиновское укрепление, находившееся на противоположном берегу Новороссийской бухты (на месте нынешнего парка им. В.И. Ленина), не представляло из себя ничего серьезного, так как имело на вооружении лишь одно шестифунтовое орудие.

По стечению обстоятельств, к началу боевых действий в Новороссийске вице-адмирала Л.М. Серебрякова в укреплении не оказалось. Накануне его вызвали в ставку Верховного главнокомандующего русской армией в Крыму князя А.С. Меншикова, и Лазарь Маркович был лишен возможности руководить обороной. Командование принял начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майор А.О. Дебу [20].

Рано утром, 28 февраля (12 марта) на взморье у Новороссийска появилась неприятельская эскадра, по словам А.О. Дебу, состоявшая из 4 паровых судов. 5-й пароход подошел к 12 часам полуд-

ни. Неприятельские корабли построились в боевую линию на расстоянии 1500 сажень от 1-й Приморской батареи и открыли огонь по Новороссийску. Город оказался совершенно беззащитным, так как предельная дальность огня русских пушек исключала возможность ответной стрельбы. Английские корабли своим огнем беспрепятственно разрушали дома и крепостные постройки. Когда бомбардировка стала наносить городу ощутимый ущерб, генерал-майор А.О. Дебу вывел за пределы крепости мирных жителей и больных, дав им прикрытие из числа гарнизона крепости и, одновременно с этим, приказал оставить слабо защищенное Константиновское укрепление. Опасаясь штурма Новороссийска соединенными силами горцев и десантных войск союзников, он дал знать в Анапу, прося о поддержке. Главной позицией по отражению атак с моря была определена первая батарея (ныне на ее месте находится памятник морякам-черноморцам, защитникам г. Новороссийска в годы Великой Отечественной войны – торпедный катер). На ней были сосредоточены все имевшиеся в укреплении крупнокалиберные орудия: 4 восемнадцати-фунтовых, 3 двенадцати-фунтовых пушек и 3 мортиры. Это все, что могли противопоставить защитники крепости неприятельскому флоту, тем не менее победа осталась за ними [21].

Завидев неприятельские суда, горцы начали отовсюду стекаться, собираясь на противоположной стороне Цемесской бухты. Своевременно получив помощь, гарнизон Константиновского укрепления организованно покинул место своей дислокации, оставив его горцам.

С небольшими перерывами неприятель продолжал бомбардировку Новороссийска весь день. В городе было повреждено множество зданий и одна платформа на батарее, но людских потерь не было. В ответ на огонь противника наши батареи молчали, так как вражеские корабли находились на недосягаемом для них расстоянии 1,5 тыс. сажень (предельная дальность огня русских пушек составляла 1 тыс. сажень).

На следующий день, 1 (13) марта, неприятель, по-видимому, считая молчание крепостных батарей признаком того, что они подавлены, подтянулся на картечный выстрел к 1-й батарее и открыл по ней «неумолкающий» огонь. «Началась упорная с обеих сторон канонада». Русские артиллеристы обнаружили в этом бою высокие боевые качества. Располагая 10 орудиями устаревшего образца, они сумели нанести серьезные повреждения судам противника, имевшим на борту новейшее артиллерийское вооружение. В своем рапорте начальнику Черноморской Береговой линии вице-адмиралу Л.М. Серебрякову генерал А.О. Дебу писал: «Видно, что неприятель понес поврежде-

ния, ибо, к исходу 11-го часа он на время отошел на первую свою позицию». Наскоро исправив свои повреждения, эскадра вновь подошла к батарее, на этот раз уже почти вплотную, и стала осыпать ее ядрами, гранатами и картечью. Однако и эта бомбардировка не сломила духа защитников крепости. Тогда один из кораблей отделился от своих товарищей и, подойдя к берегу выше Константиновского укрепления, спустил шлюпку, направляясь к собравшимся там горцам. Союзники пытались возбудить их к более активным действиям на суше, предлагая для этого даже оружие, но горцы от предложения отказались, ограничившись захватом Константиновского укрепления и нападением на прикрытое обоза [22].

Ряд военных историков: Ф. Щербина, Е. Васильев и др. упоминающая в своих работах об этом эпизоде, объясняли нерешительность горцев тем, что они были подавлены картиной героического сопротивления Новороссийского гарнизона и не верили в реальную возможность овладения крепостью. Это, несомненно, сыграло важную роль, однако главной причиной такой, с первого взгляда непонятной пассивности горцев, не только под Новороссийском, но и в ряде других операций союзников на Западном Кавказе, было явное нежелание горцев подпасть под протекторат Турции.

К вечеру к старой турецкой крепости Суджук-Кале (район Новороссийской Косы) подошла неприятельская шлюпка, встреченная горцами. Союзники все еще не теряли надежды договориться с местными племенами о совместных действиях.

Лишь поздно ночью (с 1 на 2 марта) противник прекратил бомбардировку и занялся ремонтом судов. С кораблей эскадры доносился стук топоров и были видны горевшие на палубе огни.

Этой же ночью один из пароходов ушел в море, к утру 2-го марта снялись с якоря и ушли еще два. Оставшиеся два перед полуднем сделали несколько выстрелов по городу, и 3 марта также покинули бухту, причем один из них шел на буксире.

Как можно было рассмотреть с берега, эскадра состояла из двух фрегатов, одного колесного 20-пушечного и одного винтового 28-пушечного; 13-пушечного корвета, канонирской лодки, вооруженной 4 орудиями и 2-пушечной шхуны [23].

В целом за время боев гарнизон крепости, состоявший из двух Черноморских линейных батальонов (5 и 13) и роты 9 батальона, снятых с Черноморской береговой линии, а также балаклавского греческого пехотного батальона, две роты которого постоянно несли гарнизонную службу в Новороссийске, потерял 6 человек убитыми (в их числе был поручик 11-й Гарнизонной артиллерийской

бригады 3-й роты А.И. Ульянов, по словам А.О. Дебу, во всех отношениях храбрый и опытный офицер) и 13 ранеными. Четверо было контужено. Бомбардировка англо-французской эскадры принесла городу тяжелые разрушения. Почти все дома были повреждены. Больше всего пострадали госпиталь и арсенал.

Подводя итоги сражения, руководитель обороны крепости генерал-майор А.О. Дебу, писал: «Бог благословил защитников правого дела. Неприятель, при ожесточенной канонаде не мог заставить замолчать своими 67 орудиями крупных калибров наши 18 и 12-фунтовые пушки и три мортиры, державшиеся против него. Он успел только подбить винт у 18-фунтовой пушки, другую, такого же калибра, разорвало от выстрелов... во все время бомбардирования Новороссийска, я видел отличный дух в войсках его гарнизона. За артиллеристов говорит само дело, выказывая стойкость их против неприятеля, превосходившего их в числе и в средствах...» [24].

«В воздаяние доблестных подвигов мужества, — продолжает А.О. Дебу, — явленных на действующей батарее, имею честь просить ходатайства ... о даровании прислуги на ней, из 170 чел. состоящей, двенадцати передовых головных знаков отличия военного ордена...» Из числа защитников Новороссийска сохранившиеся материалы особенно выделяют заслуги коменданта крепости полковника Масловича, капитана Торкмуса, штабс-капитана Сергиенко, поручика Ульянова, прапорщика Лихотинского, инженер-поручика Духновского, военных врачей (штаб-лекаря Масютина и младшего ординатора Новороссийского госпиталя Жизневского) а также солдат: Степанова, Кравца, Данилова, Крашинова, Халатникова. » [25].

По высочайшему распоряжению, полученному из Санкт-Петербурга, всем нижним чинам Новороссийского гарнизона было выдано в качестве награды по одному рублю за участие в «мужественном отражении неприятельского нападения на крепость». К наградам орденами было представлено 6 офицеров и 23 солдата.

28 февраля 1856 г. Приказом военного министра № 2278 «За мужество, проявленное при отражении неприятельского нападения на укрепление Новороссийск» были награждены: майор Ф.С. Левашов, командир Черноморского линейного 4 батальона, орденом Св. Анны 2 степени с короной и мечами, прапорщики Лихотинский и Винклер орденами Св. Анны с мечами и надписью «За храбрость», майор Подгурский орденом Св. Станислава 2 степени с мечами, подпоручик Де-Розенталь и штабс-капитан Черепанов орденами Св. Станислава 3 степени с мечами, штабс-капитаны В.Докучаев, городской полицмейстер, Сергиенко и Ринвид-Мицкевич про-

изведены досрочно в следующий чин, майору С.С. Болотову. Второму, производителю дел по управлению краем при начальнике 1 отделения Черноморской береговой линии, выдано денежное пособие в размере 172 рублей 50 копеек серебром [26].

Надо сказать, что неудача английской эскадры явилась, мягко говоря, весьма неприятной неожиданностью для англо-французского командования, и А.О. Дебу был совершенно прав, указывая, что защитники крепости, приняв бой с неизмеримо меньшими силами, «нанесли посильное повреждение неприятелю, мечтавшему, что одной паровой батарее достаточно для завладения Новороссийском...» [27].

Явное поражение союзного флота под Новороссийском явилось отрядным событием на фоне неудачного хода Крымской кампании, но, к сожалению, овладение противником Керченским проливом заставило русское командование все же оставить, вначале Новороссийск, а затем и Анапу.

15 (27) мая в Новороссийске были взорваны все укрепления и уничтожены огнем уцелевшие здания и имущество. 17 мая Новороссийский гарнизон и жители города подошли к Анапе, сняв по пути гарнизон форта Раевского. В рапорте начальнику 1 отделения Черноморской береговой линии генерал-майору А.О. Дебу полковник И.И. Маслович сообщал, что при уходе из Новороссийска местный гарнизон состоял из трех черноморских 3, 4 и 8 линейных батальонов, роты 14-й батальонной гарнизонной артиллерии, роты 3 артиллерийской бригады №11, Новороссийской арсенальной команды, роты 9 артиллерийской бригады №13, военно-рабочей роты №18 и 1-й казачьей сотни Донского 29 полка.

25 мая войсками и жителями оставлены крепость и город Анапа, станицы Закубанского поселения – Николаевская, Александровская и Благовещенская. Орудия, которые невозможно было взять с собой, были испорчены, а укрепления взорваны. Войска разместились в окрестностях станицы Варениковской, жители отошли к Темрюку [28].

27 августа Русская армия оставили Севастополь...

9 февраля 1856 г. Черноморская береговая линия была упразднена, а Черноморские линейные батальоны преобразованы в две пехотные бригады 8-батальонного состава [29].

18 марта 1856 г. заключен Парижский мирный договор, положивший конец одной из самых жестоких и кровопролитных войн XIX века.

Несмотря на то, что Россия потерпела поражение в этой войне и потеряла крепости на Черноморском побережье, жертвы, принесен-

ные на алтарь Отечества, не были напрасными. Россия сохранила статус великой державы, а после восстановления Черноморских береговых укреплений в 1857-1858 гг. приступила к решительным действиям против «немирных» горцев, завершившимся пленением имама Шамиля (26 августа 1859 г.) и окончательным покорением Дагестана и всего Восточного Кавказа в 1864 г., а в следующей войне с Турцией (1877-1878 гг.) Россия одержала победу, принесшую свободу балканским народам (Румыния, Сербия и Черногория обрели национальную независимость, Болгария получила автономию, а Босния и Герцеговина были переданы Австро-Венгрии; Россия же вернула южные территории Бессарабии, потерянные в результате Крымской войны, и присоединила Батум и Карсскую область).

Могилы Л.М. Серебрякова

Примечания:

1. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. Москва, 1950. С. 154-155
2. «Война Франции против России, ныне начинающаяся, это не политическая, а священная война, не война одного государства против другого, не одной нации против другой, но исключительно религиозная война, истинная причина которой – причина святая, угодная Богу, заключающаяся в том, чтобы изгнать, обуздать, подавить ересь Фотия (т.е. православие), это цель нашего нынешнего крестового похода» (из заявления архиепископа Парижского Доминика Огюста Сибура по поводу объявления войны России Императором Наполеоном III). Цит по: Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. Москва. 1950 г. С. 483
3. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3. Москва. 2006. С. 305
4. Тарле Е.В. Крымская война. Москва. 1950 г. С. 519

5. Государь Николай Павлович. Из рассказов кавказского офицера. «Русский архив», 1881, кн. II. С. 242.
6. Вице-адмирал Корнилов. М. Воениздат. 1947 г. С. 180-181
7. Энциклопедический словарь по истории по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 410, 519.
8. Государственный архив Краснодарского края (Далее ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 306
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 10. С. 269
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2637. Л. 163
11. *Покровский М.В.* «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки», Краснодар. 1989 г. С. 26-267, ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1724. Л. 30.
12. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2637. Л. 699-700
13. Русская старина. 1888 г. Т. 40. Окт. С. 198
14. Хрестоматия по истории Кубани (далее Хрестоматия...). Краснодарское книжное издательство. 1975 г. С. 93
15. *Залесский Н.А.* Одесса выходит в море. Л. Судостроение. 1987. С. 95
16. Хрестоматия ... С. 94
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2168. Л. 14
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1756. Л. 19-21
19. *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления к губернскому городу (Хронология исторических событий возникновения и развития Новороссийска со времени заключения Адрианопольского мирного договора до декабря 1917 года) Краснодар. 1998 г. С. 92; *Покровский М.* «Сражение у Новороссийска» // газ. «Красное знамя». 12 марта 1949 г.
20. *Герасименко А., Санеев С.* (Указ. соч.). С. 92.
21. *Герасименко А., Санеев С.* (Указ. соч.). С. 92.
22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2168. Л. 14
23. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2168. Л. 15
24. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2168. Л. 15
25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2168. Л. 16

М.И. Барзбиев

Балкарские и карачаевские аристократы на военной службе Российской Империи

Связанные между собой общностью происхождения, балкарцы и карачаевцы говорят на одном из тюркских диалектов, близки по характеру культуры, по устоявшимся формам бытового уклада. Балкарцы живут с восточной стороны Эльбруса, а карачаевцы – в его западных отрогах. Балкарцы занимают четыре горных ущелья – Черекское, Хуламо-Безенгийское, Чегемское, Баксанское, а также верховья р. Малки. Карачаевцы обжили верховья Кубани и ее притоков – Теберды, Зеленчука [1].

В традиционную эпоху высшим сословием балкарцев и карачаевцев являлись князья (бии, таубии) [2]. Одной из важнейших обязанностей представителей высшего сословия являлась охрана территории страны от посягательств извне. Каждый мужчина из княжеского сословия должен был иметь оружие и коня и в военное время по первому призыву старшего князя (олий) явиться под его команду готовым к походу [3].

После вхождения Балкарии и Карачая в состав Российской империи, соответственно в 1827 и 1828 годах, местная администрация стала предпринимать меры к постепенному вовлечению балкаро-карачаевского населения к российской военной службе. Одним из важных шагов в этом направлении стало формирование местных полицейских органов в виде воинской стражи. В этих условиях востребованной оказалась функция балкарских и карачаевских аристократов как военных предводителей. Именно им поручалось командование отдельными караулами [4].

Балкарские караулы летом постоянно содержались: в Черекском ущелье – на перевале Штулу, в Хуламе – в верховьях Хуламского Черема (этот караул несли и безенгиевцы), в Чегемском ущелье – у истоков Чегема, в Урусбиевском (Баксанском) ущелье – на Адырсу, Дангеу-су и Азау. С наступлением холодов в условиях гористой местности эти караулы снимались, и выставлялись развозды на дорогах, «удобных для хищников и неблагонамеренных» с целью «открывать убежища и уничтожать этих вредных преступников» [5].

Карачаевцы должны были «...иметь караулы от вершины Кавказских гор до р. Маржасына и столба того же названия и удерживать хищнические партии, состоящие не более тысячи человек, в

случае же большего числа хищников, давать знать урусбиевцам и ближайшему воинскому посту» [6].

По мере укрепления своих позиций в центрально-кавказском регионе царское правительство не раз прибегало к помощи балкарско-карачаевских военизированных отрядов. Так, в 1857г. во время движения отряда генерал-майора Грамотина к истокам Донгуз-Оруна на перевале для поддержания отряда, наступавшего в Сванетию из Имеретии, первый раз было потребовано от балкарских обществ три сотни милиции. Как и в прежние времена, начальниками сотен и полусотен были избраны только таубии [7].

Особое значение в деле приобщения местного кавказского населения к интересам российского правительства отводилось созданному в 1828г. в Санкт-Петербурге Лейб-гвардии Кавказско-горскому взводу, переименованному вскоре в Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон [8].

За время существования этого воинского подразделения многие представители балкарско-карачаевских княжеских фамилий прошли службу в его рядах и получили офицерские чины. Среди них можно назвать: Асланбека, Батырбека и Султанбека Абаевых, Мембулата Айдаболова, Али Баймурзова (Кучукова), Умара Балкарукова, Исхака Келеметова, Ислама Крым-Шамхалова, Умара (Георгий) Мамышева, Чепелеу Суюнчева, Али Шакманова, Асланбека (Александра) и Сергея Урусбиевых [9].

Постепенно, в среде балкарско-карачаевской аристократии стали появляться профессиональные офицеры, окончившие специальные российские военно-учебные заведения. Первым балкарским профессиональным военным является Докшуко Казиевич Балкаруков, в феврале 1843г. направленный на учебу в кадетский корпус в Санкт-Петербург (10). После завершения обучения Докшуко Балкаруков служил в Киевском гусарском Его Императорского Высочества Николая Максимилановича и Волгском казачьем полках. В отставку вышел в чине ротмистра в 1856г. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [11].

Первым профессиональным военным из числа карачаевцев был князь Хаджи-Мырза Бийнегерович Крым-Шамхалов, который также был направлен на учебу в Санкт-Петербург в 1843г. Как и Докшуко Балкаруков, Хаджи-Мырза Крым-Шамхалов вышел в отставку в чине ротмистра. За время службы имел награды: орден Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с Императорской короной [12].

Количество профессиональных военных из среды карачаевских и балкарских аристократов постоянно возрастало и можно отметить, что к 1917г. их количество стало довольно значительным. Наиболее высокое звание из числа карачаевцев к этому моменту имел князь Константин Львович Крым-Шамхалов, вышедший в отставку в чине генерал-майора в 1911г. Генерал-майор Крым-Шамхалов был награжден орденами: Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и персидским орденом Льва и Солнца 2-й степени [13].

Из балкарских военных наивысшего звания достиг князь Асланбек Мырзакулович (Александр Александрович) Урусбиев, вышедший в отставку в чине полковника армейской кавалерии. Среди наград полковника Урусбиева можно назвать ордена Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени и медаль за покорение Чечни [14]. Следует отметить, что родные братья Александра Урусбиева – Исмаил и Хамзат также являлись российскими офицерами, соответственно подпоручиком [15] и поручиком [16]. Офицерами были и сыновья полковника Урусбиева – Исмаил (штабс-капитан) [17] и Сергей (сотник) [18]. Таким образом, можно считать, что в Балкарии стали возникать династии профессиональных военных.

Важное место в проявлении воинского искусства балкарско-карачаевских аристократов в рассматриваемый период имело их участие в войнах Российского государства. Так, М.К. Абаев писал: «По принятии русского подданства молодые таубии охотно начали поступать на военную службу, многие из них принимали участие в рядах русских войск во время Венгерской кампании Русско-турецкой войны в 50-х годах и в покорении Западного Кавказа» [19].

При этом следует подчеркнуть, что и сам первый балкарский историк принимал участие в военных действиях на стороне российского государства. В частности, после начала русско-турецкой войны 1877-1878гг. Мисост Абаев добровольцем вступил рядовым всадником в Кабардино-кумыкский кавалерийский полк и 18 мая 1877г. после участия в ночном бою против турецких войск был произведен в урядники. За отличия в боях против турок Абаев был награжден «знаком отличия военного ордена 4-й степени» и произведен в 1879г. корнеты по армейской кавалерии [20].

Известно, что кроме Мисоста Абаева в русско-турецкой войне 1877-1878гг. принимали участие и другие балкарские аристократы. Так, его двоюродный брат Канбелек (Султанбий) Асланбекович, также служивший в Кабардино-кумыкском полку погиб в одном из боев под Карсом [21].

Не жалея собственной жизни сражались балкаро-карачаевские князья и в период Русско-японской войны 1905-1907гг. Особого внимания из них заслуживает Каншаубий Клычбиевич Келеметов, поступивший рядовым всадником в Кабардинскую сотню Терско-Кубанского конного полка и награжденный за свои подвиги тремя степенями знака отличия Военного ордена (солдатский Георгиевский крест) и единственный из всей сотни представленный к последней, первой степени этой награды [22].

После окончания Русско-японской войны Каншаубий Келеметов был произведен в юнкера милиции и вместе с другим ветераном этой войны кабардинцем Оли Белимготовичем Гетаовым исполнял почетную обязанность знаменщика «почетного знамени кабардинского народа» [23].

Из кадровых военных, проявивших себя в этой войне, следует отметить подъяесаула 2-й Кубанской пластунской бригады Мырзакула Пашаевича Крым-Шамхалова. За участие в военных действиях против японцев Мырзакул Крым-Шамхалов был удостоен ордена Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава III степени и светло-бронзовой медали [24].

Вернувшись в мае 1906г. на Кубань, он был назначен в 6-й Кубанский пластунский батальон, где и продолжил службу. Высочайшим приказом 11 декабря 1911г. Крым-Шамхалов произведен в подполковники и уволен в отставку (по болезни) с выплатой пенсии из Государственного казначейства [25].

Известный русский философ И.А. Ильин в своей статье «Отповедь расчленителям» отмечал преданность Мырзакула Крым-Шамхалова российскому государству и военной присяге. Так, он пишет: «В 1916 году я лечил свои легкие на Кавказе, в Теберде, и жил в пансионе у князя местного народа Карачаев. Его фамилия была Крым-Шамхалов. Его дед заключил вечный мир и присоединение к императором Николаем-I; а внук его Мурзакул Баксанук Пашаевич, весь израненный в японской войне, не находил себе места от тоски о том, что раны его не позволяют ему участвовать в Первой мировой войне против германцев» (26).

Достоинно проявили себя карачаевские и балкарские аристократы и в период Первой мировой войны в составе Кавказской туземной конной дивизии, получившей большую известность под названием «Дикая дивизия». В связи с тем, что карачаевцы и балкарцы относились к различным административным образованиям, то и служили они в разных полках этой дивизии. Так, карачаевцы воевали в составе Черкесского, а балкарцы в составе Кабардинского полков.

Из балкарских князей геройски проявивших себя в этой войне можно отметить: поручика Магомета Таусултановича Абаева, прапорщиков Ибрагима Азаматовича Биева, Исмаила Хангериевича Келеметова и корнета Чепелеу Биаслановича Урусбиева [27].

О Магомете Абаеве его однополчанин А.А. Арсеньев находясь в эмиграции в своих мемуарах напишет: «...в нашем полку был поручик-балкарец, весь израненный и все же оставшийся в строю: он имел орден Св. Владимира с мечами – награда, выделявшая офицера не менее Георгиевского оружия и дававшая права потомственного дворянина» [28].

Рассматривая участие карачаевских аристократов в военных действиях «Дикой дивизии» следует подчеркнуть, что оно носило активнейший характер, убедительным подтверждением чему является тот факт, что во всей дивизии только лишь представители грузинского княжеского рода Амилахвари (Александр Владимирович, штабс-ротмистр и Гиви Иванович, полковник) и карачаевского княжеского рода Крым-Шамхаловых (Магомет-Гирей, корнет и Сеид-Бий, корнет) имели по два представителя, награжденных высшими военными наградами Российской империи – Военным орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием [29].

Вместе с тем, корнет Магомет-Гирей Азамат-Гериевич Крым-Шамхалов, вступивший в Черкесский полк рядовым всадником в сентябре 1914г. был награжден этими обеими высшими военными наградами России [30]. Помимо него в Кавказской туземной конной дивизии аналогичные награды имели только два офицера – полковники Г.И. Амилахвари и А.Х-М. Арацхан, являвшиеся кадровыми военными [31].

Завершая краткий обзор военной службы балкарских и карачаевских аристократов можно прийти к выводу, что за довольно короткий период пребывания в составе Российской Империи они проявили себя не только доблестными и умелыми воинами, но и настоящими патриотами России.

Примечания:

1. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982, с.16.
2. Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (Этнография, история, археология). М., 1999, с.151
3. Абаев М.К. Балкария. Исторический очерк. Нальчик, 1992, с.8.
4. Битова Е.Г. Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исто-

рический вестник ИГИ КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2, с.149.

5. Там же.

6. Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. Время Паскевича и Розена // Кавказский сборник, №32, ч. 2, 1912, с. 148.

7. *Витова Е.Г.* Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник ИГИ КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2, с.150.

8. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон (Страницы истории). Нальчик, 2002, с.2.

9. *Витова Е.Г.* Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник ИГИ КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2, с.150; *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон (Страницы истории). Нальчик, 2002, с.13-96; *Сафарян С. Н.* Султанбек Абаев. Нальчик, 1988, с. 42; *Хабичева-Боташева З.Б.* Озарение души. (Картины жизни Ислама Крым-Шамхалова). Черкесск, 1985, с. 17; Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф.-16, оп.-1, д.-1825, л.-11; Там же, ф.-2, оп.-1, д.-168, л.-36об.

10. ЦГА КБР, ф.-23, оп.-1, д.-2, т.4, л.-352.

11. Там же, ф.-40, оп.-1, д.-8, л.-285об.

12. *Батчаев Ш.М.* Князя Крымшамхаловы (клан Бийнегерле-ри) в русской армии // Вестник Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. Черкесск. Вып.1, 2004, с.9.

13. *Каракетов М.Д.* От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII-XIXвв. // Диаспоры. М., №4, с. 125, 126.

14. *Саблиров М.З.* Александр Урусбиев –полковник российской армии // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик. №5, 2002, с. 187.

15. ЦГА КБР, ф.-2, оп.-1, д.-168, л.-40об.

16. Там же, л.-29.

17. *Саблиров М.З.* Алесандр Урусбиев-полковник российской армии // Литературная Кабардино-Балкария, №5, 2002, с.188.

18. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002, с.72.

19. *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк. Нальчик, 1992, с.23.

20. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры. Избранное в двух томах. Т.1. Нальчик, 1993, с.149.

21. ЦГА КБР, ф.-40, оп.-1, д.-43, л.-275-276об.

22. *Опрышко О.Л.* «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. Нальчик, 1993, с. 38, 39.

23. Там же, с. 41.

24. *Батчаев Ш.М.* Карачаевцы и балкарцы в русско-японской войне 1904-1905 гг. –<http://www.elbrusoid.org/continent/military/p305766.shtml>

25. Там же.

26. Там же.

27. *Опрышко О.Л.* «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. Нальчик, 1993, с. 210, 211.

28. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914-1917.: Возвращение из забвения... Нальчик, 1999, с. 219.

29. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI-начало XX в. Нальчик, 2006, с.357, 358.

30. *Батчаев Ш.М.* Князя Крымшамхаловы (клан Бийнегерле-ри) в русской армии // Вестник Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. Черкесск. Вып.1, 2004, с.9.

31. Там же, с.357, 358.

И.-Б. Т. Марзоев

Мистуловы — представители осетинской аристократии на службе Отечеству.

Мистуловы — одна из самых известных фамилий в Северной Осетии. Известность фамилии принесли, прежде всего, представители военной интеллигенции. Как известно, большинство знатнейших родов у многих народов мира ведут начало именно из военной аристократии. Можно сказать, что фамилия Мистуловых соединила в себе как знатное происхождение, так и лучшие качества военной интеллигенции.

О происхождении фамилии нет однозначной версии. Существует несколько вариантов ее происхождения. По одному из них, приведенной Н.Г. Волковой, Мистуловы являются выходцами из Балкарии [1]. Сами же представители фамилии во второй половине XIX века называли себя *баделятами* [2]. Некоторые архивные документы представляют Мистуловых как алагирских старшин [3]. Одно несомненно — фамилия эта пользовалась уважением у знатных родов Осетии и ее соседей. Доказательством служат примеры заключения браков между Мистуловыми и аристократическими родами Осетии. Документы донесли до нас факты установления родства с тагаурскими алдарами Тугановыми, Есеновыми, дигорскими баделятами Кабановыми, Кубатиевыми, Зураповыми, Каражаевыми, царгасатами Карабугаевыми, куртатинскими таубиями Цаликовыми, Гайтовыми, алагирскими уазданами Адырхаевыми, Бекузаровыми и др. [4]. Сохранилось свидетельство от 10-го Октября 1860 года о привилегированном происхождении этой фамилии, подписанное как представителями осетинской знати, так и кабардинскими и ингушскими депутатами: «Дано сие родственникам моим Георгию и Давиду Мистуловым в том, что они действительно есть законные сыновья родственника моего Тми Мистулова, который пользовался в народе теми правами и преимуществами, коими пользовались предки наши, и мы поныне как происходящие от Дигорских Бадилаз первой степени узденей. В чем и свидетельствую подписом моим. *Дигорский Бадилаз первой степени узденей Казий Мистулов, а по неграмотству прикладываю чернильный знак перста своего*». Документ подписан депутатами от осетин: Джида Дзираевым, юнкером Дударом Доцоевым, подпоручиком Бесланом Тулатовым, поручиком Бараспи Тархановым, капитаном

Гака Кусовым, капитаном Жукаевым; от ингушей: юнкером Альты Мальсаговым и штабс-капитаном Темурко Ахриевым, а так же кабардинцем штабс-капитаном Адиль-Гирей Анзоровым [5].

Титул *дигорский баделят* был, скорее всего, использован Мистуловыми с целью подчеркнуть свое знатное происхождение, но, никак не претендуя на прямое родство с родоначальником привилегированного сословия Дигории — Бадели, к потомкам которого относились лишь семь фамилий: Абисаловы, Кубатиевы с ветвями Дзайнуковых и Зураповых, Тугановы, Каражаевы, Битугевы, Чегомовы и Кабановы.

Сами же Мистуловы, первой степени уздени братья Георгий и Давид, в прошении от 31 августа 1863 г. к Его превосходительству Командующему войсками Терской области Господину Генерал-Лейтенанту и Кавалеру Лорис-Меликову писали следующее: «Принадлежа к дигорским Баделятам Мистуловым, и о сем происхождении нашем, представляя свидетельство однофамильца нашего узденя Кази Мистулова, засвидетельствованное подписями всех чинов народного суда, с приложением печатей их, а также подписи Помощника Начальника Военно-Осетинского округа и печати Окружного управления за № 1165, мы, два родных брата сим всепокорнейше просим Ваше Превосходительство сие наше прошение с прилагаемым документом благоволить приказать передать в Комиссию для разбирательства личных и поземельных прав осетин и сравнить нас во всем с правами и преимуществами, кои будут предоставлены нашим однофамильцам узденям I степени Мистуловым. Прилагаемую же при сем копию с документа за № 1165, по надлежащем засвидетельствовании в верности, соизвольте возвратить нам». К сему прошению по-грузински подписались: (подписи) [6].

Фонды Центрального Государственного архива РСО-Алания содержат уникальные документы за 1859 г., в которых приводятся родословные двух ветвей данной фамилии, поданные в Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземных жителей Военно-Осетинского округа. В одном из них, поданном в оный Комитет, «живущего на плоскости в ауле Ардонском Дигорского Баделата Кази Мистулова» говорится: «Происходя из Дигорских баделят 1-й степени узденей фамилии Мистуловых, по этому представляя при сем в оный комитет родословную мою роспись осмеливаюсь покорнейше просить одного Комитета утвердить меня в числе баделята в достоинстве 1-й степени узденем, и в том выдать мне надлежащий документ. 14 июля 1859 г. Кр. Владикавказ. Напомятая имя и фамилию свою 1-й степени узденей Мусса Мистулов».

На данном документе стоит резолюция представителя одного Комитета: *«От бадилат не происходят, но правами и уважением пользовались одинаково с баделятами. Поведения хорошего»* [7]. Согласно документам, поданным в Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземных жителей Военно-Осетинского округа доверенными лицами от фамилии, Мистуловы делятся на две основные ветви. Наиболее известными представителями первой ветви являются:

Касполат

Гокъ Касполатович

Салат Гокаевич – женат на дочери тагаурского алдара Азаухан Дацаевне Тугановой.

Баби Гокаевич – женат на дочери дигорского баделята Беса Зураповне Кубатиевой.

Мурзабек Салатович – войсковой старшина, пристав карачаевских и абазинских народов. В 1851г. был застрелен в селении Хурзук [8]. Женат на дочери тагаурского алдара Зали Инаркоевне Кундуховой.

Кази Бабиевич – женат на дочери тагаурского алдара Зино Габисовне Есеновой.

Мисост Бабиевич

Мусса Мурзабекович – 1851 г.р.

Батоко Казиевич – ротмистр.

Афако Казиевич – 1841 г.р.

Гадо Мисостович – 1836 г.р.

Тасолтан Муссаевич – 1880 г.р., женат на дочери куртатинского таубия Дженнетхан Темболатовне Цаликовой.

Хан-Гирей Муссаевич – 1885 г.р.,

Касполат Афакоевич – 1868 г.р.

Наиболее известными представителями второй ветви данной фамилии являются:

Дудар – женат на дочери дигорского баделята Кабанова.

Хабе Дударовна – замужем за полковником Бекузаровым. В этом браке имела единственную дочь – Хадизат, которая вышла замуж за Дигорского баделята Дохчико Мисостовича Кубатиева.

Гагуда Дударовна – замужем за куртатинским таубием, полковником русской армии Иналуком Тасоевичем Гайтовым (1847 г.р.).

Асланбек Дударович – 1842 г.р., хорунжий Горского-Моздокского конного полка ТКВ. Награжден знаком отличия Военного ордена 4 ст., для мусульман установленный, за отличие, оказанное им в делах и перестрелках с разбойниками и контрабандистами на границах с Персией и Турцией в течении 1870, 1871 и 1872 гг. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с МБ за отличие, оказанное 4 и 5 мая при взятии крепости Ардагана. В первом браке состоял с дочерью дигорского баделята майора Ислама Каражаева, во втором – с дочерью дигорского царгасата Госамайхо Межиевной Карабугаевой. В первом браке он имел сыновей Эльмурзу и Аслан-Мурзу и дочь Госсе, а во втором браке сыновей Дзанчега, Долата, Хаджи-Омара и Гена. [9]

Меретхан Дударовна – замужем за генерал-лейтенантом Заурбеком Дзамболатовичем Тургиевым (1859-1915).

Джан Дударовна – в первом браке замужем за Алагирским уазданом, ротмистром Асланбеком Адырхаевым, во втором – за генерал-лейтенантом Иналом Тегоевичем Кусовым (1847-1918). Этот брак был бездетным, а дочь от первого брака – Салихан, вышла замуж за генерал-лейтенанта Афако Пациевича Фидарова (1859-1930) [10].

Хаджихан Дударовна – замужем за дигорским баделятом Бекиром Муссаевичем Зураповым-Кубатиевым (1836 г.р.). Ее дочь, Фуза Бекировна – замужем за кабардинским тлехотлешем генерал-майором Мударом Кайсыновичем Анзоровым, средним сыном генерал-майора Кайсына Анзорова. Всю свою жизнь М.К. Анзоров посвятил военной службе. Он стал одним из немногих российских офицеров, удостоенных за боевые отличия ордена Св. Георгия Победоносца, чьи имена до Первой мировой войны заносились на мраморные доски в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца, где значатся такие выдающиеся полководцы и флотоводцы, как А.В.Суворов, М.И. Кутузов, П.И. Багратион, Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов и др. Мудар Кайсынович – герой Русско-японской войны. За мужество, проявленное в боях с неприятелем в составе 2-й Маньчжурской армии, он был удостоен пяти орденов: Св.Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св.Анны 3 ст. с М.Б., Св.Анны 2 ст. с М., Св. Георгия 4 ст. В 1920 г. генерал-майор Мудар Анзоров вместе с женой и дочерью Жан эмигрировал в Турцию, в г. Константинополь. Впоследствии Жан Мударовна Анзорова вышла замуж за дигорского царгасата генерала Сирийской армии Умарбека Мухджировича Кантемирова (1911-1973). Умерла она в Дамаске в 2002 г. в возрасте 87 лет [11].

Долат Асланбекович – ум. ок. 1915.

Хаджи -Омар Асланбекович

Дзанчег Асланбекович – есаул. В 1945 году, предательски выданный англичанами вместе с казаками Казачьего Стана, окончил свою жизнь заключенным в сталинском ГУЛАГе. Был женат на Ольге Алексеевне Сосиевой (ум. в конце 1936 года) [12].

Гена Асланбекович – корнет Текинского конного полка, участник Первой мировой войны, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (один из 37 осетин, получивших эту награду).

Кошерхан (Госсе) Асланбековна – в 30-е годы была репрессирована.

*Мистулова
Кошерхан Асланбековна
(вторая слева)*

*Мистулова
Кошерхан Асланбековна
(стоит)*

Мистулов Эльмурза Асланбекович – (16.09.1869-09.11.1918) Генерал-майор с 03.1917 г. В 1889 г. окончил Ставропольское юнкерское казачье училище. Участник русско-японской войны 1904 – 1905 в чине офицера Терско-Кубанского полка, трижды ранен. Участник Первой Мировой войны в чине командира 2-го Сунженско-Владикавказского полка. С 31.03.1916 командир 1-го Кавказского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического Кубанского казачьего полка на Турецком фронте. Активный участник Бе-

лого движения: В станице Черноярской на Терском Войсковом круге 03.1918 избран командующим казачьими войсками Терека (Терского края). В результате ряда поражений Белой армии и очевидной бесплодности дальнейшей борьбы решила его судьбу. 09.11.1918 славный генерал Мистулов покончил с собой застрелился [13].

Эльмурза Дзанчегович – 1922 г.р., хорунжий. Обучался в 1-ом Русском Великого Князя Константина Константиновича кадетском корпусе, который закончил в 1941 году. по окончании кадетского корпуса он поступил в «Роту допризывной подготовки молодежи РОВС'а» полковника М.Т. Гордеева-Зарецкого. Всю свою жизнь он посвятил общественно-политической деятельности. Являлся членом, созданной генералом М. Ф. Скородумовым, военномонархической организации «Русское народное ополчение», Союза чинов русского Корпуса, Объединения русских антикоммунистических организаций в Лос-Анжелесе, председателем которого он был выбран единогласно после смерти основателя Я.Я Эллerta, Общества русских ветеранов в Лос-Анжелесе, местного отдела Конгресса русских американцев, Общества имени Св. Иоанна Кронштадского и др. В Терском войске он исполнял обязанности заместителя Войскового атамана, с 1986 года являлся старшим офицером Объединения дивизиона С.Е.В. Конвоя.

С 1951 года Э.Д. Мистулов жил в Лос-Анжелесе, где он женился на Лидии Евгеньевне Кулаковой. У них родились сыновья Георгий-Эльберт и Александр. Скончался Э.Д. Мистулов 30 мая 1990 года, находясь в Вашингтоне и участвуя в Съезде бывших воспитанников русских гимназий в Белграде скоропостижно в Белграде. Похороны состоялись в Лос-Анжелесе 9 июня 1990 г. Чин отпевания совершил Преосвященный Антоний, Архиепископ Лосанжелесский и Южнокалийфорнийский, в сослужении прот. о. Александра Лебедева и диакона о. Георгия Григорьева [14].

Эльберт Дзанчегович – кадет XXI выпуска I-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса, который закончил в 1941 году. Погиб трагически при невыясненных обстоятельствах по окончании кадетского корпуса [15].

Георгий Эльмурзаевич – генеральный директор Российского отделения Accenture, ранее Andersen Consulting – ведущей международной консалтинговой компании, специализирующейся в области управления и информационных технологий. Гражданин США.

Примечания:

1. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII – начале XX вв. М., 1974. С.122.
2. Ф.291, оп.1, д.11, л.103.
3. Ф.291, оп.1, д.18, л.14.
4. Ф.291, оп.1, д.11, л.104-106.
5. Ф.256, оп.1, д.8, л.25.
6. Там же.
7. Ф.291, оп.1, д.11, л.103.
8. Газ. «Карачай», № 33 (9894) от 20 апреля 2006 г.
9. Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ, 1992, с.128-129.
10. Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003, с.531.
11. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – XX в. Нальчик, 2006, с.42-43.
12. Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ, 1992, с.134.
13. Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003, с.416-429.
14. Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003, с.430-433.
15. Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003, с.431.

Е.Ф. Кринко, В.Х. Сатцаева

Участие Черноморского флота в Великой Отечественной войне

Боевые действия на Черном море в годы Великой Отечественной войны имели определенные особенности, обусловленные рядом обстоятельств. Первое из них связано со спецификой самого театра военных действий: Черное море представляет собой закрытую акваторию достаточно ограниченных размеров, что облегчало оперативное развертывание сил флота и организацию их взаимодействия. Сравнительно благоприятные природные условия давали возможность вести боевые действия практически круглый год. Глубины до 1800 – 2400 м ограничивали использование минного оружия и средств противолодочной обороны, за исключением полосы, непосредственно прилегающей к побережью, а также неглубокой северо-западной части моря. Центральное положение Крымского полуострова позволяло тому, кто владел его базами и аэродромами, использовать свои силы в любом направлении и контролировать выход в Азовское море. Наиболее выгодное положение занимал Севастополь, кроме того, имелись морские порты в Феодосии, Ялте, Керчи. Поэтому противостояние на Черном море неизбежно приводило к борьбе за Крым и за Севастополь.

К началу войны Черноморский флот [1] располагал более чем 300 кораблями, в том числе 1 линкором, 5 крейсерами, 16 лидерами и эсминцами, 44 подводными лодками, 12 тральщиками, 4 канонерскими лодками, 82 торпедными катерами, 12 тральщиками, 2 сторожевыми кораблями, 3 минными заградителями, 24 охотниками за подводными лодками и другими судами. Флот имел 1231 орудие и 639 самолетов различных типов. Военно-морские базы в Севастополе, Одессе, Новороссийске, Батуми и других портах с моря прикрывала береговая артиллерия, части которой вместе с ПВО насчитывали около 300 орудий, но практически отсутствовала их оборона с суши. В состав Черноморского флота также входили сформированная в 1940 г. Дунайская (действовала до 20 ноября 1941 г., вновь сформирована 20 апреля 1944 г.) и Азовская (с 22 июля 1941 г. – по 14 октября 1942 г., с 31 мая 1943 г. – 20 апреля 1944 г.) флотилии. Они включали, в основном, легкие суда (бронекатера, канонерские лодки, мониторы) предназначенные не допустить форсирования противником Дуная и его высадку на Азовском побережье.

Германия к началу войны вообще не имела своих боевых кораблей на Черном море, потенциальными противниками советского флота первоначально выступали военно-морские силы ее союзников – Румынии и Болгарии. Румыния располагала 4 эсминцами, 3 миноносцами, 3 канонерскими лодками, минным заградителем, подводной лодкой, мониторами, катерами и вспомогательными судами. Главной их базой являлась Констанца, береговая артиллерия также прикрывала Сулин, Балчик и Мангалию. Военно-морские силы Болгарии, состоявшие из 4 старых миноносцев, 2 сторожевых кораблей и нескольких сторожевых катеров базировались в Варне и Бургасе, их прикрывала береговая артиллерия. В результате к началу войны советский флот имел подавляющее превосходство над противником в Черном море и сохранял его по многим показателям, кроме авиации, на всем протяжении боевых действий.

Однако представления советского руководства, во многом определявшие состав и численность Черноморского флота, не соответствовали новым требованиям. «Большая кораблестроительная программа» в СССР предусматривала, как, впрочем, и в других ведущих морских странах, в первую очередь, постройку линейных кораблей и тяжелых крейсеров, олицетворявших собой морскую мощь государства. Между тем, крупные надводные корабли постепенно утрачивали свое значение, все более возрастала роль авиации и подводных лодок. С другой стороны, в СССР недостаточно внимания уделялось строительству кораблей, выполнявших обеспечивающие функции, флоту не доставало тральщиков, противолодочных кораблей и катеров, он не имел ни одного специального десантного корабля [2].

В оперативной и тактической подготовке советского флота существовали и другие недостатки, например, недостаточно внимания уделялось вопросам его взаимодействия с армией, артиллерийским стрельбам по береговым целям, противолодочной и противоминной обороне [3]. В начале войны остро сказывалось отставание в создании неконтактных мин и неконтактных тралов, которыми противник в 1941 г. уже располагал. По техническим характеристикам артиллерии, глубинных бомб и других противолодочных средств ВМФ СССР не уступал другим флотам, но ни один из шумопеленгаторов и приборов подводной связи, которые находились к началу войны на советских кораблях, не позволял вести успешного наблюдения за подводными лодками противника [4]. Почти 90 % самолетов военно-морской авиации относились к устаревшим типам, пикирующие бомбардировщики почти отсутствовали, уже перед самым началом войны Черноморский флот получил эскадрилью из 16 самолетов Пе-2 [5].

План «Барбаросса» предусматривал ограниченные действия на море, но с захватом Черноморского побережья СССР связывалось решение других важнейших военно-политических и экономических задач: удержание нефтеносных районов Румынии, последующий захват Крыма и Кавказа с его нефтяными источниками, подготовка к походу через Иран на Индию. Недостаток сил позволял планировать единственно возможный путь овладения военно-морскими базами Черноморского флота – с суши, что должно было, по мнению верховного немецкого командования, исключить возможность его противодействия и помешать использованию морских коммуникаций для снабжения Красной Армии [6].

Все действия Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны можно разделить на три основных этапа, первый из которых начинается с нападения Германии на СССР. Немецкое командование рассчитывало уничтожить главные силы флота ударом с воздуха, затем минами и подводными лодками блокировать остальные корабли до захвата баз с суши. Но, в отличие от Красной Армии, флот не понес потерь в первый же день войны, благодаря не только ограниченным силам противника, с которыми ему пришлось вести борьбу, но и вовремя принятым наркомом флота Н. Г. Кузнецовым решениям. Впрочем, начало войны нельзя считать полностью удачным для Черноморского флота. Достаточно поспешным, хоть и вполне объяснимым в тех условиях, выглядит выставление оборонительных минных заграждений у Севастополя, Одессы, Новороссийска, Туапсе, Батуми и в Керченском проливе. Его результаты сказались позже, а в 1941 г. Германия сама стремилась минными заграждениями сковать советский флот. Вскоре Черноморский флот понес и первые серьезные потери, 25 июня 1941 г. эскадра обстреляла Констанцу, но при отходе на mine взорвался лидер «Москва», большая часть экипажа погибла, остальные моряки попали в плен. В первые недели войны на Черное море были переброшены по Дунаю несколько немецких, а затем и итальянских подводных лодок и торпедных катеров.

Тем не менее, на первом этапе Черноморский флот оказал значительную артиллерийскую и воздушную поддержку соединениям Красной Армии в оборонительных боях на приморских направлениях, высадил ряд морских десантов, отразил десанты противника. Подводные лодки осуществляли вместе с надводными кораблями морские перевозки и действовали на путях сообщений противника, но активность их постепенно снижалась, так как немецкие коммуникации пролегли в отдаленной северо-западной части моря.

Однако немецкому командованию, чтобы избежать потерь, пришлось постоянно усиливать охрану и перейти к ночным перевозкам. Авиация Черноморского флота, несмотря на немецкое превосходство в воздухе, совершила свыше 20 тыс. вылетов, нанесла удары по военно-морским базам – Галацу, Сулине, Констанце, мосту через Дунай в районе Черновод, нефтяному центру Плоешти [7].

В августе – октябре 1941 г. Черноморский флот активно участвовал в обороне Одессы, затем Севастополя, обеспечивая регулярное сообщение их гарнизонов с тыловыми районами. Только в июне 1942 г., в самый напряженный момент, корабли и подводные лодки под огнем противника совершили 121 рейс в осажденный Севастополь, перевезли десятки тысяч человек пополнения, раненых, тысячи тонн боеприпасов и продовольствия. До этого, в декабре 1941 г. была проведена Керченско-Феодосийская десантная операция, в которой участвовали 82,5 тыс. чел., свыше 250 кораблей и судов, около 600 самолетов [8]. Но весной вермахту удалось полностью вытеснить советские войска с Керченского полуострова, а затем советские войска оставили Севастополь.

Главные цели немецкого наступления на юге в 1942 г., ставшего началом нового, самого интенсивного этапа боевых действий Черноморского флота, заключались в захвате Кавказа, прежде всего, нефтеносного района Баку, и выходе к Волге. После овладения Крымом предполагалось основные силы 11-й немецкой армии переправить через Керченский пролив (операция «Блюхер»). Для содействия этому в румынские порты в спешном порядке были переброшены дополнительные немецкие и итальянские подводные лодки и легкие корабли. Всего к июлю 1942 г. противник имел на Черном море 1 вспомогательный крейсер, 4 эсминца, 3 миноносца, 4 сторожевых корабля, 4 канонерские лодки, 7 подводных лодок, 16 торпедных катеров, 13 тральщиков, 30 сторожевых катеров и около 100 самоходных барж. К операциям на море систематически привлекался 4-й воздушный флот Германии, уже после захвата Севастополя большая часть немецкой авиации (600 – 800 самолетов) была переброшена на сухопутный фронт, на Черноморском театре осталось 300 – 310 самолетов [9]. Таким образом, к началу обороны Кавказа Черноморский флот по надводным кораблям по-прежнему превосходил силы противника на Черном и Азовском морях, насчитывая 153 корабля разных классов, но в полтора раза уступал им по численности авиации (216 самолетов) [10]. Поэтому главный способ борьбы противника с флотом оставался прежним и предусматривал захват с суши портов Кавказского побережья.

На втором этапе флоту пришлось базироваться в плохо приспособленных для этого портах Черноморского побережья Кавказа, что осложняло ремонт и обеспечение кораблей. Напротив, германский флот мог использовать для ремонта не только верфи в Галаце, но и восстановленные цеха николаевских судостроительных заводов. Действия авиации также затрудняло ограниченное количество аэродромов и их слабая техническая оснащенность. В то же время упорная оборона Азовского побережья заставила противника отказаться от планировавшегося десанта, тогда немецкое командование приняло решение переправить из Крыма через пролив 4 дивизии (операция «Блюхер 2»). Моряки-черноморцы участвовали в обороне Ейской, Темрюкской и Керченской военно-морских баз, Павло-Очаковского узла сопротивления, Новороссийского и Туапсинского оборонительных районов. Для противодесантной обороны побережья Черноморский флот и Азовская флотилия выделили около 40 тыс. морских пехотинцев, 350 орудий береговой и зенитной артиллерии. Несмотря на активные действия авиации, подводных лодок и торпедных катеров противника перевозки вдоль Черноморского побережья не прекращались, на морских коммуникациях в период битвы за Кавказ ежедневно плавало около 30 транспортов и судов малого тоннажа. Для их охраны Черноморский флот мог выделить только около 20 кораблей, поэтому защита морских сообщений была связана с большими трудностями [11].

В целом, Черноморский флот сохранил свою боеспособность и сыграл важную роль в обороне Кавказа. При переходе советских войск в наступление были осуществлены высадки морских десантов в районах Южной Озерейки и Станички, флот содействовал успеху 7-месячной обороны Малой земли, а затем и полному освобождению Таманского полуострова. Весной 1943 г. немецкая авиация утратила свое господство в небе Кубани, однако противнику удалось сохранить сильную противовоздушную оборону керченской коммуникации и осуществить перевозку своих войск в Крым, хоть он и понес при этом значительные потери. В результате самой крупной за время войны Керченско-Эльтигенской десантной операции в самом конце 1943 г. был захвачен плацдарм на Керченском полуострове. Флот обеспечивал высадку десанта, его снабжение и вывоз раненых с плацдарма, артиллерийскую и авиационную поддержку. В операции принимало участие до 150 тыс. чел., свыше 1 тыс. самолетов, 119 боевых кораблей и 159 высадочных средств, в качестве которых использовались боты, сейнеры и другие рыбацкие суда [12].

В 1943 г. только подводные лодки потопили 26 транспортов, а ВВС флота свыше 70 судов противника. Всего в период битвы за Кавказ Черноморский флот уничтожил более 130 транспортов, десантных барж, торпедных и сторожевых катеров и сейнеров, но и сам понес на этом, самом сложном этапе, большие потери. В начале октября 1943 г. эскадра направилась к южному берегу Крыма для обстрела портов Феодосии и Ялты с целью уничтожения находившихся там немецких транспортных судов и попала под удар немецкой авиации. Погибли лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Спокойный». После этого Ставка Верховного Главнокомандования прямо запретила использовать корабли эскадры без надежного прикрытия с воздуха, потребовав направить дальнейшие действия флота в интересах сухопутных войск [13].

Третий этап в действиях Черноморского флота пришелся на 1944 – 1945 гг., его главная задача в это время заключалась в обеспечении морских коммуникаций, что осложнялось их возросшей протяженностью, сохранявшейся высокой минной опасностью, увеличением самого объема перевозок для наступавших сухопутных войск. После перелома в войне противник также использовал военно-морские силы главным образом для содействия сухопутным войскам в удержании приморских областей и плацдармов. Кроме того, в 1944 г. Черноморский флот и Азовская военная флотилия, а несколько позже созданная на ее базе Дунайская военная флотилия содействовали Отдельной Приморской армии и 4-му Украинскому фронту в освобождении Крыма.

Авиация, подводные лодки и торпедные катера Черноморского флота стремились воспрепятствовать эвакуации войск противника из Крыма, что им полностью не удалось, во многом, из-за понесенных потерь. К началу 1944 г. в строю находилось меньше половины лодок, входивших в состав черноморской бригады, из 28 в море выходило, как правило, не более десяти [14]. Тем не менее, они нанесли немалый урон противнику, в сообщении Совинформбюро об итогах Крымской кампании говорилось, что авиация и корабли Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая потопили 191 судно противника с войсками и военными грузами [15]. Если 1 апреля в Крыму насчитывалось 128,4 тыс. солдат и офицеров вермахта, то к 14 мая в порты Румынии было перевезено 96,9 тыс. чел. Это позволило А. Хильгруберу утверждать, что немецкому командованию удалось спасти 2/3 своей армии, потери он исчислял в 31,5 тыс. чел. Однако это количество не учитывало личный состав прибывших румынских войск (40,2 тыс. чел.), поэтому советские историки, приводя

более высокие цифры потерь вермахта, рассматривали данные события как их крупный разгром [16].

Соединения и части Черноморского флота также активно участвовали в Одесской и Яско-Кишиневской наступательных операциях советских войск. Азовская военная флотилия поддерживала сухопутные войска при освобождении городов Таганрог, Мариуполь, Осипенко (Бердянск) и выполняла ряд других важных задач. Вновь созданная в апреле 1944 г. на ее основе Дунайская военная флотилия прошла с боями от устья Дуная до Вены, где и встретила окончание войны.

Общие оценки советских и зарубежных историков участия Черноморского флота в Великой Отечественной войне нередко существенно различаются. Советские историки, как правило, подчеркивали, что флот выполнил полностью стоявшие перед ним в годы войны задачи, а моряки-черноморцы совершили немало героических подвигов. Это объясняется руководящей ролью коммунистической партии и патриотизмом советского народа. Ряд авторов отмечал, что советское военно-морское искусство, «непрерывно совершенствуясь в течение Великой Отечественной войны, к моменту ее окончания достигло высокого уровня своего развития». В то же время критике подвергается «сведение флота до роли помощника сухопутных войск» [17].

Напротив, большинство зарубежных исследователей негативно оценивает состояние Черноморского флота и эффективность его действий в годы войны, полное отсутствие успешных морских операций. В частности Ю. Ровер и Д. Митчелл подчеркивают, что на Черном море, за исключением первого года войны, почти не использовались надводные корабли. Однако даже зарубежные историки признают успешными действия подводных лодок, торпедных катеров и проведение десантных операций [18].

Действительно, во время Великой Отечественной войны Черноморский флот не провел ни одного крупного морского сражения, что, впрочем, характерно и для всего советского ВМФ. Главным содержанием противостояния на морских театрах военных действий в годы Второй мировой войны являлась борьба за морские коммуникации, и Черноморский флот справился с указанной задачей. Кроме того, он осуществил наиболее крупные и успешные десантные операции в годы Великой Отечественной войны (4 оперативных и 8 тактических морских десантов). Напротив, ни один порт или приморский город не был захвачен противником с моря. В целом, за годы войны Черноморский флот потопил и повредил 508 кораблей и су-

дов противника, уничтожил большое количество его живой силы и военной техники, обеспечил перевозку около 2 млн. чел., свыше 8 млн. т воинских и народно-хозяйственных грузов.

В то же время Черноморский флот понес существенные потери в Великой Отечественной войне. Всего за время войны он потерял 105 тыс. чел., что составило более 44 % всех советских потерь на море в 1941 – 1945 гг. (23,9 тыс. чел.). Еще более высок в процентном соотношении показатель безвозвратных потерь, в совокупности убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и попавшие в плен составили 82,4 тыс. чел. или 78,4 % (а среди офицеров даже 81,5 %) от всех потерь, понесенных флотом во время войны. Это составляет 53,6 % всех безвозвратных советских военно-морских потерь за время Второй мировой войны (153,7 тыс. чел.). При этом были убиты и умерли на этапах санитарной эвакуации 16,9 тыс. чел. или 16,1 % от общей численности флотских потерь, небоевые потери составляют 6 тыс. чел. или 5,8 %, а основное количество приходится на пропавших без вести (в первую очередь) и попавших в плен – 59,4 тыс. чел. или 56,5 % всех потерь флота. Санитарные потери (раненые и больные) составили всего 22,7 тыс. чел. (в том числе, 19 тыс. раненых и 3,7 тыс. больных) или 21,6 % от общей численности потерь флота – 26,7 % от общей численности санитарных потерь советского ВМФ в 1941 – 1945 гг. (84,9 тыс. чел.) [19].

Таким образом, Черноморский флот понес самые большие потери из всех советских военно-морских соединений за время войны. С учетом того, что продолжительность боевых действий на Черном море составляла 1183 суток, в то время как у двух других действовавших на протяжении всей Великой Отечественной войны флотов – Северного и Балтийского – по 1418 суток, еще более высок уровень среднемесячных потерь. Они составляли на Черноморском флоте 3 % от общей численности личного состава, в то время как на Балтийском флоте равнялись 2 %, на Северном – 1 % личного состава [19]. Во многом это объясняется особой жесточечностью и упорством, с которыми шли бои на Черном море. В то же время свою роль сыграли определенные просчеты советского командования, допущенные как в процессе подготовки к войне, так и в ходе самой войны, связанные с недостоверными оценками собственных возможностей и возможностей авиации и флота противника.

Примечания:

1. Командовали Черноморским флотом с июня 1941 г. по апрель 1943 г. и с марта 1944 г. до конца войны вице-адмирал (с апреля

1944 г. – адмирал) Ф. С. Октябрьский; с апреля 1943 г. по март 1944 г. контр-адмирал (с марта 1944 г. – вице-адмирал) Л. А. Владимирский. В марте 1944 г. временно исполнял обязанности командующего вице-адмирал Н. Е. Басистый. Членами Военного совета являлись с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. дивизионный комиссар (с декабря 1942 г. – контр-адмирал) Н. М. Кулаков; с октября 1941 г. по март 1943 г. и с февраля 1944 г. до конца войны дивизионный комиссар (с декабря 1942 г. – контр-адмирал, с сентября 1944 г. – вице-адмирал) И. И. Азаров. В декабре 1943 г. – феврале 1944 г. обязанности члена Военного совета временно исполнял генерал-лейтенант И. В. Рогов. Начальниками штаба являлись в июне 1941 г. – январе 1944 г. контр-адмирал И. Д. Елисеев; с февраля по декабрь 1944 г. контр-адмирал И. Ф. Голубев-Монаткин, с декабря 1944 г. до конца войны – вице-адмирал Н. Е. Басистый.

2. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973. С.18.

3. Сагоян А. А. Корабельная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1952. С.131 – 133.

4. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. С.43.

5. Яковлев А. С. 50 лет советского самолетостроения. М., 1968. С.26 – 29.

6. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. С.52 – 53.

7. Исаков И. С. Военно-морской флот СССР в Отечественной войне. М. – Л., 1944. С.69.

8. Зубков А. И. Керченско-Феодосийская операция. М., 1974; Кринко Е. Ф. Керченско-Феодосийская десантная операция: подготовка, проведение, итоги // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып.1. С.57 – 65 и др.

9. Кирич И. Д. Черноморский флот в битве за Кавказ. М., 1958. С.12 – 13.

10. Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С.373.

11. Кирич И. Д. Указ. соч. С.93, 121.

12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн.2. Часть 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар, 2003. С.644.

13. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. С.304 – 307.

14. Виноградов Н. И. Подводный фронт. М., 1989. С.234.

15. Исаков И. С. Указ. соч. С.105.

16. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. С.315.

17. Кирич И. Д. Указ. соч. С.197 и др.; Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. С.397.

18. *Киличенков А. А.* Советский флот в Великой Отечественной войне, 1941 – 1945 гг. (английская и американская историография проблемы) // Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. опыт изучения и преподавания. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 17 мая 2005 г. М., 2005. С.208 – 212.

19. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993. С.297, 300 – 304.

Г.С. Стриженок

Знакомство с графом П.Н. Апраксиным, потомком сподвижников Петра I

Человека, о котором я хочу вам рассказать, звали граф Апраксин. И, пожалуйста, не удивляйтесь! Мне довелось с ним встречаться в марокканском порту Касабланка.

Да, действительно, это был настоящий граф Апраксин, потомок из того дворянского рода, известного в России еще с XVII века. В повседневной жизни к своему графскому титулу этот человек относился всегда с уважением, гордостью и каким-то особым достоинством, потому как знал о принадлежности всех дальних сородичей к элите самых влиятельных людей старой России. Апраксины были всегда близки ко двору Российских Императоров. Он хорошо знал и помнил заслуги всех и каждого своего предка. А в беседах непременно подчеркивал об этом [1].

Начиная с царствования Петра I и даже раньше, Апраксины вошли в историю нашего государства как люди деловые и предприимчивые. Хочу заметить также, что как и все мои сверстники, я никогда не увлекался исследованием родословной Апраксиных, в этом никогда не было необходимости. Я знал всего-навсего то, что в Ленинграде по улице Садовой есть старый торговый ряд с названием «Апраксин двор». Вытянутая на сотни метров, открытая к улице галерея объединила там много разных магазинов и ларьков. В них мне в студенческие годы приходилось бывать и покупать кое-какие нужные вещи: фотоматериалы, канцтовары, рыболовные снасти и т.п. Спустя несколько лет, мне пришлось заглянуть в историю этого многовекового дворянского рода. Оказывается, братья Апраксины – Федор и Петр – были сподвижниками великого Российского Царя Петра I, а Марфа, их сестра, была женой Царя Федора Алексеевича, при котором, как известно, произошло окончательное объединение Украины с Россией, начатое еще намного раньше украинским гетманом Богданом Хмельницким. Петр Матвеевич Апраксин отличался храбростью в войне со шведами и одержал над ними ряд крупных побед. А Федор Матвеевич Апраксин в чине генерал-адмирала командовал русским флотом, участвовал в Северной войне и под командованием Петра I участвовал в персидском походе.

Известно, что Ф.М. Апраксин за отличие в сражениях со шведами после взятия крепости Выборг был награжден императором зо-

лотой шпагой с бриллиантами. Эта награда считается одной из первых от правителей России, и в дальнейшей истории страны такое награждение стало традиционным. Наградное оружие для офицеров дворянского сословия воспринималось самой высокой наградой за верную службу Государю и Отечеству и главным символом чести и достоинства всего российского офицерства [2]. Традиция вручения наградного оружия имеет место и в наше время.

Влиятельный род Апраксиных долгое время принимал участие в решении многих военных и государственных вопросов.

Проходили годы и столетия. Дворянский род Апраксиных продолжал свое влияние на правящие умы России вплоть до 1917 года, практически до самой Октябрьской революции. Последний из великого дворянского рода граф П.Н. Апраксин входил в состав Временного правительства в качестве министра культуры. А в 1923 году он эмигрировал во Францию. Именно с ним состоялось наше знакомство. Оно было совсем непредвиденным, и в наш рассказ мы добавим вкратце те события и ситуации, которые привели к встрече с известным дворянином. А дело было так.

Осенью 1964 года трое геленджичан были откомандированы в Ленинград для участия в гидрографическом походе парусных судов «Крузенштерн» и «Седов» в Атлантический океан. Признаюсь откровенно, для меня это было в радость. Я думаю, любой бывалый моряк мог тогда нам позавидовать. Путешествие под парусами в сказочное Саргассово море, да еще на самых крупных в мире парусниках типа барк, не могло, как говорят, никому и сниться. Мы готовились к своему первому дальнему плаванию тщательно, очень старались. Вспоминая впоследствии наше пребывание в Ленинграде, запечатлелся один примечательный момент. Случайность это была или не случайность, но произошло следующее. Уходя в такое небывалое романтическое плавание, мои друзья подготовили фотоаппараты и кинокамеры. А я при поспешном отъезде из Геленджика не прихватил с собой фотокамеру, и поэтому мне пришлось покупать ее в Ленинграде. И хотя в городе было немало фотомагазинов, все же выбор почему-то пал на «Апраксин двор». Впоследствии именно этот факт показался каким-то загадочным и необъяснимым.

И вот, наконец, прошла суматошная подготовка, пришел день отсчета нашего дальнего плавания. На широких пирсах Кронштадта грянула музыка военных духовых оркестров. Послышалась команда: «Отдать швартовы! И мощные дизельные буксиры потащили огромные белые парусники за пределы порта.

Когда корабли покинули акваторию кронштадтского порта, на четырехмачтовых барках взметнулись белые паруса, и над бегущими волнами бирюзовой Балтики разнеслась музыка и песня «Бригантина поднимает паруса». Песня вызвала в сердцах людей какой-то небывалый, глубоко затаенный душевный восторг, она просто-напросто захватывала дух, захлестывала радостью и заколдовывала.

О том, как «Крузенштерн» и «Седов» проходили проливы и моря, как встречало и восприняло их сказочное Саргассово море со всей его экзотикой, можно рассказывать долго в интригующих приключенческих повестях. Трудного, непредвиденного, часто смешного и очень интересного было много. Но в сложные погодные трудовые и путевые ситуации вклинивались заходы в порты Касабланка и Гибралтар – они сглаживали напряжение и усталость. В них тоже было немало интересного. И, конечно, какой бы экзотической красотой не обладало Саргассово море, какими бы приключениями не было насыщено путешествие, человек привык жить на земле, он хочет ходить по ней, пользоваться ее благами. Земля – это среда обитания человека, она притягивает его своим существом, и он без нее жить не может.

В марокканском порту Касабланка советские парусные суда «Крузенштерн» и «Седов» находились пять дней. Моряки военной гидрографии и геофизики из Ленинграда и Геленджика знакомились с прелестями города и обычаями народа, жители старались побывать на самых больших парусниках мира. Вместе с ними бывали и наши русские эмигранты. Среди них – граф П.Н. Апраксин и внук великого писателя Льва Николаевича Толстого, и дочери графини Юсуповой, и многие другие известные лица. Их посещение было ежедневным, и они находились «на русской земле» с утра до вечера.

Из всех посетителей самой впечатляющей фигурой был граф П.Н. Апраксин. Утром к семи часам он приезжал к «Крузенштерну» на своем подержанном «Рено», оставлял его на пирсе и весь день находился на палубе в окружении моряков и геофизиков.

Это был человек высокого роста, немного сутуловатый, строго пропорциональной фигурой, всегда в сопровождении маленькой обезьянки, крепко державшейся за его левое плечо. Апраксин разговаривал тихо, вежливо, слегка смущенно улыбаясь. Свое мнение никому не навязывал. Говорил на литературном языке, чувствовалось постоянное чтение русских книг.

В первые дни встречи вопросы задавал обычно граф. Его интересовал Ленинград, хотя в своем лексиконе это слово употреблял редко. Он спрашивал о Петербурге, об улицах, строениях, памятниках

культуры, особенно о Зимнем дворце. Иногда уточнял свой вопрос и снова задавал его. При этом немного смущался и волновался.

Его волнение нам стало понятным после встречи с генеральным консулом СССР в Касабланке, который поведал заветную мечту графа. Дело в том, что П.Н. Апраксин, как пояснил консул, долго добивался разрешения на въезд в СССР, но получив его, не выезжал в «свой Петербург» чисто по финансовым мотивам. Нужны были деньги на существование, приобретение квартиры, транспортные расходы. А таких средств у графа не было.

Человек, уехав из России в 1923 году, всю жизнь мечтал вернуться на Родину. Он мечтал и умереть там, на родной земле. Родина для русского человека – имя притягательное. Его всегда притягивала родная земля, родной дом, друзья, люди, природа. Без них ему не было жизни. Таков уж русский характер...

Имел граф «свое дело» в Касабланке. В одном из узких переулков мы увидели табличку с надписью на трех языках. На русском мы читали: «Граф Апраксин. Ателье по ремонту холодильников». Конечно, это было предприятие небогатого человека. И мы полагаем, что его возвращение в Россию останется несбыточной мечтой.

Знакомясь с графом Апраксиным и другими русскими эмигрантами, мы узнали, что судьба их разбросала по сему свету. Большинство из них выезжали из России в 1923 году через Ригу. В поисках «хорошей жизни» побывали во многих странах мира. И хотя носили графские и княжеские титулы, были и грузчиками, и разнорабочими.

У графа П.Н. Апраксина основным пристанищем был Париж. И, судя по его рассказам, летом он проживал во Франции, а в зимние месяцы выезжал в Марокко, страну, которая до сравнительно недавних времен была протекторатом. В последние два дня пребывания на «Крузенштерне» граф П.Н. Апраксин вопросов уже не задавал. Он просто находился на «русской земле»: корабли, как принято в международном праве, считаются тоже территорией той страны, которой они принадлежат. Иногда он позировал нашим фотолюбителям. Несколько фотографий сделал и я.

Когда я снимал его, маленькая обезьянка, сидевшая у него на плече, прыгнула ко мне на руки, в испуге я уронил фотоаппарат, и дальнейшая съемка не состоялась. Потом я вспоминал место покупки и место поломки фотоаппарата, искал ту загадочную связь между ними. Случайность это была или нет, но оба факта были связаны с именем графа П.Н. Апраксина.

Но самым печальным событием в нашем знакомстве с графом Апраксиным было последнее прощание. Почти восьмидесятилетний че-

ловек, забыв о своем великом титуле и преодолевая гордость, стал сначала на колени, потом склонился к корабельной палубе. Человек прощался с малой русской территорией. Для него это было прощание с русской землей. Похоже, что оно было последним и навсегда [3].

Он молчал, а по его морщинистым щекам катились слезы. Это было прощание с Россией, страной, которую когда-то его предки защищали от нашествия шведов, поляков, турок и многих других поработителей. Это было прощание с Родиной.

Наши суда взяли курс на центральную Атлантику, в сторону Саргассова моря, которое, как мы узнали через несколько лет, является почти центром Бермудского треугольника. Нас ожидали новые приключения. А граф Апраксин проехал в своем автомобиле по пирсу и направил свет фар в сторону уходящих советских парусников. Затем долго мигал огнями, пока они не слились со светом ярких уличных прожекторов марокканского города Касабланки.

...Прошло тридцать лет, а фотографии пожилого человека с маленькой обезьянкой на левом плече я храню как ценную реликвию. Это память об Апраксиных, великих сподвижниках Российского Царя и реформатора Петра I.

Это был Петр Николаевич Апраксин, который воспринимал палубу парусника-барка «Крузенштерн» как родную российскую землю и на коленях кланялся ей с радостью сквозь слезы. Вот такая трогательная встреча произошла в декабре 1964 года.

Примечания:

1. *Стриженов Г.С.* Личности. – Геленджик: НИПИокеангеофизика, 1996. – С.14-20.
2. Сто великих наград (русское наградное оружие). – М. Вече, 2002.
3. *Шнейдер И.Г.* Операция Парус (наследники «Катти Сарк»). – Л.: Судостроение, 1977.

Сведения об авторах:

Бабич Александр Владимирович, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края»

Барзбиев Муслим Ибрагимович, (кандидат исторических наук, заведующий кафедрой культурологии и этнологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова)

Богданов Андрей Петрович, студент 5 курса факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ

Бороденко Вера Ефимовна, преподаватель кафедры дореволюционной истории КубГУ

Ващенко Иван Иванович, заместитель директора краснодарского художественного музея им. Ф.А. Коваленко

Герашенко А.Б. командир АПРК «Краснодар», капитан I ранга
Казаков Аслан Владимирович, кандидат исторических наук, подполковник

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, Почетный работник общего образования Российской Федерации.

Курочкина Ольга Николаевна – директор Православного культурно-просветительского Центра имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Макаренко Юрий Анатольевич, председатель Краснодарского Морского Собрания, капитан I ранга

Максидов Анатолий Ахмедович, кандидат исторических наук, зав. сектором генеалогии и геральдики Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства Республики Северная Осетия-Алания /СОИГСИ/. Отдел этнологии и антропологии СОИГСИ. Сектор генеалогических исследований, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Матвеев Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»

Нахимов Александр Павлович, Председатель Морской секции Российского Дворянского Собрания, потомок морской династии Нахимовых

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории КубГУ

Сатцаева Виктория Хазбиевна, студентка 4 курса юридического факультета Адыгейского филиала Северо-Кавказской академии государственной службы.

Стриженок Григорий Степанович, кандидат филологических наук, заведующий музеем истории морской геофизики ГНЦ «Южморгеология»

Фролов Борис Ефимович, заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Шкуро Владимир Ильич, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края», историограф Дворянского Собрания Кубани

Содержание

Раздел I. Гордость и слава России

<i>О.В. Матвеев</i> «С хладнокровием, отменным искусством и примерным мужеством...»	3
<i>Б.Е. Фролов</i> Флотилия Черноморского казачьего войска	17
<i>О.Н. Курочкина</i> «Непобедимый. Праведный. Святой» (Об адмирале Ф.Ф.Ушакове)	26
<i>В.Н. Ратушняк</i> Трагедия черноморского флота	31
<i>В.И. Шкуро</i> Морской Георгий атамана	42

Раздел II. Морская элита Империи

<i>А.П. Нахимов</i> Нахимовы на службе отечеству.	47
<i>А.Б. Геращенко, Ю.А. Макаренко</i> «Последователи М.П. Лазарева и другие адмиралы Черноморского военного флота России»	64
<i>О.И. Черкасова, А.А. Максидов</i> Морская династия Черкасовых	74
<i>А.В. Казаков</i> Адыги-моряки	81
<i>И.И. Ващенко</i> Российский адмирал из рода Мак – Грегоров.	87

Раздел III. Традиции служения Отечеству

<i>В.Е. Бороденко, А.М. Богданов</i> Церковные традиции в Российском Императорском флоте	91
<i>А.В. Бабич</i> Русская твердыня	98
<i>М.И. Баразбиев</i> Балкарские и карачаевские аристократы на военной службе Российской Империи	113
<i>И.-Б. Т.Марзоев</i> Мистуловы – представители осетинской аристократии на службе Отечеству.	120
<i>Е. Ф. Кринко, В. Х. Сатцаева</i> Участие Черноморского флота в Великой Отечественной войне	127
<i>Г.С. Стриженов</i> Знакомство с графом П.Н. Апраксиным, потомком сподвижников Петра I	137
Сведения об авторах:	142

✕ 146 ✕

✕ 147 ✕

ПЛД № 47-52
Отпечатано в типографии
ГУК КК «Кубанькино»
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89.
Сдано в набор 22.10.07
Подписано в печать 7.11.07
Усл. печ. л.9,2
Тираж 200 экз. Заказ № 15/2007